

ТРИУМФАТОР

Татьяна Любецкая

Татьяна Любецкая

ТРИУМФАТОР

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Москва
Олимп
1992

Художник
Марат ЗАКИРОВ

Любецкая Т. Л.

Л 93 Триумфатор. Вариации на тему одной легенды. — М.: Олимп, 1992. — 160 с.

ISBN 5-7390-0090-4

«Самый сильный человек Земли» — так называли в 30-е годы легендарного штангиста Серго Амбарцумяна. Его имя было в ту пору одним из символов «счастливой страны победившего социализма».

Необычной судьбе этого человека посвящена книга писательницы Татьяны Любецкой «Триумфатор».

Л $\frac{4702010201 - 033}{Г68(03) - 92}$

Без объявл.

ББК 84 Р7

© Агентство «Олимп», 1992

ЖЕЛЕЗНЫЙ МУЖЧИНА

(Вступление)

Кадры старой кинохроники: 30-е годы, Красная площадь, Всесоюзный парад физкультурников — советские люди, исполненные невиданного энтузиазма, торопливо, подпрыгивающей походкой (издержки техники) семянят в историю. Среди них один — очень высокий, красивый, сильный — шагает шире всех. Это Серго Амбарцумян.

Я не была знакома с ним и никогда не видела его ни в жизни, ни в турнирном бою — существенный, согласитесь, пробел в работе над этой книгой. Мы разошлись в несколько десятилетий: в момент его «исторического» триумфа меня не было на свете. Я появилась, когда «миг удачи» был у него уже позади, а когда решилась наконец-то писать о нём, Серго Амбарцумяна не стало...

Правда, мне довелось прослушать его магнитофонную исповедь — нехитрую попытку за тридцать минут проговорить всю свою жизнь, — и это оказалось даром для меня: внимать его волнению, голосу, трепетному дыханию в то время, как его давно уже не было...

Но всё же монолог не заменил мне диалога с Серго Амбарцумяном — ведь тогда я могла бы буквально из рук в руки принять от него его жизнь, спрашивая едва ли не обо всём, попытаться постичь её глубину, тепло и странность. Ибо всякая жизнь странна, то есть не похожа ни на чью другую, даже если и кажется абсолютно такой, как у всех. Тем более жизнь «звезды».

Впрочем, что толку рассуждать о невозможном? Опоздав встретиться с ним, я должна была искать его жизнь, если угодно, на стороне — среди фотографий и публикаций тех времён, в разговорах с его родными и друзьями, а также с теми, кто вовсе не был с ним знаком, но коих Серго Амбарцумян и его судьба поразили. «Шарманки выцветших воспоминаний»? Но лишь до тех пор, пока ты не загорись его судьбой, не примешь её как свою...

Я дала вступлению такое название не только потому, что оно кажется мне вполне удачным, но также и для соотнесения его с другим повествованием — «Железная женщина» Берберовой. Правда, жизнь «железной женщины» — это жизнь «кулис», мой же герой в пору успеха был обречён почти постоянно жить «на сцене». Однако и его, и её история причастны мифу и восходят к началу века, когда (как, впрочем, и в конце его) требовалась немалая доля «железности», для того чтобы выжить, устоять, и, по возможности, на высоте положения.

К этому названию меня принудили и иные параллели, навязчиво мерцавшие мне в судьбах этих двух людей — одной страны, одного времени, близко стоявших к сильным мира — пусть и достигших высот в столь различных сферах, какие только можно вообразить: в женской силе, настоящей на чарах, больших и маленьких хитростях, слёзах и «роковых ошибках», и — в мужской, сбитой из силы как таковой, по крайней мере так принято думать.

Наконец, манила и просто игра слов (женщина — железная — штанга — железо — мужчина), игра вроде поверхностная, пустая, однако при удачном попадании сулящая блестящий — «в яблочко» — результат.

В такой книге — о действительно живших людях (реальные события, исторический фон) не должно быть «никакой выдумки, никаких украшений, порождённых воображением, — пишет Н. Берберова («Железная женщина»), — только свидетельства, никогда не домыслы, выдаваемые за факты. Если было сказано: может быть, не может быть сказано ни да, ни нет. Если с моей стороны есть попытка разгадать загадку, то за нею следует и признание, что разгадки нет»... Эти слова вполне созвучны моему представлению о документальной прозе, все, кроме отринутой фантазии.

Разумеется, документальный герой послушен автору ещё меньше, чем придуманный. И, понятно, основа книги — это факты, на подмену и поправку которых у автора права нет. Но вокруг фактов вечно кружат всевозможные версии, фантазии, подтексты — магический флер, точно озоновый слой охраняющий жизнь, таинство легенды. И это тоже факт. Я не стану «вышивать по канве фантазии» и «украшать факты», а лишь попытаюсь дать им свободно дышать — насколько это возможно в их новом — книжном — бытии.

Украшения ведь по большей части вульгарны, да и просто факту не «к лицу». Но додумывание, уточнение, подсказанные воображением (и не выдаваемые, естественно, за факты), не только возможны, но, по-моему, необходимы. Иначе представить жизнь героя, время просто невыносимо. Ведь не будешь же ты — и не сможешь, — словно сыщик, ступать за героем след в след и списывать каждый шаг его, каждый вздох, а просто попытаешься органично и вольно пройти его жизнь.

Оговорюсь сразу, меня интересуют не только и не столько тяжелоатлетические кондиции моего героя, нюансы его «железной игры», сколько время, эпоха, его и её породившие, блеск и трагическая уязвимость «звезды» в контексте нашего времени и, вероятно, любого.

Тем не менее, я почти осилила несколько книг об известных штангистах — могла ли я вообще миновать тяжёлую атлетику, раз именно ей Серго Амбарцумян обязан своим успехом и неуспехом тоже? Но что они могли мне дать, эти «жизнеописания», точно справочники, состоящие из имён соперников и реляций о поднятых на турнирах тоннах штанг, — что, кроме привкуса железа?

Михаил Ромм сказал, впрочем, не дословно, что как раз скудость материала и может привести автора к неожиданному, яркому результату: у вас не хватает материала, значит, вы вынужденно будете ломать голову над тем, как его смонтировать, чем заполнить пустоты, и в конце концов смонтируете интересно. Правда, Ромм имел в виду кино, но ведь жизнь, вверенная строке и в особенности пространству между строк, может явиться тем же кино, только более многомерным, многоцветным, сулящим большой размах фантазии и тайны.

Итак, в основе легенды — подвиг, совершённый в тысяча девятьсот тридцать восьмом году и отражённый тогда в наших газетах броскими заголовками: «Серго Амбарцумян выполнил обещание, данное товарищу Сталину!» В одной этой фразе — вся его судьба. Но что за обещание? О чём? И какой на самом деле была эта судьба, щедро названная легендой, — счастливой? Роковой? Трагической? Какой она вообще могла быть в те уже далёкие, исторические и вместе с тем ещё вполне «наши» времена (ведь в них — жизнь наших отцов и дедов), отмеченные не только и, как мы теперь знаем, не столько подвигами и легендами, сколько миллионами загубленных людей.

Эта книга — не о них. Однако моё нынешнее знание о тотальном их погублении делает для меня любое воспоминание тех лет — с их участием. Они — греческий хор нашей трагедии: их глухой, неумолчный плач стоит за кадром этой и всех других легенд их времени, хотя время, если можно так выразиться, отказалось от них — их жизнь пропала за кадром «всеобщего процветания».

Я хочу рассказать о человеке необычайной судьбы, чьё имя в 30-е годы было одним из самых ярких и мощных символов нашей «счастливой страны победившего социализма». Сообщение о том, что Амбарцумян выполнил обещание, данное товарищу Сталину, вызвало в стране «поистине всенародное ликование», но ныне он вполне забыт, так, как только и может быть забыт бывший кумир — беспечно, безжалостно, бесповоротно. И это несправедливо. Ибо хотя символы те развенчаны, низвергнуты и продолжают низвергаться, он взывает к нашей памяти, как талант, как самородок, который всегда вне и выше всяких формаций и вместе с тем — неотъемлемая часть именно этой земли, своего времени.

И вот теперь я хочу поднять со дна людского забвения сенсацию, Серго Амбарцумяна, вот уже много лет, словно затонувший «Титаник», покоящуюся под толщей ледяных вод — со всеми своими отсеками и сокровищами.

Как и самый большой в мире корабль — таким был объявлен «Титаник» при спуске на воду, к тому же «непотопляемый» (людям настолько внушили идею о его непотопляемости, что даже когда вода уже стала заливать туфли оркестрантам, они продолжали играть, не обращая на это внимания), — «самый сильный человек Земли» (неофициальный титул Амбарцумяна), тоже многим казавшийся «непотопляемым», призван был символизировать могущество Человека вообще и державы, его породившей, в частности.

Ему было также суждено стать символом нашей победы над фашистской Германией, причём ещё до начала Великой Отечественной войны. И всё же забыт...

Вероятно, удивительным покажется то, что я, женщина, берусь писать о штангисте. Но кто-то же должен! «А, собственно, зачем?» — могут мне возразить.

Вообще ведь каждый хороший человек достоин памяти о нём. Каждый плохой — тоже. Это нужно хотя бы для того, чтобы «злодейский» опыт не повторился. История же Серго Амбарцумяна нужна людям не только как выдающаяся, увлекательная, «его» именно история, но как символ, послуживший в нашей жизни определённой точкой отсчёта...

Он некоторое время проработал в системе НКВД, и так вышло, что потом всю свою жизнь как бы представлял эту организацию: расставшись с ним, она не отпускала его славу. Но говоря о той его работе, я не рискую выдать государственные тайны, хотя спортивные его усилия и почитались делом государственной важности и даже были возведены в подвиг. Он стал первым или одним из самых первых, чьи рекорды оценивались столь высоко. И именно ему — впервые в нашей стране — была вручена за них правительственная награда — «Знак Почёта». Впрочем, гриф секретности на спорт наложен всё же был, но с недавних пор снят, а появился как раз при Амбарцумяне.

Именно с ним, по всей видимости, с его «историческим» рекордом Сталин начал связывать свои чаяния о спорте как о блестящем свидетельстве, броской рекламе «самого передового, самого здорового образа жизни». Идея была до смешного проста и притягательна, в особенности при наличии «железного занавеса» (хотя сам термин был запущен не Сталиным, а Черчиллем, и не в пору взлёта моего героя, а значительно позже — в 1946 году. Но мы-то знаем теперь, что и до войны страна наша была «железно занавешена»): раз советский представитель — самый сильный в мире, значит, и все мы, живущие «за занавесом», необычайно здоровы и сильны. Грандиозный блеф целого государства.

А ведь ещё совсем недавно — в начале тех же 30-х годов — советская общественность, не постигшая ещё всей прелести и возможностей спортивной игры, а точнее — игры со спортом, буквально рвала и метала по поводу «буржуазной рекордомании» и пагубной «страсти к чемпионству», беззаветно и пылко провозглашая

лишь идеи массовой физкультуры и оздоровления народа. И вдруг всё повернулось с ног на голову: наш Серго Амбарцумян должен непременно всех победить и стать чемпионом!

Ну а раз мы вознамерились именно через спорт явить миру преимущество и торжество нашей жизни, значит, ни в коем случае не должно было звучать, что наши спортсмены — «профессионалы» (так называют в других странах людей, ничем другим, кроме спорта, не занимающихся). Иначе «реклама» будет просто неубедительна. Поэтому наших атлетов велено было именовать любителями, и выходило, что в отличие от «буржуазных», подрывающих своё здоровье изнурительными — «профессиональными» — тренировками, они от одного лишь отличного настроения и правильно устроенной жизни берут любые спортивные верхи. А раз «любители» (производное от слова «любить», «любовь»), значит, коли любовь прошла — это их личное дело, и, стало быть, говорить после «расставания» о каких-либо гарантиях и соцобеспечении просто неуместно — их не может быть.

Механизм величайшей демагогии и лжи был запущен и действовал безотказно и после смерти Сталина — до недавних пор. Почти безотказно — если не считать загубленные жизни целых поколений спортсменов. Но Серго — вспомним — был среди самых первых. И, как и бремя триумфа, один из первых принял и внезапный, коварный удар этой лживой системы нашего спорта — удар полнейшего равнодушия, удар «потопляемости». И как те оркестранты с «Титаника», тоже продолжал «играть» даже тогда, когда «вода уже стала заливать ему туфли».

Жизнеописание такого человека, как Серго Амбарцумян, неизбежно должно тяготеть к легенде, ибо волны людской молвы захлёстывают утлую барку реальности. Мне рассказали по крайней мере четыре версии — все, естественно, сверхдостоверные — о том, как он начал заниматься штангой. И ничего удивительного, одна версия просто не вмещает народную любовь и восхищение. И в конце концов не так уж важно, которая из них верна (я, правда, отдаю предпочтение тому, что мне рассказала жена Серго Исхандаровича), ведь все они так или иначе играют на «образ».

Впрочем, легенды вовсе могло бы не быть, появись в то время вездесущее, всезнающее ТВ. Его навязчивая внятность — оно не терпит многоточия и подтекстов — лишило бы её причудливой формы, ореола недосказанности и тем убило бы, превратив в «поток информации», «сюжет», «клип» («всхлип»).

Всё же понуждаемая обычаем наших дней — всё хоть мало-мальски заметное втиснуть в телеэкран (вот почему нас покидают легенды), я пытаюсь вообразить Серго Амбарцумяна в нём. Но у меня ничего не выходит, он не вмещается в «картинку» — такое у меня представление о моём герое, о его могуществе.

Правда, в самом конце его жизни, когда триумф был уже давно позади, его удалось таки снять на телевидении, но к этому времени легенда уже была так прочно закодирована (камень — машина — Сталин — Мангер — шашлычная), что даже он сам не мог (и, может быть, не хотел) полностью её рассекретить.

Известный тренер по штанге Сурен Петросович Богдасаров рассказывал мне, что таких богатырей, как Серго Исхандарович, не было у нас ни до, ни после него — не в смысле результатов, а по тому, что было ему отпущено природой.

Я привожу эти восторженные слова, но, признаюсь, поначалу они мало трогали меня: я не люблю тяжёлую атлетику. Она всегда казалась мне однообразным, прямолинейным видом спорта: взял — не взял вес, вот и вся игра, сопровождающаяся к тому же ужасающим грохотом железа. Шокировал обычно и «экстерьер» бойцов — раскормленных, полуголых толстяков, в сопровождении угодливой свиты важно

топающих к штанге. Правда, и не вооружённым приязню глазом видно, что в ходе своего скупого действия они переживают подчас такой взрыв эмоций, такую гамму чувств, которые едва ли встретишь на иных подмостках. Но эта их тучность и почти болезненная неповоротливость, так не вяжущаяся с упругим и смуглым словом «атлет»... Но всё дело в том, что Амбарцумян-то был не таким: литой, статный, весь в кольчуге мышц, он выглядел настоящим атлетом и при этом был обаятелен и по-настоящему («демонически») красив.

Есть фото: на одном из всесоюзных парадов физкультурников (1939 год) Серго в доспехах Давида Сасунского — вот он, момент неслыханной удачи, силы, славы. Как истинно былинный герой, он сказочно возвышается и ширится рядом с обычными людьми, всё в его фигуре идеально, «божественно» соразмерно. В том же году Серго получает телеграмму от Молотова, где ему предписано сняться «во всех видах» на 300 метров плёнки для Нью-Йоркской выставки. Что это была за выставка, сейчас никто уже в семье Амбарцумянов не помнит, но предание о славе Серго — ещё в те времена! — простершейся за океан, осталось...

Итак, одна среда обитания моего героя — это тяжёлая атлетика, другая — более давняя и глубокая — Армения. Страна яркого солнца и ярких лиц, страна утраченных гор, но не утраченных ещё надежд, хотя судьба её ныне так трагична. Трижды трагична: погромами в Сумгаите и Баку, землетрясением и блокадой...

Я неторопливо и подробно предвкушаю встречу с «его» Арменией, я въезжаю в «древнее царство», и незаметно оно становится как бы моим.

Пустой, полуденный «мой» двор в самом центре Еревана — ни звука, ни движения, всё замерло в палящей, сонной неподвижности. Разомлевшие кошки пыльными пёстрыми шкурками валяются на горячих крышах пристроек, на деревянных перилах огромного, как корабль, «потерпевшего крушение» балкона. К вечеру эти выдавшие виды «шкурки» оживут и быстрыми, гибкими тенями станут красться по углам, ища вольных кошачьих забав — шорох, взвизг и клок шерсти, вырванный на боку — всё это будет на счету прохладной, тёмной ночи.

Но сейчас раскалённая, обморочная тишина сковала двор, и, пожалуй, лишь буйство запахов говорит о продолжающейся ещё здесь жизни: где-то в глубине двора готовят долму — Серго так любит долму!

А в рамке затенённого окна — тысячелетний натюрморт: в глубокой узорчатой чаше тяжёлые лилово-янтарные кисти винограда, нежно-упругие, бархатистые персики, жёлтые, с горячим румянцем груши... Рядом на подносе топорщится ворох влажной свежей зелени.

Мир дому твоему, Серго.

Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

Грибоедов

Глава 1

Жизнь Серго Амбарцумяна легко делится на три периода. Сначала — головокружительный, манящий (неудержимый, избранный, гордый, ясный, доблестный, счастливый) «путь вверх». Затем триумф — миг неустойчивого балансирования на стыке яви и сна, меж вечных иллюзий о вечном могуществе. И, наконец, — бесконечное и унылое (унизительное, горькое, безутешное) сползание вниз... Причём любопытно, что штанга при этом сползании с каждым мгновением делается неизмеримо тяжелее, чем при восхождении на самые крутые вершины, — таков закон потерянных иллюзий.

Я поведу эту удивительную историю не с начала (родился, учился, не учился — вырос), а прямо с пика её, ибо именно в этот момент рождается герой и его легенда. Впрочем, я прежде лишь коснусь триумфа — и будет как и жизни: вспышка-блиц — чтобы потом не раз возвращаться к нему, раскручивая и углубляя и тем продлевая его беспредельно, как, собственно, это делал сам Серго и как поступает всякий триумфатор, переживающий свой триумф.

Когда в середине 30-х годов шовинистический угар охватывает Германию, апофеозом его становится победа гитлеровского любимца, штангиста Иозефа Мангера, — он завоёвывает мировой рекорд в тяжёлом весе и становится самым сильным человеком Земли.

Тогда Сталин призывает к себе из Армении в то время ещё не очень известного, но многообещающего штангиста — Серго Амбарцумяна. Точнее, Саркиса Амбарцумяна. Это грузинское имя — Серго — он получит чуть позже — от Сталина. При первой же их встрече Сталин будто невзначай назовёт его Серго, и в дальнейшую свою жизнь и в историю он уже пойдёт как Серго Амбарцумян и, подобно Иозефу Мангеру, вскоре станет любимцем своего вождя. (Всякому вождю — по силачу-любимцу. Вожди ведь обожают меценатствовать. А в случае со штангистом это не так хлопотно, как, скажем, с писателем: работа штангиста как-никак менее разговорчива, и нет опасности разойтись с вождём в идее, замысле... Тогда по крайней мере не было.)

«Фашист не может быть самым сильным, — с расстановкой, которую ещё усиливает акцент, говорит Сталин. — Его надо побить, Серго... — Вот он, момент переименования. — Ты сможешь?..»

Амбарцумян так счастлив доверием товарища Сталина — ведь товарищ Сталин поручает ему самое важное дело: побить самого сильного фашиста! — что тотчас, не колеблясь, обещает выполнить великое поручение. Да и как не обещать? Впрочем, это-то ещё не самое трудное, вот выполнить...

Со своей стороны вождь делает всё, что, по его разумению, следует сделать для Серго, — ведь через него он намерен победить в этой «тяжёлой» дуэли с Гитлером. В Армению посылают известного тренера по тяжёлой атлетике Яна Спарре, а также искусного повара и массажиста. Но и с такой подмогой, вообразите, легко ли побить мировой рекорд знаменитого профессионала неопытному любителю, коим тогда был Серго, никогда не участвовавшему не только в чемпионатах мира и олимпийских играх, но и вообще в каких-либо международных состязаниях? К тому же он тогда часто болел — мучила ангина. Впрочем, вряд ли всё это могло теперь иметь значение — ведь обещание вождю уже дано, а это не такое обещание, которое можно не выполнить...

После разговора со Сталиным прошло не так уж много времени — всего 3 года, — и вот уже наши газеты возвестили: «Серго Амбарцумян выполнил обещание, данное товарищу Сталину!» Да что там наши! Многие газеты мира, и в частности Германии, напечатали тогда портрет Серго Амбарцумяна.

В тот знаменательный день — 30 декабря 1938 года — в зале Ереванской филармонии, где шло побитие рекорда Мангера, собралось огромное количество народа, люди сидели, стояли, заполнив соседние улицы, о ходе побития из уст в уста передавали по цепочкам из зала наружу... И когда Серго взял рекордный вес, ликование охватило город. Оно быстро катилось от Еревана к Москве и оттуда кругами уже по всей стране... Со всех её концов к «самому сильному человеку планеты» летят телеграммы: «Поздравляем высочайшим достижением... Гордимся выполнением обещания великому Сталину... Пьём здоровье... Срочно фотографируйтесь спортивной форме бюст размером 13 на 18 тчк. Негативы шлите воздушной почтой тчк... Поздравляем, поздравляем... Поздравляем...» Свершилось...

Начало нашего века. Село Бист, расположенное в прекрасном горном местечке в Нахичеванской области, меж двух весёлых прохладных речек, которые, сливаясь в нижнем конце села, образуют одну. В селении много зелени и фруктовых садов — яблоки, сливы, груши, орехи. И всё здесь такое крупное: сливы как яблоки, яблоки как дыни!.. А дома стоят такие, как сто и двести лет назад, — маленькие, одноэтажные, с глиняной крышей. В каждом дворе большой тондырь — для выпечки лаваша, а в доме маленький (поэтому в потолке гертиг — дыра) — для приготовления обеда. И никакой в доме мебели: ни стола, ни стульев, все сидят на полу, на ковре, салфетку постелют и едят. Так описала мне родину Серго Амбарцумяна Тамара Ованесовна, его жена, гостившая сорок с лишним лет назад у его родных. Но ныне все они покинули свои дома — разъехались кто куда — в Ереван, Ленинград, Москву — как вынуждены были покинуть Нахичеванскую область все армяне, жившие там испокон веков. Последние бежали в 1989 году, после погромов в Сумгаите и Баку.

Но когда родился Саркис Амбарцумян, ничто, казалось, ещё не предвещало этого исхода...

Так уж было ему суждено — вечно удивлять и восхищать людей, с самого первого дня своего — 22 февраля (9-го по старому стилю) 1910 года. Он родился гигантом, какого в округе не видывали, — 7 килограммов 200 граммов! — и стал третьим ребёнком в семье, слывшей зажиточной (имела сады, 100 баранов, одну лошадь и одного осла) и пользовавшейся в селе большим авторитетом — в основном из-за матери Саркиса — Большой Софьи. Это была рослая, физически необычайно сильная женщина горячего и подчас неукротимого нрава. «Не женщина — зверь!» Однажды чья-то корова забрела к ним в огород и что-то там вытоптала. Софья пошла её выгонять, стукнула кулаком, да не рассчитала: корова свалилась и тут же испустила дух.

Но не только из-за необычайной физической силы, но также по причине твёрдости характера Софья пользовалась непререкаемым авторитетом в деревне и, несмотря на наличие официальных властей, была как бы её негласным вожаком. Софью уважали и боялись её гневливого нрава. В то время в Бист съезжались торговцы разным товаром. Так вот, пока Софья не проверит, что привезли, да в каком состоянии, и не установит цены, торговать никто права не имел.

Отец Саркиса — Искандар — часто уезжал в город, работал там поваром, иногда торговал разным мелким товаром, в Иран за шкурами ходил. Словом, жила семья, трудилась, детей растила, как вдруг... — случилось это в роковом и неотвратимом 17-м году — приезжает к ним родственник из Нахичевани с известием о готовящихся новых погромах армян. Весть эта переходила от дома к дому, пока не отравила всё село

привкусом беды. И вот уже страх — не за себя — за детей! — гонит людей прочь из родных мест. Как многие в селе, Амбарцумяны спешно, за бесценок распродают всё, что у них есть, — дом, скот, утварь — бежать-то проще налегке — и едут на Северный Кавказ, в Кисловодск. Можно попытаться представить себе это путешествие по железной дороге в то время — смута, голод, вселенская бесприютность и слабый лучик надежды...

В Кисловодске они прожили 10 лет. Это были тяжёлые, безрадостные годы для семьи: позади незыблемый уклад бытия, ныне всё нажитое продано, а вырученные деньги на чужбине тают, как снежок. Словом, оправиться после побега и встать на ноги семья уже не в состоянии. Отец с трудом устраивается куда-то сторожем, а мать занимается хозяйством и детьми, накормить которых становится всё труднее. Но ей — «атаманше», вкусившей уважение и почёт в родном селе, не хватает не столько достатка, сколько поля деятельности для её недюжинной, вольной натуры. В 21-м году Софья умирает, как официально считалось, от голода, от водянки, и отец остаётся с четырьмя детьми на руках: младшей, Ане, — 3 года, Мукучу — 4, Соне — 15 и Саркису — 14 (старшая, Антарам, слава богу, замужем). Кто за ними теперь будет присматривать в то время, когда Искандар на работе?

Самых маленьких — Аню и Мукуча — отец отдаёт на время в детдом, Соню — замуж, а Саркиса — к чувячнику.

Наряду с обучением ремеслу чувячник обещает мальчику кров и стол, да ещё маленькую зарплату, которую, впрочем, не считает нужным выписывать регулярно, каждый месяц, а сулит отдать всё сразу к Рождеству. «По копейке ты, — говорит, — всё растратишь, а так получишь кругленькую сумму и из одежды сможешь себе что-нибудь купить». Что ж, славно. Только на деле-то вышло, что чувячник охотнее бил Саркиса, чем кормил. На обучение времени почти не оставалось — разве ночью? — потому что благодетель чуть не круглосуточно заставлял Саркиса работать по хозяйству: что-то отвезти, нарубить, натащить, в общем, держал вроде как за разнорабочего.

Всё же Саркис старался использовать каждую свободную минуту, чтобы выучиться ремеслу. И выучился. Ему нравилось кропотливо и бережно сотворить нечто своими руками: только что куски кожи неопрятными кучами валялись вокруг него, и вот уже из них появляется пара мягких, блестящих, так приятно пахнувших сапожек — надевай на ноги и ходи себе...

В то время как Саркис терпел побои свирепого чувячника (а длилось это недолго, ибо недолгим было терпение Саркиса), двое младших Амбарцумянов, крепко взявшись за руки, сбежали из детдома и в белых рубашках и кальсонах на верёвочках (ежедневная, она же парадная форма как для мальчиков, так и для девочек приюта) явились домой. Отец в это время был в отъезде, и соседи дали знать о беглецах Соне и Саркису. Те примчались домой и, утерев брату и сестре слёзы, отвезли их обратно, в детдом, — а куда же их ещё девать? Но вскоре по приезду отец всё же забрал их из детдома.

А дело было вот в чём.

Время от времени в детдом приезжали находящиеся в Кисловодске на излечении бездетные иностранцы и забирали понравившихся им детей с собой. Насовсем, в свои далёкие страны. Когда они приходили, детей выстраивали в длинную, присмирившую шеренгу — тишина, какой не бывает в другие дни, лишь глаза всех размеров, разрезов и цветов кричат, молят: возьми! возьми меня!

Весёлая, с огромными серыми глазами Анина мордашка сразу приглянулась чете американцев — её не портили ни чумазость, ни приютский костюм. И не раздумывая, американка ласково вывела девочку из шеренги. Она представила себе, какую девочка станет, когда её отскребут, переоденут и причешут, как она сразу заполнит собою их

огромный, скучающий дом. Но заведующая сказала, что хотя матери у девочки нет, но есть отец, и потому она должна испросить его согласия.

Отец же, когда его спросили, так испугался, что тут же забрал детей из приюта, и они стали жить дома — совсем маленькие и очень быстро взрослеющие, кое-как присматривая друг за другом. Иногда, выкroив свободную минутку, к ним прибегали Саркис и Соня, иногда бывал дома отец...

Прошло несколько лет, Аня и Мукуч пошли в школу, вполне приспособившись к своему несытому, но вольному детству. Беда грянула, как всегда, внезапно: что-то натворивший Мукуч, боясь гнева отца, спрятался в оранжерее, усталый, голодный, заснул там и... не проснулся (по другой версии, его там убили).

После смерти сына Искандар уже не мог больше оставаться в Кисловодске и, взяв Аню, вернулся в родное село. Спустя некоторое время и Саркис, повзрослевший уже и не пожелавший более терпеть издевательства своего благодетеля, решил покинуть не принесший ему счастья город. Но когда на Рождество он потребовал у чувячника заработанные им деньги, тот заюлил, стал ныть, что денег у него «вовсе нету», потому что приехали родственники и он всё на них истратил. Возмущённый Саркис закричал, что если немедленно не получит долг, то заберёт у ханцаворь и хапепа (у изверга и животного) всё, что у того есть, да ещё пожалуется в профсоюз. Этой последней угрозы чувячник испугался более всего, ибо профсоюз мог строго покарать за «эксплуатацию человека человеком». Он взмолился: «Не губи! Денег у меня всё равно нет, хочешь — бери картошкой!» Достал Саркис где-то арбу и вернулся за картошкой. Её у чувячника оказалось всего несколько мешков, это не покрывало даже половины заработанного Саркисом, но — делать нечего, ведь всерьёз жаловаться в профсоюз он не собирался — погрузил «зарплату» на арбу, свёз на базар, продал и всё-таки сумел немного одеться. Но ехать сразу к отцу не решился — тот скорей всего велел бы ему вернуться назад — и, таким образом оказавшись на улице, стал беспризорником, бродягой или, как теперь говорят, бомжем.

Иногда, голодный и оборванный, он являлся в родное село — повидаться с отцом, послушать его бурчанье о беспутстве сына, хоть немного отогреться и поесть из домашнего котла да подработать сапожником. Деньги, впрочем, ему и тут не давали, платили продуктами — кто курицей, кто яйцами, хлебом...

И вот в один из таких наездов он, по-видимому, и узнал о своей необычайной силе, а также о том, что она сулит ему неожиданные и заманчивые перспективы.

Предание гласит, что, прибыв однажды в село и немного пошатавшись бесцельно, он, то ли с вечной голодухи, то ли шутки ради, скатил с горы огромный валун (точных размеров предание не даёт) и перекрыл им ручей, дававший воду садам и огородам села. Затем влез неподалёку на дерево и стал ждать, что же теперь будет. Ждать долго не пришлось — вскоре к камню явились разгневанные односельчане и стали громко гадать, откуда этот камень мог взяться, какой леший его сюда приволок. Попробовали было все вместе его откатить, да оказалось не под силу — камень даже не двинулся с места. И вот стоят они, галдят: кто да кто мог это сделать. Наконец Саркис не выдержал и с дерева крикнул: я! Все задрали вверх головы и такому бахвальству не поверили сперва — ведь Саркису было тогда лишь 16 лет, а камень — здоровый, как паровоз. А потом всё же и говорят: «Ну, если этот камень притащил ты, так ты и откатить его, стало быть, сможешь». А Саркис смеётся: «Конечно, смогу! Только принесите мне сначала лаваш с мёдом, и побольше, — тогда откачу». Ему принесли огромный «рулон» смазанного мёдом лаваша, он быстро слез с дерева, съел его и легко откатил валун. Народ, только что пребывавший в негодовании, испытал восторг и гордость за односельчанина, и отныне эти благодарные, благородные чувства людей будут сопровождать Саркиса всю его жизнь.

Вскоре после случая с камнем Саркис со своими друзьями-беспризорниками подался в Донбасс, на Несветаевские рудники, через какое-то время оказался на Баку-Джюльфинской железной дороге, где работал каменщиком, ремонтным рабочим, и однажды люди, видя, как он легко управляет вагонными осями, посоветовали ему отправиться в Эривань, с тем чтобы там, в столице, испытать себя, свою силу. Эривань давно манил Саркиса, ведь в центре легче пробиться в жизни, хотя в чём именно пробиться и как, Саркис точно не знал. Он поехал в столицу и по рекомендательному письму одного из друзей-ремонтников устроился автомонтёром в гараже НКВД. И вот тут-то вскоре и произошёл поворотный в его судьбе эпизод, обративший его к штанге.

...Было это в 1930 году. Какой-то шофёр ремонтировал во дворе гаража грузовик и попросил окружающих приподнять машину, с тем, чтобы вытащить покрышки. Но сколько людей ни толкалось вокруг машины, а хотя бы чуть-чуть приподнять её не могли.

Случившийся в тот момент во дворе Саркис весело велел всем от грузовика отойти, спокойно подошёл к нему, подхватил и поднял! Все, конечно, ахнули, про покрышки забыли и только, разинув рты, глядели на Саркиса. А в это время — пустячная уловка судьбы — у окна своего кабинета, выходящего во двор, оказался начальник НКВД. Увидел — удивился. «Это кто же у нас такой богатырь?» — спрашивает у секретаря. — «Это наш автомонтёр». — «Позвать!» Привели Саркиса к начальнику, а тот ему и говорит: «Отныне ты больше не будешь в гараже работать, твою огромную силу надо развивать и людям показывать, чтобы знали, какие у нас есть богатыри. Отныне ты будешь в нашем спортивном обществе “Динамо” штангу поднимать и питаться в нашей столовой бесплатно, что хочешь ешь, пей — мы будем всё оплачивать».

Так Саркис Амбарцумян начал заниматься тяжёлой атлетикой в эриванском обществе «Динамо» у тренера Григория Симоняна. Этот эпизод, рассказанный мне Тamarой Ованесовной, живёт в народе в несколько иных версиях (вариации на тему поднятой машины). Приведу одну из них, рассказанную мне в гостях у знакомых. Как бы невзначай я завела речь о Серго Амбарцумяне — а вдруг высветится какой-нибудь неясный утолок легенды, — и кто-то тут же откликнулся и с удовольствием и расстановкой, настраивая меня на «историю», заговорил: «А дело было так. Близкий товарищ моего отца, бывший в те годы начальником республиканской милиции, Дулгаров Алексей — все его звали просто Алёша, — рассказывал нам, мальчишкам, как он со своими помощниками ездил однажды на легковой машине в Сисианский район. Они проехали уже полпути, как вдруг хлынул сильный дождь — стена! — и машина вскоре увязла в какой-то глубокой луже. Как ни пытался Алёша с двумя попутчиками вытащить машину — ничего не выходило. И тогда решили поискать подмогу в ближайшем селе. Спасать их вызвались несколько деревенских ребят, и среди них (?) был Серго Амбарцумян. Несколько человек попытались ухватиться за машину, но Серго тоном, не допускающим возражений, велел всем от машины отойти. После чего взялся за её передок — это был старый легковой “ГАЗ” с брезентовым верхом, — легко приподнял, вытащил из лужи и переставил на другое место! Такой сказочной силе все, конечно, весьма подивились. А тут как раз в Ереване организовалось общество “Динамо”, и Алёша говорит Серго: “Давай, парень, приезжай в Ереван, мы тебя там устроим заниматься спортом!” И вот через некоторое время он и приехал...»

Слышала я и о других машинах, от других людей. Но различными в разных версиях по существу были лишь марки автомобилей да места, где они застревали или портились. Лейтмотив же эпизода — никто не мог сдвинуть сломавшуюся (застрявшую) машину, даже все скопом, и тогда Серго один легко её поднял, и в этот самый момент его заметили и направили заниматься штангой — оставался неизменным. Таким образом, расходясь в мелочах, все версии дополняли и укрепляли одна другую в главном.

Впрочем, специалисты тяжёлой атлетики поначалу скептически отнеслись к Амбарцумяну как к штангисту: слишком, мол, высок, слишком длинны ноги и руки — ему бы лучше пойти в лёгкую атлетику...

Но как только он скинул рабочую одежду, надел спортивный костюм и взял штангу в руки, кто-то изумлённо изрёк реплику, которая позже займёт своё законное место в легенде: «Да он родился с этой штукой в руках!»

И с того момента начался его стремительный путь вверх.

Глава 2

Некоторая скороговорка, с которой я сообщу далее о быстро нараставших успехах Амбарцумяна, — есть, если угодно, отражение «скороговорки» их свершения. Судите сами.

В том же 1930 году он впервые становится чемпионом Армении по штанге (в тяжёлом весе) и подтверждает это звание в следующем. А в 1932 году, когда Армения входит в Закавказскую спортивную федерацию, он становится не только чемпионом республики, но и чемпионом Закавказья, а также выигрывает всесоюзный чемпионат «Динамо», где устанавливает два всесоюзных рекорда!

На все его выступления народ, прослышавший о новом силаче, валом валит, и он быстро становится местной знаменитостью. Людей впечатляют не только и, может быть, не столько килограммы поднимаемого им железа, сколько его внешний вид — на него ходят как на киногероя. Он только ещё появляется на помосте — статный, могучий красавец с ослепительной улыбкой на смуглом лице — и зал встречает его аплодисментами.

Он, конечно, теперь уже нигде не работает, только тренируется и выступает, все или, точнее сказать, почти все силы отдавая «железу» (и так будет впредь со всеми нашими спортсменами: нигде не работают, по-настоящему не учатся, но непременно числятся на какой-нибудь работе или учёбе, с тем чтобы выглядеть спортивными любителями). И вот уже в 33-м году Саркис Амбарцумян впервые становится чемпионом СССР, в 34-м и 35-м годах повторяет этот успех, становясь таким образом три года подряд абсолютным чемпионом и рекордсменом СССР в сумме пятиборья в тяжёлом весе.

Поскольку «новый Гераклес» обладает не только незаурядной силой, но одарён весьма разносторонне физически, его постоянно пытаются сманить в другие виды спорта. И поначалу он даже совмещал занятия тяжёлой атлетикой и лёгкой, и, между прочим, у него очень быстро росли результаты в метании диска, толкании ядра, беге и прыжках в длину. Но изменить штанге он всё-таки не мог.

Он быстро становится человеком, чья жизнь почти постоянно на виду, и этому потворствует не только быстрое продвижение по ступенькам рекордов, но также некоторая склонность к эпатажности и куражу. Он то и дело подбрасывает охочей до зрелищ публике всевозможные «репризы» вне помоста или на помосте, не имеющие прямого отношения к соревнованиям.

Допустим, вот одна из них. Он только что закончил тренировку по лёгкой атлетике на стадионе, где в тот момент начиналась какая-то футбольная игра, как вдруг увидел, что докторше одной из команд, сидящей на стуле у поля, плохо видно происходящее на поле (трибун на стадионе не было). Быстро приняв «спасительное» решение, Серго поднял докторшу вместе со стулом и поставил стул на стену, окружавшую стадион. Теперь сверху ей всё было замечательно видно, она радостно поблагодарила Саркиса, и вскоре после этого он ушёл. Но когда футбол закончился и футболисты покинули поле, докторша в

гордом одиночестве осталась на заборе: прыгать высоко, страшно, а иначе не спуститься. В конце концов эту птичку с забора, конечно, сняли: притащили лестницу, подстраховали, словом, была проделана целая операция по спасению. «Да как же вы туда попали?!» — недоумевали спасители. «Амбарцумян поднял».

Или вот ещё — ничего не значащий, но броский момент его восхождения. Его невозможно отнести к тяжелоатлетическим достижениям, но вместе с тем и вовсе отрицать его причастность к ним тоже нельзя.

...Амбарцумян выступает на каких-то соревнованиях в Москве, в Театре эстрады, и в одной из попыток, легко вырвав снаряд, устанавливает мировой рекорд. Но сам он этого сразу не осознаёт, а тренер по каким-то стратегическим соображениям ничего ему не говорит. Между тем осведомлённый о рекорде зал взрывается аплодисментами и криками «ура». И ушедший уже за кулисы Амбарцумян, столкнувшись там с женой своего тренера Яна Спарре, спрашивает её: «В чём дело, Людмила? Что они так кричат?» А она, смеясь, отвечает: «Дело в том, что ты установил мировой рекорд». Тогда ошарашенный от радости Амбарцумян хватается за Людмилу под мышки, поднимает её над головой (а она, между прочим, тоже была «не лёгкой» весовой категории) и выбегает с ней на помост — уже под рёв и стон всего зала.

Итак, слава нового Геркулеса растёт быстрее, чем его сила (или наоборот), но живёт он, между прочим, в скромном общежитии для работников НКВД, хотя ему давно уже обещана отдельная квартира. Но это ведь у обычных людей судьба течёт вяло и однообразно, лишь изредка даря им посулы везения и счастья. Герою же суждено испытать крутые повороты к шикарной жизни, славе и любви. Так что Амбарцумяна, хотя и при некоторой проволочке, естественно, должны были ожидать хоромы (хоромы в нашем понимании).

И вот однажды заходит он в подъезд своего общежития и видит, что, как обычно, воды там натекло чуть не по колено, так как только что прошёл дождь, а здание устроено таким образом, что вода, легко попадая в него, потом уже не уходит и высыхает крайне неохотно — неделями. Поэтому Саркис ходил в свою комнату за ведром и ковшиком и стал, как обычно, вычерпывать воду. Как раз в это время сверху спускались начальник управления НКВД Мухдуси и с ним — Берия. Увидев черпающего воду Саркиса, Берия спросил своего спутника: «Это Амбарцумян?» И тот ответил: «Да, это Амбарцумян». «Ты что же, тут живёшь?» — обратился Берия к Саркису, указывая пальцем на мутную в пузырьках лужу. И Саркису, которого после скорых и беспокойных ночёвок по трущобам в пору его беспризорной одиссеи вполне устраивало новое жилище, вдруг почему-то стало неловко за него (понятно, в общем, почему: ведь его буквально «усадили в лужу»). Он смешался и пробурчал: «Нет. Это я просто... помогаю тут... Моя квартира совсем в другом месте». — «Ну что ж, — сказал Берия, — это хорошо. Тогда я к тебе в гости приду».

В тот же день Мухдуси вызвал Серго к себе и пожал ему руку: «Спасибо, что не опозорил нас и не признался, что ты — наша гордость — живёшь в таких условиях...»

Прошло совсем немного времени, и Серго дали «хоромы» — отдельную двухкомнатную квартиру в самом центре города, и не пустую, а вместе с обстановкой: буфет, шифоньер, кровать, огромный ковёр — всё это новехонькое ждало своего хозяина, — а вдруг Берия в самом деле решит навестить его и посмотреть, в каких условиях содержится герой? Но Берия не навестил его ни тогда, ни позже, хотя косвенно тем мимолётным разговором в подъезде как бы невзначай облагодетельствовал его. Впрочем, смысл разговора был совсем в другом и имел глубокий подтекст, ведомый лишь им двоим...

Когда Саркис впервые стал абсолютным чемпионом СССР, Берия, как и многие другие, обратил на него внимание. И однажды, когда в Тбилиси проходили какие-то

тяжелоатлетические соревнования, он пригласил его к себе. После нескольких комплиментарных фраз он заговорил о главном — стал уговаривать переехать в Тбилиси. Саркис очень любил Грузию, у него было много друзей среди грузин, его там прекрасно принимали, но — переехать? Такого он себе представить не мог. Как, однако, отказать Берии? Как человек, некоторое время проработавший в системе НКВД, Амбарцумян, конечно, не мог не знать их методы уламывания непокорных и страшился Берии. Его дружеская улыбка с угрожающе поблёскивающими стёклышками очков, казалось, не оставляла возможности увернуться от его «дружбы». И возвратившись в Ереван, Амбарцумян обратился за помощью к первому секретарю ЦК КП Армении Ханджяну, чтобы тот защитил его от первого — Грузии: «Агаси Гевондович, вмешайтесь! Я не хочу уезжать из Армении! Мало того, что заставят переехать, так ещё потребуют фамилию сменить!» (Перемена фамилии особенно беспокоила его, хотя перемена имени, осуществлённая спустя некоторое время более высоким лицом в государстве, точнее, самым высоким, не вызовет в нём ни малейшего протеста и даже наоборот.) И Ханджян вмешался. Он очень любил Амбарцумяна, страстно болел за его успехи, гордился ими, и Саркис относился к нему как к отцу. Ханджян воспрепятствовал переводу Амбарцумяна в Грузию, ибо не боялся Берии, вёл себя гордо, независимо и, в конце концов, заплатил за это — Берия не терпел, чтобы ему мешали. Но погибнет Ханджян от его руки несколько лет спустя, пока же он решительно «отбил» любимца, и Берия оставил Саркиса в покое. До поры до времени...

Линия же судьбы Амбарцумяна меж тем совсем круто пошла вверх — сам Сталин вызвал его к себе...

Но 36-й год не приносит ему успеха — из-за постоянной ангины он не в состоянии даже выступать на чемпионате страны. А в следующем, 37-м занимает лишь 3-е место. Конечно, нелегко было восстановиться после череды изнурительных болезней. Но надо упомянуть ещё и о том, что, как многие одарённые люди, он был не слишком упорен в «гаммах», тренироваться не любил, и, казалось, всё это могло помешать исполнению великого обещания.

Но была и другая, более грозная помеха.

...Однажды вышел Серго после тренировки, и тут кто-то из близких друзей сказал ему: «Ты слышал, Ханджян покончил с собой?» — «Что?! — крикнул Серго, — этого не может быть!» На неосторожно громкое восклицание Серго товарищ возразил, что об этом уже все говорят, что это случилось в Тбилиси. «Да не мог он этого сделать! — не унимался Серго. — Его убили!»

И он вдруг почувствовал смутную вину в гибели Ханджяна: не вмешательство ли его в дело с переездом Серго в Грузию оказалось той последней каплей, за которой грянул выстрел?

«Как мы боялись тогда! — вспоминала Тамара Ованесовна. — Даже дома было страшно сболтнуть лишнее: услышит соседка или ребёнок, где-нибудь повторит, а там донесут, и исчезнешь! Никто не спасёт. А он так раскричался тогда прямо на улице!»

В тот момент, когда Серго узнал от своего товарища о «самоубийстве» первого секретаря (теперь-то известно, что его собственноручно застрелил Берия, но тогда этого никому или почти никому знать было не дано, в том числе и Серго, косвенно облагодетельствованному Берией), казалось, никого рядом с ними не было, лишь шофёр «Интуриста» скучал невдалеке за рулём...

А через несколько дней ночью к Серго постучала жена начальника управления НКВД. Дверь ночной гостье отворил дядя, в то время поселившийся вместе с Серго, Она стояла на площадке в одном домашнем халате и, пугливо озираясь, прошептала: «Серго дома? Позовите...» Она даже не захотела зайти в квартиру. Когда заспанный Серго вышел, она

без всяких предисловий зашептала ему на ухо: «Уезжай из Еревана куда хочешь, быстро! Сегодня ночью или рано поутру тебя заберут. Больше ничего не знаю, ты меня не видел, и я тебя не видела», — и на цыпочках убежала. «Очень большая поклонница Серго была, — рассказывает Тамара Ованесовна, — потом её вместе с мужем забрали, и с тех пор никто и ничего о них не слышал...»

А Серго собрался и до наступления утра ушёл из дома — никто не знал куда. Поначалу он попытался было укрыться в какой-то деревушке под Ереваном, да слишком уж был замечен. И тогда решил затеряться в большом городе — сел в поезд и поехал в Москву, там народу видимо-невидимо и никто никого не знает. Приехав в Москву, направился в высшую школу тренеров при институте физкультуры и, как ни в чём не бывало, стал сдавать экзамены. Ему легко удалось поступить, и он даже получил отдельную комнату в общежитии, ибо его имя спортивному миру было уже знакомо. Что же до причины «побега», то это известие, к счастью, до столицы ещё не дошло.

Меж тем в Ереване ни той ночью, ни потом за Серго не пришли. Правда, через день явился к дяде сосед, некто Андраник, и потребовал освободить квартиру: «Серго, — говорит, — уже в Сибири, так что теперь наша семья должна сюда въехать». А дядя весь дрожит, ноги подгибаются. «Я же не знал, где Серго, — рассказывал он впоследствии Тамаре Ованесовне, — а вдруг его действительно уже поймали? Тогда столько людей забирали... И больших, и маленьких...». А соседу меж тем перечит: «Пока мне правительство не напишет, не уйду». И Андраник отступил, стал ждать момента.

А в это время Серго в Москве, не поднимая головы, учится, никуда не ходит, только на занятия, в столовую — и назад, в общежитие. О тренировках и думать не смеет. Прийти на тренировку — значит «высунуться», а этого он себе позволить не может. Другая жизнь: кино, танцы, девушки — вовсе для него теперь не существует, потому что постоянно терзает этот безотчётный, унижительный страх — найдут, заберут!

И вот однажды (с тех пор как он приехал в Москву, прошло месяца три) сидит он в столовой, борщ ест, и вдруг подбегает к нему работник общежития (по другой версии, повар) и возбуждённо говорит: «Серго, скорей! Там на чёрной машине такие люди за тобой приехали». В груди у Серго что-то оборвалось. А только он сидит, будто не слышит ничего, и борщ ест. «Да ты что, оглох, что ли? Там такие люди за тобой приехали!» — уже кричит человек. А Серго ложкой туда-сюда, как заводной, и даже головы не поднимает. «Слушай, ты что, с ума сошёл?! Тебя везде ищут, а ты сидишь!..» Тогда Серго голову от борща поднял и тихо, свирепо говорит: «Никого я не жду, и нет у меня никого, кто бы ко мне на чёрной машине приезжал», — и опять в тарелку уткнулся. А про себя думает: «Ну, всё, конец, пришли брать... Но за что?!» И тут заходят они... Это оказались «свои», армянские руководители. «Ай тга (парень)! Где ты? Куда пропал?! Мы тебя по всей стране ищем, товарищ Сталин тебя вызывает!» И вот когда он это услышал: «Товарищ Сталин тебя вызывает», — то немного пришёл в себя и оторвался наконец-то от борща. Но всё же боялся обрадоваться, всё ещё не верил, что спасён. И верил, и не верил. И чтобы как-то оттянуть время, вдруг неожиданно для себя выпалил: «А мне не в чем ехать к товарищу Сталину». И, встав из-за стола, показал на свой потрёпанный, в дырках, тренировочный костюм («А вдруг они меня обманывают, заманивают просто?»).

«Ай Аствац! (О Боже!) — воскликнул кто-то из приехавших. — Неужели тебе больше нечего надеть?» — «Нечего, — ответил Серго. — И откуда мне взять?!» — вдруг набросился он на них.

«Тогда повезли они меня в ателье, — рассказывал он потом Тамаре Ованесовне, — заказали мне там всю одежду с ног до головы: костюм, несколько рубашек, нижнее бельё, обувь и повезли к Сталину».

Как и по всем ключевым моментам легенды, существует несколько версий о том, как, где его нашли, одели и повезли к вождю. И все они, как, допустим, в истории с приходом в тяжёлую атлетику, сходясь в главном, отличаются лишь нюансами. И опять же не так важно, которая из них верней, ведь само существование разночтений судьбы говорит о его жизни, быть может, даже больше чем одна-единственная — верная информация.

Так как же всё-таки Серго нашли?

«А было так, — рассказывал он домашним по возвращении в Ереван. — Когда новый первый секретарь ЦК КП Армении Арутюнов (пришедший на смену Ханджяну) приехал в Кремль за назначением, Сталин достал из кармана маленький, в сафьяновом переплёте блокнот, и глянул туда мельком и спрашивает: “А где это у вас там Серго Амбарцумян? Он мне кое-что обещал...” А Арутюнова из Грузии привезли, откуда ему знать, где я. “В 24 часа чтобы был здесь”, — приказывает Сталин. И вот шлют из Москвы в Ереван телеграммы, а там никто ничего не знает — исчез, пропал Амбарцумян... В Москве кто-то случайно меня увидел, кто-то кому-то сказал... да, такой большой, армянин, хмурый... ни с кем не общается... кажется, Амбарцумян... Распространённая, правда, фамилия... Оказалось, я!

Привезли, значит, меня к Сталину, длинная такая комната, а за столом он. Вышел из-за стола навстречу мне, улыбается и говорит: “Тише, кацо, пол провалишь... Ну что, как жизнь?” Я говорю: “Ничего!” — “А как насчёт обещания? Ты что, забыл?” — “Да нет, помню... просто у меня не было никаких условий для подготовки...” А что я мог ещё сказать? Вот тогда-то он и отдал приказ насчёт тренера для меня, повара, массажиста, а также других привилегий — чтоб только я побил этого Мангера. И я вернулся в Ереван и стал тренироваться с известным тренером по штанге Яном Спарре».

Когда дома ему рассказали об Андранике, Серго вне себя кинулся к соседу. «Не стыдно тебе, шакал!» — гремел он, заполнив собою андраниковскую переднюю. «Сказали мне, что забрали тебя, — бубнил, свесив голову, “шакал”, — что не вернёшься... Многих ведь забрали — им теперь не всё равно, кто живёт в их квартирах? Какая тебе разница, я или другой? Я думал, уж лучше я...» На столь «подкупающую» откровенность Серго даже не нашёл что ответить и, сверкнув глазами, вышел.

Эта история с побегом в Москву придаёт легенде немислимый, тёмный, трагический дух всеобщего страха и доносов — дух того времени. Ведь и Серго — не сойдись чуть-чуть мозаика его судьбы, — как и миллионы других, мог бы отойти за кадр «легенды» и пополнить собою «греческий хор» нашей трагедии.

Когда Серго вернулся в Ереван, газеты оповестили народ о том, что по приказу товарища Сталина армянскому атлету «созданы все условия для побития фашистского рекорда», хотя в то время результат немца — 410 кг — казался многим недостижимым.

Но Ян Спарре быстро оценил незаурядные данные Серго и понял, что он способен поднять не только 410 кг, но и гораздо больше. Надо только научить его это делать. Надо только, чтобы он побольше тренировался, чтобы был сыт, а этого, между прочим, не так-то просто было добиться.

Об аппетите Серго ходили легенды. Однажды его пригласили в Кировакан — выступить в показательном турнире. Поезд, на котором он прибыл, остановился, Серго вышел на платформу, а там — масса народу с флагами, цветами, играет музыка. «Что за демонстрация?» — подумал он. Оказалось, его встречают. Мгновенно его окружили, смеются, что-то кричат. А один почтенный старец отделился от встречающих и спрашивает: «Серго Амбарцумян — ду ес?!» (Серго Амбарцумян — это ты?!) И Серго отвечает: «Да, я». «А правду говорят, что ты утром съедаешь яичницу из ста яиц?» И Серго, который уже привык подыгрывать легенде, ответил: «Да, айрик (отец), это правда... А к обеду мне вот

так с целого барашка шкуру снимают, совсем немножко на огне погреют, и я этого барашка — целиком ам!» Тогда старик удовлетворённо головой кивнул и говорит: «Да, Серго-джан, настоящий мужчина должен поступать так...»

Серго назначили большую по тем временам стипендию, и кроме того у него в Ереване был «открытый счёт»: он мог прийти в любую столовую или ресторан, пить, есть сколько угодно, вместо оплаты расписаться в надлежащем месте и уйти. Причём «открытый счёт» касался не только еды.

В кино и театрах для него всегда были забронированы два места, а оказавшись без машины, он мог проголосовать в любом месте (и вне остановки) и остановить автобус или трамвай.

Словом, всё было брошено на посрамление Мангера и торжество Серго, и такое к нему отношение имело двойной смысл: оно не только непосредственно способствовало достижению великой победы, но и как бы служило постоянным, настойчивым напоминанием о том, что от него ждут, очень ждут её — во славу страны, во славу товарища Сталина.

Нужно ли было ему такое напоминание? И да, и нет. Нет — потому что он безусловно был полон сознания грандиозности возложенной на него задачи, и да — потому что был юн и азартен и к тому же «имел физиономию из тех, что особенно нравятся женщинам светским», а также всем остальным. Они постоянно оказывали ему всевозможные знаки внимания, и это, в известной степени, отвлекало его от подготовки к рекорду. Часто, пренебрегая режимом, он убегал после отбоя на свидания через окно, так как выход через дверь был перекрыт спавшим там Яном Спарре. Такое неудобное место для своего ночного успокоения тренер выбрал, конечно, не случайно, но столь наивная и грубая мера не могла возыметь действия — Серго не терпел уздечки.

Предание хранит банальную и вместе с тем трогательную историю «с одной артисткой».

Казалось бы, случайная в жизни героя встреча — мимолётное касание любви? тоски? одиночества? По мнению же родных, и вовсе вредная история, грозившая сорвать мировой рекорд. У специалистов и сейчас нет единой точки зрения относительно правильного соотношения секса и спортивных нагрузок в жизни спортсмена. (Например, тренер одной знаменитой футбольной команды накануне решающей игры выписывает для своих игроков жён и подруг, другой убеждён, что чем дальше они будут перед стартом от команды, тем лучше.) В 30-е же годы, думаю, этот вопрос вообще был за кадром исследования или, по крайней мере, обсуждения наших учёных, и каждый тренер решал его по собственному, ненаучному разумению.

...У неё были матово-чёрные с приподнятыми внешними углами глаза, что придавало лицу милое, несколько изумлённое выражение («Правда? Вы не обманываете меня?») ... Но... с чего же всё началось?..

Серго очень любил слушать музыку и иногда, если не очень уставал на тренировках, ходил с друзьями в филармонию. Особенно он любил слушать арию из оперы «Паяцы» — «Смейся, паяц...». И вот однажды после концерта приятель предложил познакомить его с «артисткой». «Очень интересуется тобой», — сказал Вартан. «Что ж, познакомь». — «Поедем к ней сейчас же». — «Сейчас?» — «Ну да, она ждёт нас к ужину».

Она открыла дверь, и Серго увидел, что она очень красива. И был ужин, но Серго почти ничего не ел. Потом они долго говорили — в основном она и Серго; Вартан как-то сразу стушевался и отошёл на второй план того ужина — и у Серго создалось ощущение последнего уютного убежища на земле, в котором царила всё понимающая, очаровательная женщина, и весь мир со всеми штангами, обещаниями и немцами

провалился куда-то, исчез... Они не заметили, как пропал Вартан. Когда было уже за полночь, Серго смущённо встал, чтобы уйти, но она сказала: «Не уходи».

Как в сказке, он не появлялся дома три дня и три ночи. А поскольку тогда уже шёл отсчёт времени его подготовки к схватке с Мангером, дома и в «Динамо» возник жуткий переполох. Ян Спарре весь Ереван на ноги поднял — под угрозой было исполнение великого обещания! Если товарищ Сталин узнает...

Когда Серго, как ни в чём не бывало, вернулся домой, Спарре взял его за руку и сказал: «Идём». Больше всего на свете в тот момент Серго хотелось лечь спать и никому не видеть, но Спарре твёрдо повторил: «Идём». — «Куда?» — «Там узнаешь». «Там» — оказалось приёмной ЦК, Ян Юрьевич провёл его прямо к первому секретарю и, несмотря на то, что у него в кабинете были люди, сказал: «Вот, полюбуйте, явился! Спросите у него, где он пропадал три дня и три ночи!» Арутюнов смешался: «Ну, зачем же вы так, Ян Юрьевич...» А Серго покраснел, готов сквозь землю провалиться — чувствует себя вконец опозоренным. Ему такое дело доверили, а он...

И с этого момента его жизнь потекла ровно и правильно — без неожиданностей: тренировка, обед — домой, тренировка, обед — домой. Ян Юрьевич теперь вдвойне строго следил за режимом ученика, но тот вроде бы и сам уже не помышлял ни о каких приключениях — весь отдался достижению рекорда.

А примерно через две недели дома у него раздался стук в дверь — лёгкий такой, как бы сомневающийся, так что дядька едва его услышал. Открывает дверь, а на пороге стоит разодетая и, по определению дядьки, «никогда не работавшая» женщина — одним словом, анпетк (никчёмная)! «Серго дома?» — спрашивает. И дядька, только что бурно переживший исчезновение Серго, тут же смекнул, что это «артистка». И прямо и выложил ей всё, что по этому вопросу думал. «Чтоб ноги твоей здесь больше не было! — сказал он в заключение. — Только от рекордов отвлекаете!» Женщина, страдальчески изогнув брови, тихо попросила: «Умоляю, два слова только...» А тут и соседи начали понемногу собираться, смотрят, как в театре: у этого Серго вечно кто-нибудь, артистки, не артистки... Серго, бывший в тот момент дома, услышал крикливые дядькины реплики, вышел — она! Ни слова не говоря, взял её за руку, ввёл в свою комнату и дверь закрыл. Так что скопившиеся были зрители внезапно оказались вне спектакля. Вскоре, однако, стало известно, что там за дверью он ей будто бы сказал, что всё между ними кончено, и чтобы она больше никогда к нему не приходила. Примкнувший к двери дядька весь разговор, конечно, уследить не мог — там и шёпот, и слёзы, — но обрывки ловил и аккуратно переправлял стоявшей за дверью публике. Если коротко, то финал выглядел так: она плакала, а Серго оставался твёрд. И больше он потом никогда её не видел. Во всяком случае, дядька был в этом твёрдо уверен.

Казалось, женщины на какое-то время перестали для него существовать, и домашние, и Ян Спарре успокоились, чувствуя, что теперь им, наконец, полностью владеет лишь одна цель — победить.

Справедливости ради следует сказать, что в предтриумфальный период его тренировал не только Ян Спарре, но также знаменитый в прошлом штангист и тренер Николай Шатов. Он вспоминает:

«В начале 30-х годов по инициативе комсомола был брошен клич: советским спортсменам во что бы то ни стало бить буржуазные рекорды! Амбарцумян со своим знаменитым обещанием был поставлен во главу угла этой кампании. Поэтому вопрос подготовки нашего Геркулеса ставился руководством особенно остро. И я, как мог, помогал ему в этом, получая, кстати, от этого истинное удовольствие.

Это был обаятельный, общительный человек. Сколько я его помню, он вечно шутил, кого-то угощал, спасал и лично для меня олицетворял дух Армении. Он дружелюбно

относился ко всем соперникам без исключения, и такого, например, как было у Власова с Жаботинским, у него никогда случиться не могло.

Экспансивный в жизни, он на помосте был всегда предельно собран, не приседал и не лил слёзы, как иные: уронят штангу и плачут. Такого о нём даже вообразить нельзя. В душе он, конечно, переживал, но виду не показывал. С его спортивными выступлениями не связано ни одного конфликта, я, по крайней мере, ни о чём подобном не слышал. Он вообще в любой обстановке, в любой среде умел поставить себя, и с ним везде были вынуждены считаться, даже в руководстве. Правда, потом, когда в его жизни настанет тяжёлый период, и из всеми почитаемого кумира он превратится в обычного человека, высшие чины припомнят ему всё, что он когда-либо им сказал нелицеприятного, и уберут его отовсюду, давая понять, что он уже ничего собой не представляет. Но и тогда он не пойдёт ни на какие компромиссы, и в нужде оставаясь самим собой».

Я предоставила слово Шатову как тренеру, причастному к главному рекорду Амбарцумяна. Но от старта его триумфального пути он как-то быстро добежал до финиша, и панегирик, мажорный лад его воспоминаний незаметно перешёл в минор. Но я не решилась прервать Шатова и перенести, допустим, слова его о финише в конец книги. Пусть они прозвучат здесь в том порядке, как возникли, — если угодно, в безыскусных завихрениях и заверениях легенды...

Глава 3

Тамара — это половина легенды о Серго, и значит, вся её жизнь неотделима от него. Она родилась 18 февраля 1920 года в Нагорном Карабахе, в селе Аракуль, в знатной и богатой семье, с незапамятных времён имевшей обширные связи за границей. Рассказывают, что дед иранского шаха Пехлеви с женой, свитой и верблюдами гостил ещё у Тамариного деда, потом у её отца, и отец очень любил семью Пехлеви, знал их язык и обычаи.

Первая жена отца Тамары — дочь фабриканта, рано умерла, и мать Тамары — красавица-бесприданница, стала его второй женой. У Ованесянов был большой дом, сад, слуги. В доме много просторных, утопавших в коврах комнат, у каждого члена семьи — своя спальня, и, кроме того, несколько спален для гостей. Невиданной красоты заморские сервизы украшали их трапезы, и среди них самый дорогой, тончайшей работы, серебряный кофейный (после революции, когда наступил голод, его снесли в торгсин).

Отец, страстно любивший верховую езду, держал дорогих, породистых лошадей. Он был коммерсантом, купцом, ходил в Турцию, Персию и все товары, всякую утварь для дома выписывал из-за границы. Но Тамарина жизнь развернулась уже при советской власти, и она не застала того «буржуазного и преступного» шика. Но так как ей часто рассказывали о нём родители, она всё же как бы унаследовала его и всегда помнила, что она «оттуда». Прошлое оставалось внутри неё, в семейной памяти, которую она, «человек нового времени», могла время от времени, как альбом, перелистывать, просто так, вовсе не отягощённая ощущением потери, невозвратности, которое так мучило, убивало её отца.

Когда пришла советская власть и отца стали раскулачивать, всё село стало на его защиту, потому что он был очень добр к людям, многим помогал. Весной, когда начинался голод, раздавал беднякам хлеб, неимущим девушкам дарил приданое. Но его всё равно не оставили в покое, мучили непрерывно, изо дня в день допрашивая: утром — в сельсовете, вечером — в районе; позорили его имя на всевозможных собраниях и сходках, клеймя кулаком и мусаватистом, но люди всё равно продолжали его уважать.

При советской власти судьба пристроила его объездчиком — он охранял окрестные леса и... тайно продолжал ходить привычными тропами за границу — что-то переправлял туда, что-то оттуда, словом, не мог отказаться от своих купеческих навыков. Власти пытались поймать его на этих переходах, но, зная старые тропы как никто, он был неуловим.

В 1934 году в возрасте 64 лет погиб, как многим казалось, нелепо: первый и последний раз в жизни влез на дерево — хотел подвязать сломанные грозой ветки, — упал, ударился головой о землю и умер.

Похоронив его, мать записалась в колхоз и отвела туда ухоженных и выхоленных отцом лошадей. Только они там и года не прожили. «Дома за ними такой уход был! — вспоминала Тамара Ованесовна. — А в колхозе гибель одна...»

Незадолго до смерти отца восьмилетнюю Тamarу отправляют в Москву. И связано это с поступлением её старшего брата Ерванда в 1-й класс, точнее, с тем, как он собрался впервые войти в школу.

В тот суматошный для всей округи день — первого сентября — школьники со всех окрестных сёл собрались на большой площадке меж двух сёл — устраивалось нечто вроде праздничного парада. Дети стекались туда пёстрым гомонящим строем, и когда построили детей из села Аракюль, все увидели, что брат Тамары — Ерванд и его маленький родственник Серёжа выделяются своими белыми рубашечками, бантами на шее и блестящими чёрными ботиночками. И когда уже надо было выступать к месту всеобщего сбора, активист местной власти вдруг весело крикнул: «Ерванд и Серёжа — шаг вперёд!» Мальчики не сразу поняли, что от них требуется, смущённо замешкались, кто-то подтолкнул их вперёд, и тогда активист сказал: «Вы — дети кулаков и потому не имеете права участвовать в этом празднике...» Их вывели из строя, и они заплакали. Они ведь так готовились в школу... Их повели домой, меж тем как остальные дети с песнями, флагами и барабанным боем двинулись на парад.

После этого семья решила: раз мальчиков начали травить уже с первого класса, значит, житья им тут всё равно не будет, и их отправили жить и учиться к старшей сестре, в Баку. Естественно, когда подошёл черед Тамары идти в школу, её тоже решили не отдавать на истязание местным властям и послали к другой старшей сестре, учившейся в то время в Москве, в Академии лёгкой промышленности имени Микояна. Таня взяла Тamarу к себе в общежитие, и Тамара проучилась в московской школе четыре года — на «отлично» — до тех пор, пока Таня не закончила Академию и не уехала по распределению в Новосибирск. Тогда Тamarу отправили доучиваться к другой сестре в Баку. Но в Баку она проучилась всего два года: скончался отец, и её привезли в родное село с ним проститься. После похорон она уже в Баку не вернулась и 7-й класс — тоже на «отлично» — окончила в родном селе.

И вот тут, после окончания школы, у неё вдруг возникла идея поехать учиться в Ереван. Во-первых, ей наскучили местные женихи, казавшиеся ей маленькими и глупыми, во-вторых, манили столичные просторы, в то время как в селе всё было так обыденно, провинциально, замкнуто (ведь она уже немного вкусила столичной жизни — в Москве).

Она мечтала стать строителем и потому, недолго думая, написала о своей мечте директору ереванского строительного техникума, вложив в письмо свой аттестат с отличием. Письмо отправила по приблизительному адресу: Ереван. Строительный техникум. Директору. Откуда ей было знать точный адрес и фамилию директора? Однако ровно через неделю пришёл ответ: «Товарищ Ованесян Тамара, вы, как отличница, зачислены в строительный техникум без экзаменов. Уроки начинаются с 1 сентября. В случае надобности предоставим вам общежитие. Директор Малян».

Так Тамара попала в Ереван и, как и все или почти все советские люди, бодро включилась в построение новой жизни. Как раз и техникум для этого был подходящий —

строительный. Правда, жизнь в общежитии — это всего лишь жизнь в общежитии. Но если ты живёшь ради светлого будущего, то все трудности нипочём, к тому же всё ведь относительно. Благоустройство комнат филиала техникумовского общежития (в маленьком одноэтажном домике две комнаты, одна для 4 юношей, другая — для 4 девушек): 4 кровати, 4 тумбочки, стол и графин с водой — шик, если сравнить с чем-нибудь ещё менее шикарным. На веранде кран, куда часто ходит за водой живущая по соседству молодая женщина Ермоня — лицо в нашей истории отнюдь не случайное. Но о ней речь впереди.

Судьбе было угодно, чтобы Тамара «страстно» увлеклась танцами, что, впрочем, было вполне в духе её юных лет, а также в духе времени, когда в народе вдруг заговорили о каком-то указе, по которому все абсолютно должны обучиться танцевать. Прошёл слух, будто Ворошилова на каком-то заграничном банкете пригласили танцевать, а он не умел и попал таким образом в неловкое положение. Поэтому, вернувшись в СССР, он издал указ о том, чтобы во всех вузах и училищах молодёжь — в обязательном порядке — обучалась современным танцам (фокстрот, вальс-бостон...) Этот указ вполне совпадал с мажорным, наступательным духом строителей светлого будущего, ибо идти в новую жизнь вообще замечательно, а если при этом ещё и танцевать...

И вот в течение учебной недели студенты техникума изучают искусство современного танца, а по субботам в клубе строителей — практика. Тамара обожает танцы и считает дни от субботы до субботы, когда танцзал распаивает свои двери для учащихся окрестных вузов и девушки чинно рассаживаются на длинных скамейках вдоль стен, а кавалеры спасаются по углам, топя свою застенчивость в важных разговорах. И вот уже под щемяще-томительные «Брызги шампанского» самые смелые чертят замысловатые строгие па. И чудится им заморская жизнь, и райские птицы, и принцы в белых перчатках, заказывающие или уже наливающие шампанское, и белые яхты, сверкающие в синем далеке...

И будет, будет у Тамары и заморская жизнь (пусть недолго), и белые яхты, и принц — вот он уже совсем, совсем близко, ещё один лёгкий поворот судьбы — и в проёме её одинокой девичьей жизни «нарисуется» Он.

Тамара никогда не засиживалась на скамеечке, она даже не успевала несколько слов сказать другим «дамам», как её тут же приглашали, и она начинала самозабвенно скользить в танце, томно глядя куда-то мимо партнёра — ей было абсолютно всё равно, кто её партнёр, — лишь бы танцевать и кружиться, кружиться, чуть подпевая в такт мелодии. Она знала все директивные танцы наизусть, и они никогда ей не надоедали. И вот однажды... Я люблю это слово — «однажды», — в нём и поворот сюжета, и тайна его зачатия, и неотвратимость судьбы и... словом, однажды, а точнее, в субботу 5 декабря 1938 года подходит Тамара в назначенный час к клубу, а у входа народу столько, что даже невозможно к клубу свободно подойти. «В чём дело?» — спрашивает она у кого-то. «Сейчас в нашем спортзале будет выступать Серго Амбарцумян». — «А кто это такой?» — простодушно осведомляется Тамара. «Как! Ты не знаешь, кто такой Серго Амбарцумян?! Вай, это же самый сильный человек!» — «И он пришёл к нам на танцы?!» — «Зачем на танцы?! Рекорды бить пришёл». В общем, Тамаре очень захотелось поглядеть на «самого сильного», но как это сделать? Как пройти в зал? Она с трудом протиснулась к контролёру, которого хорошо знала, и стала умолять пропустить её. Но он, возбуждённо мотая головой, говорил: «Не могу — только по пригласительным билетам». — «Ну, дядя Аршак, миленький...» — вот так она умоляла его, будто знала, что там её судьба. Самое удивительное, что она даже о танцах забыла — рвётся посмотреть на какого-то штангиста, хотя до того момента штангисты её никогда не интересовали. Вдруг дядя Аршак сдался. «Ты, — говорит, — прямо убила меня своей настойчивостью! Вот сейчас я дверь закрою,

турнир начнётся, все уйдут, и тогда ты подойди, тихонько вот так, — он показал как, — постучи, и я тебя впусти». Так она и сделала. Когда объявили, что турнир начинается, все безбилетники понемногу разбрелись, она тихо-тихо постучала условным стуком в дверь, и он её впустил. Но едва она вошла, как ей тут же захотелось убежать: народу — тьма! Какого-либо местечка или хоть намёка на него и в помине нет. Сидят друг на друге, и в проходах, и на ступеньках. Но было неудобно: столько просить, чтоб впустили, а потом убежать... Пока Тамара в смятении топталась у дверей, знакомые «танцевальные» ребята увидели её и позвали. Еле-еле она к ним пробралась, они освободили для неё уголок стула, и тут вышел этот самый Серго Амбарцумян. Такой высокий, стройный с такими густыми блестящими волосами... Очень он ей показался красивым. Потом он стал поднимать эту свою штангу и установил какой-то рекорд, и все сразу так обрадовались! Стали хлопать, кричать, прыгать и, как потом выяснилось, много скамеек переломали. Затем на сцену вышел директор клуба и попросил всех утихомириться, потому что Серго хочет слово сказать. Все разом замолчали, и тогда Серго сказал, что этот свой рекорд, установленный в день сталинской конституции, он и посвящает сталинской конституции. Ну, тут все опять жутко обрадовались, и в этот момент, наверное, ещё несколько скамеек полетело. А парень, уступивший Тамаре место, и говорит: «Ну вот, рекорд установил, теперь может и жениться». Тамара удивилась: «А что, раньше ему было нельзя?» — «Вообще-то можно, но теперь, когда рекорд установил, — сам бог велел». И тут она почему-то спросила: «А кто же за него пойдёт?» — «Как кто? Любая, какой предложит!» — «Ничего подобного, — почему-то вдруг вспыхнула она, — спортсмен он, конечно, хороший, но замуж за него вряд ли кто пойдёт...» — «Это почему же?» — «Он такой огромный...» — ответила она, и ребята дружно рассмеялись.

После этого она о нём долго ничего не слышала. Правда, потом на её тумбочке почему-то оказалась газета с его портретом. День лежит, второй, третий. Как-то зашла к ним в комнату руководительница их учебной группы и говорит: «Тамара, ты что, влюбилась в этого Серго? У тебя на тумбочке вечно он...» Тамара смутилась: «А при чём здесь я? Какую газету ни откроешь — везде он!» А сама чувствует, как заливается краской стыда, и от этого злится: «Разве я виновата, что он со своим обещанием во всех газетах торчит!»

А потом прошло какое-то время, и она вроде бы забыла о нём совсем...

Глава 4

Владимир Феофанов впервые приехал на соревнования в Ереван из небольшой греческой деревушки Алаверды в конце тридцатых годов. И, как он считает, своей карьерой тяжелоатлета (рекордсмен... чемпион Европы) во многом обязан Серго Амбарцумяну: «Серго увидел меня и сказал: “Больше в деревню не поедешь. Ты рождён для больших побед и поэтому будешь тренироваться теперь здесь, в столице. А жить будешь у меня”. Шесть месяцев я у него жил, он меня кормил, поил, тренировал, в общем, опекал, как маленького, и очень быстро я стал мастером спорта. И, между прочим, он так подтягивал многих молодых ребят, и многие в разное время жили у него. Он сам тренировался и нас тренировал, делясь с нами всем, чему успел научиться. Ему никто не поручал эту работу, просто он, наверное, иначе не мог. Он любил дарить себя и был страшно рад, когда видел результаты своих усилий...»

То, что Амбарцумян для Феофанова остался незабываем, незаменим, — это понятно. Но и Феофанову довелось сыграть «незаменимую» роль если не в судьбе Серго, то во всяком случае в сюжете этой книги — он поначалу оказался единственным встреченным

мною свидетелем «великого побития» Амбарцумяном Мангера. Он рассказал мне о нём совсем немного — лишь крупницы удержала память, но благодаря им можно всё-таки попытаться заглянуть в тот вечер 30 декабря 1938 года, потолкаться среди алчущей исторического зрелища публики, вдохнуть ту неповторимую атмосферу предощущения, ожидания триумфа, пусть и не твоего, но вместе с тем и твоего тоже... Для меня, например, любой волнующий меня успех другого человека — всегда залог и моего успеха тоже, он как бы обещает мне: и ты, и ты тоже сможешь... Найдёшь... доберёшься до таких глубин...

В тот день по всему городу были расклеены афиши о предстоящем событии, трамваи по улице Абовяна, где находится филармония, не ходили, так как вся она сплошь была занята людьми. Все хотели попасть на уникальное представление или хоть быть рядом, чтобы из первых уст узнать о происходящем. В том, что рекорд будет, никто как-то не сомневался, хотя грозный дух гитлеровского любимца упорно витал в тот день над улицей Абовяна, то там, то сям звучали его имя и цифры поднятых им килограммов.

Перед самым турниром Спарре решил вывезти Серго на воздух, вдвоём они сели в машину — Серго за рулём — и поехали за город в местечко Канакер, где горы и сады (теперь, правда, Канакер уже в черте города), где можно погулять, подышать и отдохнуть от городской суеты. И вот, когда они уже возвращались, пошёл сильный дождь, машина застряла в какой-то луже, и пришлось её оттуда вытаскивать. Пробурчав что-то недовольное — всё же силы сегодня нужны были для рекорда, — Серго вышел из машины (это был шикарный комитетский автомобиль марки «Шевроле») и одним рывком сзади поднял её и вытащил из лужи. Таких вытасканных и поднятых Амбарцумяном машин «проехало» по его легенде целая колонна: грузовики, «шевроле», «эмки»... И каждый, кто рассказывал о подобном эпизоде, либо видел его сам (в крайнем случае, его папа, дядя, друг), либо, как в случае с Феофановым, слышал о нём от самого Серго. Так могла ли эта сакраментальная машина миновать главный день легенды?

Когда Серго и Спарре вернулись домой и родные увидели облепленного грязью, мокрого с ног до головы Серго, возник переполох: «Что случилось?! Где?!» Но Серго строго сказал: «Молчать. Подробности после». И ушёл переодеваться. А затем в сопровождении Спарре, который ужасно волновался, а также родственников, которые волновались не меньше, отправился в филармонию.

Феофанов вспоминает, что «турнир был назначен на 8 часов вечера и назывался “вечером побития рекордов”. Нас, выступавших тогда в Малом зале Армфилармонии, было пятеро: Серго Амбарцумян, Рубен Манукян, Иван Аздаров, Гриша Парунагян и я — все в разных весовых категориях». Я привожу слова Феофанова «под усиленным караулом кавычек», но всё равно достоверность их призрачна, так как Тамара Ованесовна утверждает, что Серго на том вечере выступал... один. Один против Мангера. Каково? Поначалу я растерялась: кому же отдать предпочтение в изложении столь важного, нет — главного факта жизни Серго Амбарцумяна? Самому близкому его человеку — жене — или же единственному свидетелю побития? Хорошо было бы, конечно, отыскать (и обыскать) ещё хоть одного свидетеля, но сколько я ни искала (ни рыскала) — безрезультатно. Я безнадежно опаздывала: ещё совсем недавно был жив и судья «великого побития», и сын Яна Спарре, и... словом, мало ли что «недавно»!

И вдруг он нашёлся — драгоценный штангист, в те годы выступавший с Амбарцумяном и бывший, конечно же бывший, свидетелем его триумфа — «О, я видел!». Но увы! Сколько я его ни пытала, мне не удалось выудить из него о том событии ничего. Ничего, кроме этой уважительной реплики. Почтенный старец вообще как-то не сосредоточивался на Амбарцумяне, и все его воспоминания свелись в основном к утверждению: «Самым красивым в то время был я!»

И тогда я подумала, что, в конце концов, версии Тамары Ованесовны и Феофанова различаются не в главном (как и версии прихода Серго в штангу), не по существу, и потому пусть мирно соседствуют тут и даже взаимодействуют, так или иначе играя на образ героя.

А может быть, вообще правы и Тамара Ованесовна и Феофанов: может быть, выступление Серго было настолько впечатляющим, что остальные оказались просто незамеченными? Теоретически такое вполне можно вообразить, если учесть его неотразимость и неотразимость выполнения обещания Сталину.

Со мной, например, был однажды такой случай. Дочери моих знакомых, маленькой девочке, посчастливилось выступить на сцене Большого театра в спектакле миланского оперного театра «Ла Скала» — «Богема». В этом спектакле заняты дети, и чтобы не возить их на гастроли, театр ангажирует маленьких статистов в местных музыкальных школах. Как и все родные и близкие девочки, я была чрезмерно увлечена её «выступлением» в «Богеме», настолько, что даже не заметила живого осла, оказывается, также занятого в спектакле, — цена предельной концентрации внимания.

Но вернёмся на «вечер побития рекордов». Сцена, помост, штанга... Из Москвы и из Тбилиси приглашены судьи международной категории. А народу! — кажется, весь Ереван сейчас здесь, в филармонии и вокруг неё.

Вот Серго гордо, величественно движется к сцене, а за ним — группа невысоких, незапоминающихся людей (почитатели? помощники?), кажущиеся ещё меньше от сопоставления с ним и от этой своей самозабвенной, нежной угодливости. Судья Золотошвили — так уверяет Феофанов — всячески к Серго придирался, в то время как Серго творил чудеса. «Знаете, как тогда выжимали штангу? Стояли ноги вместе! И расставить их пошире, как делают это нынешние штангисты, не разрешалось... Мы все тогда установили республиканские рекорды, ну а Серго выполнил своё обещание. Такой шум, такой крик стоял, когда он взял рекордный вес, превышающий рекорд Мангера! Люди смеялись и плакали. А потом нам закатили грандиозный банкет. Как только Серго закончил выступление, на помост откуда-то притащили стол. Серго встал на него, и народ подхватил его вместе с этим столом (!) и так на этом пьедестале вынес на улицу и донёс до гостиницы на банкет!» Живая статуя — олицетворение силы, красоты, славы плыла по улице, и кругом слышалось восторженное: «Выполнил... выполнил... выполнил!..» Газеты писали: «В Малом зале Армфилармонии Серго Амбарцумян установил мировой рекорд. Показав в классическом троеборье 433,5 килограмма, он на 8,5 килограмма перекрыл достижение немецкого тяжелоатлета Мангера и стал самым сильным человеком планеты. Рекорд буржуазного атлета пал!»

Итак, «руками Серго» Сталин победил, наконец, в своей «тяжеловесной» дуэли с Гитлером!

Но было в том триумфе одно существенное «но» (никем или почти никем тогда не замеченное) — рекорд Амбарцумяна («домашний») не мог быть засчитан официально, так как в то время наши штангисты не входили ещё во Всемирную федерацию тяжёлой атлетики. Впрочем, досадная эта деталь не могла испортить «поистине всенародного ликования», проходившего к тому же «под управлением» вождя, и расценивалась у нас (теми немногими, которые о ней знали) как издержка наших отношений с Западом, как придирка «буржуазных» коллег.

Триумф Серго Амбарцумяна ширился и набирал высоту, пока не достиг кремлёвского банкета, пира у Сталина. Тот пир впечатался в судьбу Серго едва ли не больше, чем его главная победа, и уж во всяком случае, не меньше.

«В нашей счастливой стране, в чудесную эпоху Сталина, — строки из газеты той чудесной эпохи, — растут сильные, красивые, культурные и физически крепкие люди.

Лучших физкультурников, мастеров спорта наша страна знает и любит, так же как знатных людей социалистической промышленности, сельского хозяйства, науки и искусства. Вот почему в составе делегации лучших людей из цветущей Армении на приёме в Кремле у товарища Сталина был знатный физкультурник страны, мировой рекордсмен, лучший тяжелоатлет СССР Серго Амбарцумян. На приёме он сказал: «Среди советских физкультурников я, может быть, самый счастливый!»»

Сейчас трудно проверить достоверность этих слов, сказанных якобы Серго Амбарцумяном, да и не нужно. И так ясно — достоверность эта весьма сомнительна, крепость штампов «чудесной эпохи» общеизвестна: все «лучшие люди» страны говорили тогда одним счастливым, благодарным товарищу Сталину языком и даже одними и теми же словами — варьировались лишь фамилии счастливых... Впрочем, Серго-то скорее всего так и сказал, ибо думал тогда так...

На приёме в Кремле среди знатных людей страны — всего там было 900 человек — Сталин провозглашает Серго тамадой (величайшая милость), и Серго вдохновенно, с истинно кавказской велеречивостью исполняет возложенную на него роль. «Ты посмотри, — сказал кому-то Сталин, — я думал, Амбарцумян отличный спортсмен, а он, оказывается, ещё и отличный тамада». Это был весёлый, долгий пир до утра, с песнями, танцами и роскошным столом — каких яств там только не было!

Когда утром Серго наконец-то явился в гостиницу, то сказал жене: «Всё, Тома, можно умирать — я был у Сталина тамадой».

Он пришёл в сопровождении какого-то человека, и человек этот важно нёс за ним огромный свёрток. Развернули — а там бесчисленное количество — как потом выяснилось, 60! — бонбоньерок со всевозможными шоколадными конфетами: начинёнными вишней, ликёром, изюмом, орехами...

С трудом его уговорили лечь спать, но и лёжа он всё «брыкался», ибо был так переполнен впечатлениями, что они лились из него непрерывным, невнятно-восторженным гулом — смесь застольных песен и тостов, произнесённых им, «тамадой Кремля».

В квартире Амбарцумянов с тех ещё времён висит «историческое» фото: Серго стоит вместе со Сталиным и другими членами Политбюро у Сталина в кабинете, и Молотов дарит ему патефон. Вся Армения знала об этом снимке, и люди ходили к Серго специально поглядеть на него — как он там со Сталиным...

В семейном альбоме хранятся и другие снимки тех лет — на них стоят или сидят плотно пригнанные друг к другу, весёлые, напористые люди: «Наш парово-о-оз, вперёд лети...» И среди них «летит» кто-нибудь из Амбарцумянов, чаще всех, понятно, Серго. Но среди обитателей паровоза вдруг попадаются странные безголовые фигуры — с неопрятными пятнами вместо лиц. Их лица — «врагов народа» — стёрты, вымараны. И видно, что даже не пытались (не успели?) стереть так, чтобы было незаметно, чисто, а сквозит одна лишь забота — побыстрее их убрать. Ибо не успеть это сделать — означало опасность «заразиться», быть причисленным к врагам паровоза и в свою очередь подвергнуться остракизму стирания.

Знал ли Серго, кем был для людей Сталин? Этот вопрос я задаю себе и, может быть, к концу повествования сумею получить на него ответ?

Ну а пока поглядим на всю эту посттриумфальную карусель поздравлений, восторгов и даров судьбы, посланных Амбарцумяну через Сталина. Чего там только не было — орден, часы, костюм, патефон, ещё кое-что...

Выписка из приказа по управлению народного комиссариата внутренних дел:

«Приказываю: Амбарцумяна Серго — чемпиона СССР, мирового рекордсмена — наградить боевым оружием с надписью “За боевую подготовку чекистов-динамовцев”».

Эта выписка попала мне вдруг среди архивных и вполне мирных документов Серго Искандаровича, но от домашних я ничего об этом оружии не узнала, так что, похоже, оно не «выстрелит» в нашей истории...

А самым броским, самым шикарным сталинским подарком, полученным Серго в те сияющие для него времена, был, несомненно, автомобиль — «М-1», его называли ласково «эмка». Серго стал одним из самых первых обладателей частного автомобиля в Армении. И когда вместе с молодой женой он медленно катил по Еревану, люди знали — это едет их богатырь Серго со своей царицей Тамарой.

Между тем вот что писал Михаил Аптекарь (тренер, судья международной категории, составитель справочника по тяжёлой атлетике, много лет занимавшийся её историей) Юрию Власову, любезно предоставившему мне это письмо:

«...5 августа в присутствии Гитлера Мангер закрыл олимпийский турнир тяжелоатлетов¹ рекордной суммой 410 килограммов. Немцы возликовали: самый сильный атлет — их!

Тогда французы жмут на объявившего себя сильнейшим человеком мира профессионала Ригуло. За крупный гонорар Ригуло, имея уже десяток лет профессиональной работы под гримом, в Трикадеро поднял престиж нации — 5 октября 1936 года он сделал (110 + 130 + 175) — 415 килограммов...

Все эти сражения шли под грохот шовинизма в обстановке националистических выпадов в мире. Не признавшего профессиональный рекорд Ригуло президента ФИХ² Жюля Россэ сами французы помогают убрать с поста.

В Лондоне самый лёгкий из рекордсменов тяжёлого веса Вальтер Уокер сделал «своё» рекордное троеборье — 120 + 137 + 173 = 430...

В 1937 году Мангер оторвался от всех: 420 кг на чемпионате мира в Париже 12 сентября и 425 в Бамберге — на чемпионате Германии 15 октября. Через год 10 сентября он на первенстве Германии собрал 435 килограммов (142,5 + 130 + 162,5). У нас сделали вид, что ничего этого не знают, и вот 30 декабря 1938 года шум во всех газетах: Серго Амбарцумян сдержал слово, данное товарищу Сталину, — на 8,5 килограммов побил рекорд фашиста...»

Лишь полная «уединённость» жизни нашей страны, отстранённость от всего мира могла привести к столь провинциальной неискущённости: когда не то что рядовые граждане — но, выходит, даже сам рекордсмен (!) не ведал в точности, сколько килограммов ему надо поднять, чтобы побить мировой рекорд. При этом его результат «простодушно» объявлялся мировым рекордом, и под шум оваций никому в голову не приходило усомниться в его достоверности. А если бы даже и пришло, всё равно из этого ничего бы не вышло. Потому что — вновь поддамся искусству игры слов: рекорды железной штанги — за железным занавесом — никакой проверке «железно» не подлежат.

Впрочем, всё это ничуть не умаляет сделанного Амбарцумяном.

«На фоне того угара, который охватил Германию, надо было достойно ответить (разрядка моя. — Т. Л.) — и Амбарцумян ответил. По существу, его результат выдающийся, и он сразу ставил его в ряд самых великих атлетов того времени».

---

¹ Турнир на Олимпийских играх 1936 года в Германии.

² ФИХ — Всемирная федерация тяжёлой атлетики.

Глава 5

«Надо было достойно ответить», — убеждён был Михаил Аптекарь...

Кстати, этой цели — показать, что за нашим «занавесом» живётся лучше, чем за «их», служили не только спортивные турниры, но также и ежегодные парады физкультурников (на Красной площади или на стадионе «Динамо»), по мнению Сталина, являвшиеся прекрасным смотром советской молодёжи. Счастливой советской молодёжи. Газета «Вечерняя Москва» (21 июля 1947 г.), уделившая, кстати, этому событию целых полторы страницы, свидетельствует: «Парад физкультурников ещё раз убедительно показал массовость физкультурного движения, о развитии которого неустанно заботятся партия и правительство»...

И странно читать эти строки сейчас, когда, кажется, уже общеизвестно, что массовый наш спорт — едва ли не самое отстающее звено в «жизнерадостном» хозяйстве бывшего СССР. Хотя ныне, конечно, не так-то просто установить, так сказать, провести соцсоревнование — какая же область оказалась у нас наиболее отстающей?

«Громадная чаша главного стадиона страны в ярких, праздничных красках. Она напоминает гигантский распустившийся цветок.... Над ним высятся Государственный герб СССР, гербы союзных республик, портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина... Общее движение. В едином порыве все встают... и десятки тысяч гостей и участников парада восторженной овацией встречают появление в ложе товарища Сталина... великого вождя, полководца и лучшего друга советских физкультурников...»

Эти строчки — достойный образец той «свободной, ликующей» прессы, они — отражение жизни самой. И потому их можно, в общем, и не комментировать: они сами себя комментируют и расставляют акценты. Стоит только их привести...

«Бурными рукоплесканиями встречают зрители советских штангистов, принесших Родине спортивную славу. Среди них... знаменитый Серго Амбарцумян...»

Ещё там стихи:

Дочери вольных степей плодородных,
Люди высоких идей благородных,
Нашей земли сыновья...
К новым победам и к солнечной жизни
Сталин открыл нам пути!

Интересно, все эти трубачи счастливой жизни в самом деле верили в неё («Это шествовала сама весна нашей жизни. Сверкающая, переливающаяся яркими красками, прекрасная, радостная!») или же музыка была строго «заказана»? Наверное, как это часто бывает в жизни, и то, и другое. Или третье. Когда, не задумываясь, поступаешь «как все». Но к Серго как-то не подходят эти слова — «как все», хотя во многом — в том, что не касалось штанги, допустим, он был очень похож на своих современников. Он был плоть от плоти их и кровь от крови, и, по крайней мере, в пору своего успеха, ему трудно было взглянуть на происходящее со стороны.

Что же касается тех сталинских парадов, то на них он был всё же «один такой», и спутать его ни с кем было невозможно.

...К правительственному смотру физкультурников каждая республика тщательно готовила выступление — все старались отличиться перед Сталиным празднично, ярко, оригинально. Начинался праздник с парада, на котором 16 республик шествовали мимо вождя, каждая во главе со своим знаменосцем. И в команде Армении в те, «его», годы — знаменосцем был, конечно, Серго Амбарцумян. Но он выделялся не только в своей команде. Огромный флаг своей республики все знаменосцы несли двумя руками, так как

он был довольно тяжёлый, а нести надо было долго, к тому же изрядно мешал ветер. И только Амбарцумян лихо нёс флаг одной рукой, гордо вздёрнув подбородок вверх. Но марш по стадиону — это всего лишь преамбула. Главное же — представление, на котором от Серго всегда ждали чего-то необычайного. И однажды он буквально потряс «могучей репризой» собравшихся на параде и лично товарища Сталина. Он принёс на Красную площадь... две детские футбольные команды, и они стали там играть в футбол. Была сконструирована такая гигантская штанга с двумя огромными полыми шарами, в каждом из которых разместилось по 11 (!) ребятишек. На плечах Серго донёс эту штангу до середины площади, бережно положил её на землю, хлопнул по шарам, они, точно огромные тюльпаны, раскрылись, и из каждого тюльпана, словно игрушечные, повыскакивали ребята. Они быстро установили спрятанные в шарах складные ворота, сыграли мини-матч — судил Серго, затем молниеносно — заводные солдатики — упаковались обратно, шары-тюльпаны закрылись, и «судья» торжественно унёс их с «поля». Об этом уникальном трюке Амбарцумяна много писали и у нас, и за рубежом. И, между прочим, среди маленьких футболистов он, выражаясь торжественно, принёс тогда в наш спорт знаменитого в будущем легкоатлета — Игоря Тер-Ованесяна. Не так давно по телевидению прошёл сюжет о нём. И на вопрос корреспондента о роли других известных спортсменов в его судьбе я ждала слов об Амбарцумяне, но он их не произнёс — то ли забыл, то ли вовсе не знал о такой причастности к его судьбе Амбарцумяна? А ведь так заманчив был вопрос (для меня, по крайней мере), и так легкокрыл и бросок мог оказаться ответ...

Или вот другой, к примеру, парад — совпавший с тысячелетней годовщиной армянского эпоса. На этот раз Серго уготована роль Давида Сасунского, и лучшего Давида трудно себе вообразить. Неоспорим и значителен он в этих сверкающих старинных доспехах! Огромное фото, висящее дома на стене, свидетельствует, что кольчуга, шлем, меч и круглый кованый щит идут ему даже больше, чем штанга, — в них не сквозит столько бесполезности, в них зов исконно мужского занятия — боя! Как прекрасен и ловок он в бою против вождя иноземных захватчиков — Мсра Мелика! На параде развёрнута батальная сцена военных действий, и Давид с блеском побеждает иноземного вождя. А так как на войну Мсра Мелик отправляется вместе со своим гаремом, то Серго тут же на Красной площади освобождает всех его жён. Правда, привыкшие к неволе, они не сразу это понимают, полагая, что теперь по их обычаю перейдут в гарем победителя. Они кланяются ему в ноги, а он им объясняет, что у армян нет гаремов, что отныне они свободны («разгаремированы») и могут идти домой. После чего женщины, повязав свои чадры, как работницы косынки, радостно, по-спортивному маршируют «домой».

Но, между прочим, Серго не всегда на этих парадах сопутствовал успех. Однажды Микоян вызвал его к себе — это было незадолго перед июльским парадом 1947 года — и спросил, может ли он установить мировой рекорд прямо на параде, непосредственно перед товарищем Сталиным. Серго был тогда уже «на сходе», но самолюбие и слава «самого сильного» не позволили ему сказать «не могу» — он ответил «да».

Но дело даже не только в том, что пик его результатов был им уже пройден, а в том также, что он никогда не тренировался под открытым небом (только в залах). И вот на глазах у тысяч людей, у всего Политбюро и, главное, у Сталина он не смог поднять рекордный вес — провалился! Он был в отчаянии и оправдывался после перед своими почитателями тем, что ему просто не хватило потолка — этого ориентира, бывшего у него на всех турнирах прежде. «И как я не догадался хотя бы раз (!) потренироваться на открытом воздухе?!» — сокрушался он. После столь броского провала — на глазах у Сталина! — Серго был снят, как он потом напишет секретарю ЦК КП(б) Армении, «со

стипендии, лимита и питания» и, «оставшись совершенно без средств для прокормления своей семьи, был вынужден продавать домашние вещи...».

Словом, триумф был позади.

А когда вершина достигнута, остаётся только спуск. Вопрос лишь в его крутизне и длине. Он хотел избежать длинного спуска и с вершины просто спрыгнуть в обычную жизнь, что само по себе хотя и наивно, но не невозможно.

Выполнив своё знаменитое обещание — а было ему тогда уже почти 29 лет, он решил спорт бросить и пойти учиться, получить специальность, обзавестись семьёй. Однако руководитель, к которому он пришёл со своим решением, откровенно рассмеялся: «Ты что? Работать! Твоё дело — рекорды бить, славу страны приумножать, а наше — думать о твоём будущем. Куй свое железо, пока горячо, а уж мы о тебе позаботимся».

И он возвращается в «кузницу» и опять «куёт», не помышляя, казалось, больше об учёбе. Так что прыжок в обычную жизнь ему не удался, и он ступил на долгий и изнурительный путь вниз.

Впрочем, одна часть его планов относительно обычной жизни — жениться — всё же удалась, причём в самом начале «спуска»...

Глава 6

Ермоня с мужем и маленькими детьми жила во дворе общежития строительного техникума, ходила к студентам за водой (своей колонки у них не было) и постепенно подружилась с одной из них — Тамарой Ованесян, скромной, улыбчивой девушкой. Другие студентки каждый вечер гуляют — кто в кино, кто на свидания, — и лишь Тамара редко когда в кино соберётся, а так всё с её детишками во дворе возится.

«Тебе бы своих иметь», — говорит Ермоня.

«Вот ещё», — отвечает Тамара и при этом краснеет, сама не знает почему. Ермоня вечно её смущает этими своими «тебе бы»: «тебе бы замуж... тебе бы детей своих...» А вообще-то она добрая, с ней хорошо дружить, хотя ей уже 35 лет.

Так как Ермоня играет в этой книге не самую последнюю роль — роль свахи, — надо сказать о ней несколько слов. И в первую очередь то, что она оказалась дальней родственницей Серго, но Тамара-то об этом понятия не имела.

Как-то, вскоре после «великого побития», Ермоня заглянула к Амбарцумянам и застала такой разговор Серго с его дядькой и тёткой.

«Жениться хочу», — заявил Серго.

«Женись, да? Кто тебе мешает?»

«А где мне девушку взять?.. Не нравится никто...»

И тут Ермоня ловко вмешалась в семейный совет: «У нас во дворе такая девочка хорошая есть — и красивая, и с характером, и с парнями не гуляет... Приходи, посмотри».

«А», — безнадёжно махнул рукой Серго.

«Да ты посмотри, может, понравится...»

«Ну хорошо, — вдруг согласился Серго, — только эту девушку ты должна мне показать утром, в 6 часов».

«С ума сошёл, да? Как это я подниму её в такую рань?!»

«А как хочешь, так и поднимай. Я хочу видеть её без прикрас, такую, какая она есть!»

Ермоня лишь посмеялась в ответ, давая понять, что говорить больше не о чем, и стала собираться домой. Но Серго вслед ей крикнул, что в воскресенье, ровно в 6 утра, будет у них во дворе. Впрочем, ему надо было ещё там поместиться. Ибо дворик тот, как тесная комнатуха мебелью, весь был уставлен хибарками, пристройками, и, словно щенята,

они нахально-резво напоздали друг на друга. И сушилось бельё, и готовился обед, и цвели маленькие огородики, и виноградные беседки венчали весь этот тесно и полнокровно живущий уголок мира.

И вот в одно прекрасное утро, в воскресенье, именно в 6 часов утра в пустом дворе появляется Ермония и идёт в общежитие за водой. В коридоре она наливает в ведро воду и одновременно просовывает свою любопытную голову к девушкам в комнату, ибо комната их прямо рядом с краном, а стекло в двери наполовину выбито, так что как раз Ермониная голова туда легко пролезает и весело говорит: «Эй, девушки, спите? — А они почему-то в тот раз уже не спали. — Чего валяетесь! На дворе весна, вставайте». На что Тамара ей резонно возражает: «Куда вставать в такую рань?» — «А ты особенно вставай!» — «Это почему “я особенно”?» — «А потому что тётя Асмик уже огород свой начала копать, работает и мечтает: “Вот бы Тамара мне помогла, она карабахская и лучше нас знает, как нужно зелень посадить”».

Только Ермония это сказала, Тамара сразу села в кровати — гордость её подняла. Ей ведь 18 лет всего, а старая женщина хочет с ней посоветоваться. Именно с ней.

«Ладно, — говорит Тамара, — сейчас приду».

Накинула наскоро на ночную рубашку кофточку и с распущенными, неубранными волосами выбежала во двор. А там старушка Асмик в самом деле в такую рань грядкой занималась. И, между прочим, не просто так занималась, а по просьбе Ермони, то есть состояла в заговоре. «Ари, ари (иди, иди), — говорит она Тамаре, — вот посмотри, здесь я посадила петрушку, здесь укроп...» А Тамара ей в недоумении: «А если уже посадила, нани, так зачем меня звала?!» — «Да просто хочу твоё мнение знать...» И тут Тамара случайно голову вверх подняла и увидела, что ребята их общежития, живущие в соседнем корпусе на 3-м этаже, все по пояс из окон повысовывались и смотрят в её сторону. Она спохватилась, что выскочила во двор не одетой, неприбранной, но тут заметила, что смотрят все вроде вовсе не на неё, а куда-то мимо, за неё. Обернулась и увидела предмет общего иступлённого любопытства. За их забором, по пояс возвышаясь над ним, стоял... Серго Амбарцумян (!) и широко улыбался. Рядом с ним, еле высываясь из-за забора, торчали ещё две головы — как потом выяснилось, его тётка и дядька. Секунду-другую Тамара глядела на него, затем, вспомнив, что она в ночной рубашке, кинулась домой. В то же мгновение Серго ловко перемахнул через забор (восхищённый ропот галёрки) и, в два прыжка догнав её у двери, поймал за руку: «Девушка... куда вы так спешите?» А Тамара, опустив голову, бормочет: «Домой, домой...» — «Но почему?» Тут она вырвала свою руку и, влетев в комнату, захлопнула за собой дверь.

На этом сцена, собственно говоря, завершилась, но потрясённые зрители — партер (двор) и галёрка (3-й этаж общежития) долго не покидали своих мест, находясь под впечатлением...

Придя домой с тёткой и дядькой, Серго коротко сказал им: «На этой девушке я женюсь».

«Ты бы всё-таки сначала узнал, кто она такая... — укоризненно возразил дядька, — может, самая последняя...»

«Даже если она самая последняя, я всё равно возьму её, хотя ты, дядя, просто слеп, если не увидел, какая она...»

«Когда это, интересно, ты успел её разглядеть? Шмыг в дверь, только хвост мелькнул...»

А у Тамары меж тем свой допрос: «Слушай, Том, а может, этот Серго из-за тебя приходил?» — допытывается подруга. На что Тамара резонно возражает: «Ты с ума сошла! Откуда ему меня знать?!»

Долго ли, коротко ли, день прошёл, другой... неделя... месяц. Однажды заходит Ермоня к Тамаре и говорит: «Что это ты всё дома сидишь? Пойдём в кино, что ли, сходим, говорят, в клубе картина хорошая идёт». Тамара согласилась. Взяли они с собой старшего Ермониного сына Арама и пошли. А когда до улицы Агаяна дошли, Ермоня и говорит: «Знаешь, у меня тут тётка живет, давай Арама у неё оставим — чего ему с нами на взрослую картину таскаться?»

Разве могла Тамара что-нибудь заподозрить? Оставить Арамчика у тётки — это же так естественно. А то, что тётка приходится тёткой ещё кому-то, — откуда ей было знать? В общем, повела Ермоня Арама в дом, а Тамара осталась ждать её во дворе. Через несколько минут Ермоня выбегает и говорит: «Слушай, ну зачем нам самим идти за билетами? Лучше мы тёткиного племянника за нами пошлём, а сами посидим пока у неё, и заодно я ребёнка накормлю».

«Ну, я же не дикарка, — рассказывает Тамара Ованесовна, — согласилась зайти, не подозревая, конечно, что всю свою последующую жизнь проведу в этой квартире...»

Итак, зашли. Дома вроде одна тётка. Как только Тамара вошла, она её всю с ног до головы оглядела — каждую складочку и пуговицу и давай спрашивать, кто да откуда? Но не прямо, не в лоб, а так, исподволь. Вроде бы говорит о чём попало — о погоде, о трещине в потолке, допустим, и вдруг раз: «А кто твои родители? Почему в общежитии живёшь? Как попала в Ереван?..» В общем, всю биографию в пять минут выведала. Но этого ей показалось мало. Принесла из другой комнаты какой-то чулок с дыркой и суёт его Тамаре: «Штопать умеешь?» — «Я всё, — говорит Тамара, — умею». Тогда дала ей тётка иголку и нитку: «Ну-ка, поштопай». Тамаре неудобно отказаться, она дырку быстро заделала и озирается в поисках Ермони: куда же она подевалась? Собрались вроде в кино, а тут дырки эти... А Ермоня Арамчика пока что на кухне кормит — в общем, все при деле. У тётки меж тем уже новое испытание готово: «Тамара-джан, вот какое у меня к тебе дело. Понимаешь, собираемся мы в Ордубад ехать, а туда полагается пропуск. А для пропуска анкету нужно заполнить. Можешь ты это сделать на русском языке?» — «Конечно, могу», — простодушно отвечает Тамара, славившаяся на курсе знанием русского языка (всё же четыре года в Москве не прошли даром). Принесла тётка 4 анкеты, Тамара аккуратно их заполнила, и таким образом тётка убила двух зайцев: и анкеты оформила, и Тамару проверила по русскому языку. А Тамара меж тем озирается — когда же Ермоня, наконец, явится и они пойдут в кино? И вдруг слышит, входная дверь хлопнула, раздаются чьи-то тяжёлые шаги, и в комнате появляется... Серго! «О, оказывается, у нас гости!» Тамара опять же ничего не понимает, думает, что Серго — знакомый Ермониного дядьки, что ли... И тут является, наконец, Ермоня и, как ни в чём не бывало, как старому знакомому, говорит Серго, что вот они в кино собрались, послали Армена за билетами, а он всё не возвращается... «Придёт, никуда не денется, — отвечает Серго, — давайте зайдём пока ко мне».

Тамара этому предложению обрадовалась, потому что с приходом Серго стала очень неловко себя чувствовать. А тут, думает, сейчас все они выйдут на улицу, отправятся к Серго, и по дороге она незаметно улизнёт. А он вдруг по-хозяйски открывает дверь в соседнюю комнату и говорит: «Прошу в мои апартаменты». Тут уж Тамара совсем растерялась: «Он здесь живёт?!» А Ермониная тётка?.. Но времени на раздумывание не было — дверь приглашающе растворена, и Серго, выжидающе улыбаясь, глядит на неё...

А в комнате у него так хорошо, уютно... «Тогда ведь мебели ни у кого почти не было, — рассказывает Тамара Ованесовна, — я, во всяком случае, не видела. А у него — как в кино — комфорт, шик по тем временам: старинный буфет, шифоньер, стол, две кровати. Оно и понятно: знаменитость. А на стене его фотография. Я её сразу полюбила, даже прежде, чем его самого...

Сели мы за стол, он так быстро, умело его накрыл, принёс салат, мясо, потом какие-то шикарные конфеты, компот. И всё за мной ухаживает, всё мне в тарелку что-то подкладывает. И так было всю нашу с ним жизнь... То есть готовила, накрывала на стол, конечно, я. А вот как сели за стол — с этого момента он за мной ухаживает — самое вкусное, лучший кусок мне отдаёт... Так продолжалось всю нашу жизнь, даже в его последней больнице... Он так красиво умел ухаживать...

Ну вот, значит, закусили мы, и затем Серго говорит: “А теперь давайте в карты играть”. Я Ермоню дёргаю за рукав и тихо спрашиваю: “А кино?” — “Какое кино, слушай? — смеётся Ермоня. — В другой раз, завтра сходим”. А я думаю: встать и уйти? — скажут: дикая какая — деревенская... Остаться — тоже стыдно. А тут как раз ещё и муж Ермони “случайно” пришёл. Все стали с ним шумно здороваться, а он говорит, хорошо, что и Тамара здесь, будем в подкидного дурака играть — мы с Ермоней против Тамары и Серго. Я и опомниться не успела — как мы уже сидим, играем. На билеты в кино. Кто выиграет — ведёт назавтра проигравших в кино. Мы с Серго выиграли...»

На следующий день, ровно в 7 часов вечера, Серго пришёл в их дворик, и все четверо отправились в кино. Серго сел рядом с Тамарой и, когда потушили свет, попытался было обнять её за плечи, но она мягко отстранила его руку. Больше он таких попыток до конца сеанса не делал. Но с этого дня зачастил в их общежитие.

Тамара очень стеснялась этих его шумных наездов — что скажут преподаватели? Хороша студентка, нечего сказать! Они так верили в неё, а она чуть не каждый вечер гуляет. Но вообще-то Серго нравился ей. Такой красивый, сильный, обходительный... и такой знаменитый. А она кто? Никто... Но всё равно — вот так сразу замуж за него выйти?.. Сколько за неё сватались — и деревенских, и из райкома — женихи, можно сказать, в очереди стояли — всем отказала. Чтобы только учиться. Столько километров проехала, чтобы человеком стать, а теперь всё бросить и идти за Серго?.. Чего это, впрочем, она всполошилась? Он ведь ей даже предложения ещё не делал...

«Тамара! — кричит на весь двор подруга, дозором выставленная на улицу. — Серго едет!» И Тамара бежит прятаться от него за какой-нибудь плетень. «Ну чего ты стесняешься меня?» Он вытаскивает её из укрытия, и потом они вместе с её подругами по общежитию долго пьют чай, и он им анекдоты рассказывает. Эти свидания со всем женским коллективом продолжались довольно долго, пока однажды, выпив чуть не полведра и рассказав все анекдоты, которые знал, он не отважился попросить: «Тамара, может быть, ты проводишь меня немного?» А Тамаре, конечно, опять неловко: как это она одна выйдет с ним в ночь? Она в нерешительности медлит, а девочки её подталкивают: «Ну, чего стоишь? Человек ведь ждёт...» И они уходят. Сначала она его провожает, потом он её. «Куда же ты одна теперь пойдёшь? Я тебя одну не пущу...» Так и провожают друг друга каждый вечер.

Но однажды Серго сказал: «1 мая мы с дядькой и тёткой придём к тебе свататься... Ты не возражаешь?» Она молчит. Как он будет свататься без её родных? Она ведь им ничего о нём так и не написала... Но и «возразить» у неё нету сил...

«Тома (он с первого дня стал звать её Томой), я вижу, ты хорошая, скромная девушка. Я очень хочу, чтобы ты стала моей женой, но может быть, ты не любишь меня? Может быть, тебе, как и всем, просто нравятся мои успехи, то, что я знаменитость? Так учти, это всё временно, это пройдёт, и тогда я буду только чувячником или шофёром...»

И они поженились. То есть Тома просто переехала к нему. Переезд — собственно, перенос двух небольших сумок с одеждой и учебниками — осуществлялся в 11 часов вечера. Привёл Серго Тому к себе домой, помялся неуверенно в дверях и... собрался уйти.

«Ты располагайся на какой хочешь кровати, — читатель помнит, их у него было две, — спи здесь спокойно, никто тебя не потревожит, дядька с тёткой в другой комнате, они не зайдут...»

«А ты?!»

«А я... утром приду и завтрак с собой из «Интуриста» принесу...»

«А почему ты уходишь?!»

«Ну...»

«Оставайся... вон же две кровати у тебя... Не уходи...»

«Так ты не против?..»

«Зачем же против?..»

«Ну, если ты не против, я не уйду».

Уложил он Тамару, бегло обнял, поцеловал и лёг на другую кровать. Так продолжалось двадцать дней. А потом... ещё через девять месяцев родилась у них Сусик. Кстати, поженились они без церкви и без загса: венчаться в церкви тогда уже было, мягко говоря, не принято, а в загс идти — ещё необязательно... 31 год было необязательно. Но в 70-м, когда все дети уже стали взрослыми, им всё-таки пришлось идти расписываться — заставила младшая из детей — Софик. Потому что вдруг вышел закон, гласящий: если родители не расписаны, ребёнок может носить только фамилию матери. Таким образом, все дети их, родившиеся до указа, были Амбарцумянами, и лишь Софик оказалась Ованесян. Пока она была маленькой, это её не беспокоило. Но в 70-м, когда настало время получать паспорт, она вдруг, неожиданно для всех, разрыдалась: вся семья, все-все они Амбарцумяны: и Сусик, и Рузанна, и Мгер, и папа с мамой (маму ведь тоже, с тех пор как она вышла замуж, никто не звал Ованесян). И лишь одна она... словно чужая!.. В общем, Софик заставила родителей — отцу было тогда уже 60 лет, маме — 50 — идти расписываться. Но было бы странно, не правда ли, если бы в таком ключевом моменте жизни, как женитьба, у Серго — человека-легенды, всё было бы «как у людей»?

Они поженились, но судьба не сулила им безмятежной любви. Зловещая тень Берии вновь нависла над Серго внезапно, то есть как раз тогда, когда, разнеженный счастьем, он менее всего ожидал этого...

...Прошло лишь несколько месяцев с тех пор, как они с Томой стали мужем и женой, стояла глубокая, но ещё теплая осень 1939 года. Начало ноября. Поздний вечер. Тома и Серго сидят в своей уютной гостиной и пьют чай. Вдруг слышат, к их парадному подъехала машина. Кто бы это мог быть. К кому? Впрочем, в их дворе подъезжали в основном к Серго да ещё к живущему над ними министру культуры. У Серго вдруг возник какой-то холодок в груди — кто это может быть так поздно? Уже двенадцатый час... И в следующую секунду раздался громкий стук в дверь. В их дверь. Стараясь держаться как можно уверенней, Серго неторопливо встал из-за стола (главное — не напутать Тому), неловко задел рукой блюдце, и оно раздражающе звякнуло в напряжённой, кричащей тишине, предательски выдавая его замешательство, открыл дверь — на пороге двое незнакомых парней. Не ведавший вроде светской куртуазии, Серго вдруг чопорно спросил: «Чему обязан?» А они без всяких объяснений: «Быстро собирайся, едем в Тбилиси». — «Да в чём, собственно, дело?» — сказал Серго, и из-за его спины выглядывала встревоженная Тома. «По заданию Берии мы должны отвезти тебя в Тбилиси». — «Но зачем?!» — «Лаврентий Павлович хочет, чтобы ты принял там вместе с ним ноябрьский парад». Серго лихорадочно думал: ехать, не ехать? И как же оставить Тому ночью одну?.. Ведь она ещё никогда здесь одна не оставалась... А дядька с тёткой, как назло, уехали в Баку... Но разве он может не ехать? Ханджяна нет... Сталин далеко... А эти двое стоят в их передней как истуканы... Точно угадав его мысли, они вдруг стали пятиться к выходу, говоря, что подождут во дворе, а он чтобы побыстрее собирался. Они вышли, и он сказал Томе: «Не

ехать не могу, но ты не волнуйся. Съезжу, приму парад и вернусь». — «А как же я останусь одна?» — сказала Тома, уже привыкшая к постоянным и нежным заботам о ней, но ещё не ставшая той мужественной и долготерпеливой подругой Триумфатора, какой ей будет суждено стать впоследствии. «Ничего, ночь проспай, а завтра Аню к себе позовёшь. Я же постараюсь вернуться как можно быстрее». И уехал с теми двоими. И всю дорогу перед его глазами стояла его Тома — как она там без него?

Приехали в Тбилиси уже ночью, но в одной из лучших гостиниц города был забронирован для него номер-люкс. Кое-как доспав ночь, он ещё до завтрака попытался дозвониться Томе, но безуспешно и тогда попросил телефонистку связаться с ней и узнать, как у неё там дела. «Как у вас там дела?» — спросил Тому рано утром незнакомый женский голос по телефону. «А что такое? Кто вы?» — насторожилась Тамара. «Мы звоним по поручению вашего мужа из Тбилиси, он хочет знать, как у вас дела, а сам дозвониться не смог». Тогда обрадованная Тома (он думает, беспокоится о ней!) сказала, что у неё всё в порядке, Аня, сестра его, с ней, так что пусть он там не беспокоится и возвращается побыстрее.

Между тем утром за Серго приехали несколько незнакомых человек (не те, что приезжали за ним в Ереван) и повезли его в какой-то шикарный ресторан завтракать. В ресторане было шумно, дымно, люди балагурили и смеялись — готовились к предстоящему празднику. А к вечеру Берия вызвал его к себе и сказал: «Рад, что ты уже здесь, хочу, чтобы ты украсил нашу трибуну. Будем вместе парад принимать». Что мог Серго тут ответить? И они принимали вместе — бок о бок — парад, и есть фото, запечатлевшее это роковое соседство... А после парада Берия вновь вызвал его к себе и снова стал уговаривать переехать в Тбилиси. Он говорил о том, что видит Тбилиси столицей Закавказья, о прекрасных условиях, которые ему, Серго, тут создадут — как для жизни, так и для тренировок, о том, что по всему побережью Чёрного моря — в каждом курорте! — ему построят дачи, а что шикарную квартиру, полностью обставленную, с коврами, посудой и роялем (на рояль он почему-то особенно нажимал) он, Берия, уже приготовил для него на улице Михайловской, в доме номер восемь. Потом Серго даже свозили в эту «его» квартиру, так сказать, принять её, но новые хоромы не соблазнили его, хотя он длинно и по-кавказски красочно их расхвалил и поблагодарил за заботу. Однако сказать Берии прямо «нет» не решился, но и согласиться, естественно, не мог, не мог представить себе, как это он, армянин, будет жить вне Армении и выступать за другую республику. К тому же Армения так много сделала для него... Наконец, память Ханджяна... Он ответил: «Я подумаю». И затем добавил: «Я ведь хочу вообще-то спорт бросать...» И это было чистой правдой. Умолчал Серго лишь о том, что из спорта его не отпустили... «Подумай, дарагой», — многозначительно сказал Берия.

Серго ехал на вокзал (обратно его отправили поездом), и настроение у него было прегнетущее («подумай, дарагой»). Но при этом он должен был заботиться о том, чтобы оно не отразилось на его лице, чтобы сохранить маску «счастливого советского героя» — порученцы Берии всю дорогу до вокзала внимательно и ясно глядели на него, а Ханджяна уже не было...

Когда он, наконец, сел в поезд и провожатые простились с ним, в его купе вдруг быстро вошёл ещё один «агент» и со словами: «Это вам подарок от Лаврентия Павловича», — вручил ему увесистую пачку денег. Серго слегка отшатнулся, отступил к окну, точно ему совали в руку гадюку, — ему так не хотелось брать эти деньги, да как не возьмёшь?

«Я помню эту толстенную пачку денег, — рассказывает Тамара Ованесовна. — Серго всё хотел от неё как-нибудь избавиться, но выкинуть не решался, то в одно место заткнёт, то в другое... Потом я как-то забыла о ней, не знаю, куда она делась. Помню только, что

Серго в то время очень нервничал, ждал, что за ним снова придут от Берии...» Но с тех пор Берия больше не вставал на его пути, может быть, отвлекли другие, уже московские дела, потом война... А возможно, увлечение штангой перекрыли футбольные страсти? Берия ведь был большим поклонником футбола и, переехав в Москву, «взялся» за московское «Динамо», точнее, за выдающегося футбольного тренера, работавшего тогда с этим клубом, — Бориса Андреевича Аркадьева (мне об этом рассказывал сам Борис Андреевич). Перед каждой ответственной игрой Берия присылал к Аркадьеву посыльного с запиской, где указывал, какой именно состав игроков московского «Динамо» ему угоден на предстоящей встрече. Аркадьев же, человек в высшей степени интеллигентный и внешне мягкий, повертев задумчиво послание в руках, вписывал в него свой вариант состава и поступал по-своему. Кончилось это тем, что, спасаясь от высочайшего давления, Аркадьев покинул опекаемую Берией команду и ушёл под защиту армии — в ЦДКА. Но Берия и там достал его — чуть не каждый день, а в день ответственных с «Динамо» игр уж непременно, посылая ему повестки с требованием освободить квартиру, предоставленную ему обществом «Динамо». До тех пор пока Аркадьева не защитил ЦДКА и не дал ему другую квартиру. Такие вот спортивные игры...

Что же до Серго, то полностью он освободился от ощущения нависшей над ним тени Берии лишь когда того не стало...

Глава 7

Июнь сорок первого. Ереван. На стадионе «Динамо» спортсмены Армении готовятся к очередному всесоюзному параду физкультурников. Серго Амбарцумян, бывший тогда, как писали газеты, в «зверской форме», сразу после парада собирался лететь на какие-то соревнования в Англию. А тут война... Записываться на фронт они с товарищами пошли прямо с репетиции парада. Стали получать военную форму, а на Серго не могут подобрать — нет на такой рост! Хорошо ещё, что у него был коверкотовый костюм защитного цвета (динамовская форма); ничего, немного походил на военную форму. Во всяком случае, пока на него заказывали настоящую, он эту надел...

Он очень трудно расставался с семьёй, а в семье у него уже четверо: Тома, он, семимесячная Сусик, да ещё они взяли на воспитание племянницу Серго — восьмилетнюю Маро, оставшуюся сиротой. Серго очень волновался, что оставляет их без денег; заложил свои именные золотые часы с бриллиантами, подаренные ему в Кремле Сталиным (кстати, когда, вернувшись с фронта, он захотел эти часы выкупить, тот, кто их взял, сказал, что их у него уже давно нет, потому что, сильно нуждаясь в войну, он вынужден был их продать...). На вырученные за часы деньги Серго купил для семьи несколько мешков пшеницы — на тот случай, если совсем уже нечего будет есть, если не будет даже хлеба. Но до такого не дошло, и мешки так и пролежали всю войну за шифоньером. А когда Серго вернулся, их отвезли его сестре Соне в деревню... Но какая же это была трагедия, когда он уезжал! Такой большой, сильный, а плакал как ребёнок: «На кого я вас оставляю!» И дядьке: «Берегите мою Тому». А дядька только удивляется: «Что же её беречь? Что с ней случится? Ты на войну уходишь — не она. Себя береги, а мы уж тут как-нибудь...»

И уже перед самым уходом Серго сказал Томе: «Жди меня. А если война кончится, и я не приду, ты меня потом ещё два года жди, а уж если и тогда не вернусь — можешь выходить замуж». Томины возражения и слушать не хочет: «Ты молодая, жить должна». Так вот прощались, не зная, встретятся ли. И трамвай, остановившийся прежде по

первому его требованию в любом месте и так весело, беспечно тренькавший, теперь, увозя его с вещмешком, звенел как-то мрачно и назойливо.

А ровно через месяц он... вернулся.

Попал Серго в Таманскую дивизию и ехал уже с этой дивизией прямо на фронт. Но когда подъезжали к Моздоку, его вдруг увидел командующий дивизией Закиян. Увидел и страшно удивился: «Как тебя послали на фронт?!» И тотчас распорядился, чтобы с автобатальоном Серго отправили обратно... На следующий день Таманскую дивизию разбомбили под Моздоком, и очень многие погибли... И Закиян. Его привезли в Ереван и в зале Ереванской филармонии, где ещё совсем недавно выступал Серго, с ним прощались...

Серго очень переживал гибель Закияна. Так, будто Закиян вместо него погиб и поэтому он, Серго, остался жив... А потом Серго отправили в Закавказский военный округ, в Тбилиси, где он и прослужил до конца войны. Иногда приезжал в Ереван, семью навестить; приедет, буквально посмотрит на Тому и детей и — тут же назад...

В те годы Серго Амбарцумян был так далёк от штанги, как только может быть далёк от неё человек, отправившийся на войну. Но слава его жила и кружилась сама по себе, достигая подчас ему неведомых координат. В один из бесконечных военных дней в далёком от Еревана сибирском городе Ленинске-Кузнецке на улице поссорились два мальчика лет семи, находившиеся там в эвакуации. И третий их приятель, ставший свидетелем ссоры, вспоминает: «Один из них крикнул: “Вот у нас есть силач — Куценко, он тебе покажет!” А в ответ получил: “А у нас Амбарцумян! Он сильнее...”» Так Юрий Власов впервые, задолго до своего погружения в тяжёлую атлетику, услышал имена своих знаменитых предшественников. Если бы свидетелем ссоры оказался какой-нибудь другой мальчик, не Юрий Власов, эпизод был бы значительно менее весом. Но сведённые по прихоти судьбы три славных тяжелоатлетических имени делают его почти мистически значимым и искушают меня углубиться в думу о таинственной связи времён, о содружестве поколений.

Когда Власов стал штангистом, он и Амбарцумян постоянно виделись на чемпионатах страны и на международных соревнованиях. «Наши отношения были неоднозначны, — вспоминает Власов. — С одной стороны, мы общались как младший и старший, и в то же время — как два равных могучих человека. Мы испытывали взаимное уважение к силе друг друга. И хотя в то время, когда я знал его, он был уже не молод, всё равно производил очень мощное впечатление: осанка, манеры — всё было весомо — величественно-патриаршее. И в людской молве он стоял над всеми тяжелоатлетами своего времени».

А познакомил их тренер Власова, Сурен Петросович Богдасаров, много лет выступавший вместе с Амбарцумяном на соревнованиях и почитавший его как великого атлета и друга.

Я, конечно, встретила с Богдасаровым. И он очень обрадовался мне, точнее, тому, что «наконец-то вспомнили об Амбарцумяне».

«О, это великий атлет был! Только, к сожалению, не использовал всех своих возможностей — не любил тренироваться. Ленивый был. Большой и ленивый. Я даже не представляю, каких бы он мог достичь высот, если б тренировался столько, сколько, скажем, Куценко. Ну а после, конечно, война помешала...»

«Я лично штангу не трогал пять лет, — вспоминал Амбарцумян на одном из своих юбилеев, — была война...»

А «тронул» вновь в незабываемом для наших штангистов — 1946 году, когда они вошли наконец-то в международную федерацию тяжёлой атлетики и получили право на участие в официальных международных турнирах и, главное, в чемпионатах мира.

С этого момента отпадала саркастическая аранжировка западной прессы, неизменно сопровождавшая прежде все «кулуарные» рекорды советских штангистов: «Очередная пропаганда Кремля! Советские килограммы не соответствуют международному стандарту!»

Теперь открывалась возможность воочию сразиться с западными тузами. Только вот Серго уже 35 лет... Да и Спарре после войны уже не было в Ереване. Так что на спаде своей головокружительной карьеры и в преддверии участия — впервые! — в чемпионате мира Серго остался без тренера.

Конечно, любой тренер был бы рад и горд тренировать Амбарцумяна, но он как-то не может ни на ком остановить свой выбор и, в конце концов, решает тренироваться у... Тома. Как это — у Тома? — удивится читатель, ведь она не имеет никакого отношения к штанге!.. Да, но она имеет отношение к Серго... Он научил её, как следует тренировать его, подробно и кропотливо разъясняя, в чём заключаются обязанности тренера. И она легко восприняла этот «курс», ибо вообще была восприимчива к учению, тем более для неё привлекательному, что она давно уже жила интересами Серго. Как только они поженились, она стала ходить на все его турниры, знала всех его соперников, все подробности и нюансы «железной игры». А теперь стала ходить ещё и на все тренировки.

В сущности, странноватое для женщины занятие — тренировать штангиста. Но раз Серго хочет...

В чем же заключались её обязанности? В основном Тома работала с ним во время тренировки жима. Её задача заключалась в том, чтобы зафиксировать положение, когда штанга у него уже на груди и надо начать поднимать её. Потому что сам он этот момент не чувствовал, и ему нужен был сигнал со стороны — её хлопок — о том, что пора поднимать. Кроме того, надо было смотреть за тем, чтобы он не поднимал штангу за счёт спины — так не полагалось, а только за счёт рук. За этим, кстати, довольно трудно было уследить, и на соревнованиях многие этим пользовались: пытались поднять штангу «спиной» в надежде, что это пройдет незамеченным. Поэтому, в конце концов, этот вид тяжёлой атлетики — жим — был снят с программы...

Тома тренировала его целый сезон... «Бедный! Как вспомню, сколько он тяжестей перетаскал!.. И я тоже к этому была причастна...» Кстати, её обязанности по его подготовке не ограничивались ролью тренера — за ней же осталась и вакансия банщика. Дело в том, что в зале, где они тренировались, не было душа, и Томе приходилось сооружать ему ванну дома. То есть сама-то ванна у них была — огромная, чугунная, а вот воды не было. Так что сначала ей надо было натаскать ведер 30, чтобы Серго мог помыться после тренировки, и затем всю эту воду вынести... И, между прочим, ей ещё приходилось отрываться от семейных дел — столько работы по дому, с детьми! К этому времени у них уже трое своих и племянница Серго, Маро, — всего четверо... Но Серго уже не мог тренироваться без неё...

Тома так подготовила Серго, что, несмотря на пятилетний перерыв в тренировках, он всё же сумел пробиться в Париж на тот первый в истории советской тяжёлой атлетики чемпионат мира. Правда, занял там лишь 5-е место. Но учитывая этот гигантский перерыв и его возраст для спорта (в особенности для штанги) — несомненно, преклонный, — это пятое место тоже можно посчитать достижением выдающимся. Впрочем, было ему суждено блеснуть ещё и настоящим рекордом.

После окончания парижского чемпионата по инициативе американцев, выигравших на чемпионате командный турнир, был устроен так называемый вечер рекордов. И посол СССР во Франции обратился к нашим штангистам с вопросом: «Кто из вас сможет установить мировой рекорд?» Григорий Новак заявил, что готов пойти на два рекорда, то

же обещал и Куценко, а Амбарцумян сидит и думает: «Что же я-то молчу?» И тут же говорит: «Запишите и меня, я сделаю один рекорд».

«К моему счастью, вечер рекордов открывал я, — вспоминал Серго Искандарович на своём последнем, семидесятилетнем юбилее. — Мне оказали эту честь, так как одной рукой работал только я один. Я установил официальный мировой рекорд в рывке левой рукой — 95 килограммов — и стал на этом вечере первым советским штангистом, который заставил подняться 25 тысяч зрителей и слушать Гимн Советского Союза. Я был счастлив».

Этот рекорд Серго Амбарцумяна так и не был побит, ибо в его время ему не было равных в этом виде состязаний, ну а позже вид этот был, как уже говорилось, с программы снят...

Вот и выходит, что при таких феноменальных данных, коими обладал Серго Амбарцумян, и при «феноменальной» поддержке «вождя всех народов», он лишь однажды — официально — вторгся в шеренгу первых силачей мира, да и то — лишь пятым, ибо по иронии своей судьбы (нашего спорта и жизни всей) попал на чемпионат мира лишь тогда, когда триумф его был давно уже позади — на «пути вниз». В рекорде же его в жиме «одной левой», по определению писателя Л. Аннинского, волею случая вникшего в его судьбу, «что-то цирковое действительно есть, сродни скорее выносу на арену двух футбольных команд, чем тому профессиональному спорту, который мы имеем сегодня». И всё же, и всё же... Серго Амбарцумян всерьёз — беззаветно и преданно — потрудился во славу Родины, достиг именно того, чего она от него ждала, и именно в тот исторический момент, когда это требовалось.

А что же Мангер — заочный «неприятель», соперник нашего героя? Как сложилась его судьба? (Как он взошёл, куда потом делся?) «Нацистские легенды, — снова подсказка Аннинского, — дали бы неплохую параллель советским, а если бы это были не легенды, а точные факты из немецких спортивных источников, то и это бы только украсило повесть». Увы — ирония уже моей судьбы, — этих фактов я пока не нашла, но не теряю надежды...

Глава 8

Трофейный легковой автомобиль «Опель-6» («Опель-Супер»), шикарная машина с четырёхжды счастливым номером: 7777 (его Серго выбрал сам) — это целая история в жизни Серго, как и все его «истории», несущая отпечаток легендарности.

Именно на этой машине, как это ни парадоксально, он покатит бесповоротно «вниз», хотя поначалу — стоило только сесть в сверкающее, сказочное авто! — ему покажется, что он снова на взлёте...

Когда началась война, старый его автомобиль, подаренный Сталиным, был, как и сам Серго, мобилизован на фронт, но с фронта не вернулся. Поэтому после чемпионата мира в Париже Серго обратился к Микояну с просьбой разыскать его «эмочку». Но Микоян сказал, что найти её будет теперь сложно, однако взамен старой машины ему дадут новую, трофейную. То есть, может быть, она будет и не совсем новая, однако «как новая» и уж, безусловно, лучше старой.

И вот, получив соответствующее извещение, Серго приезжает в Москву, в парк Сокольники, где собрано огромное количество трофейных автомобилей всевозможных марок, среди которых ему предоставляется выбрать любой понравившийся автомобиль. А у него глаза разбежались — он же никогда не видел столько машин сразу, да ещё таких машин — в Советском Союзе тогда большого выбора машин не было. Но его не соблазнял их внешний вид, он хотел автомобиль мощный, прочный, чтобы долго и верно служил

ему. Как, однако, найти такой среди этого огромного лежбища? Ибо хотя он и был когда-то шофёром, но в этих машинах не разбирался. И тут он увидел, что по парку ходит и тоже выбирает себе машину какой-то генерал, не один, а с кем-то, кто, по-видимому, разбирается в них. «Эксперт» неторопливо открывал то одну, то другую машину и при этом что-то объяснял генералу. Пожалев, что тоже не взял с собой какого-нибудь эксперта, Серго решил держаться к ним поближе, чтобы как-то сориентироваться. Он увидел, что они наконец-то выбрали — шикарную, блестящую чёрную машину, сели в неё и отъехали к воротам парка. Поскольку Серго так и не смог ни на чём остановиться, он тоже двинулся к выходу, решив прийти в другой раз с кем-нибудь из специалистов. Но подойдя к воротам, увидел совершенно расстроенного генерала, который поделился с ним своей, как он выразился, «закавыкой»: он не может забрать так тщательно отобранную машину, поскольку выяснилось, у него не хватает какой-то необходимой для этого бумажки. Генерал ушёл, а Серго, у которого с документами, к счастью, было всё в порядке, решил взять машину генерала — автомобиль марки «Опель-Супер». Тут же он всё оформил, сел за руль и, испытав ни с чем не сравнимое наслаждение водителя — как стремительно, как мягко неслась эта заграничная машина! — поехал в гостиницу «Москва», где всегда останавливался по прибытии в столицу.

Но получение этой машины — лишь половина истории. Переправка в Ереван — её вторая и гораздо более «аховая» часть.

Стояла суровая послевоенная зима 47-го. Железные дороги были, мягко говоря, не в идеальном состоянии. Поэтому с отправкой «опеля», естественно, возникли трудности. Опять же при содействии Микояна Серго удалось договориться, чтобы ему предоставили открытую платформу (о закрытой и речи быть не могло). Но отправить машину без себя не решился, полагая — и не зря, — что без него она до Еревана не дойдёт, поехал вместе с ней на открытой платформе до Еревана. Напомню, была суровая зима.

На станции ему посоветовали поставить машину на платформу и построить над ней нечто вроде избушки из деревянных досок — укрытие, путь-то неблизкий. С помощью железнодорожных рабочих Серго так и сделал, затем взял запас продуктов, забрался в избушку, сел в свой шикарный «опель», платформу прицепили к товарному поезду, и, довольный, что он наконец-то едет домой, Серго тронулся в путь.

И тут начались его муки: мороз, одиночество, бесконечные препирательства с железнодорожными чинами, казалось, только тем и занятыми, чтобы отцепить его платформу от товарняка, наконец, голод. Он ведь рассчитывал ехать — самое большее — 10–12 дней, а вышло 30! Естественно, припасённые продукты скоро кончились, достать же новые (карточная система) было негде. Что касается денег, то их тоже очень скоро не стало, так как едва ли не через каждый километр надо было платить, чтобы платформу не отцепили. А если всё же отцепляли, то затем, чтобы прицепили вновь. Он сильно оброс — бриться, мыться негде, от машины на станциях не решался отойти ни на шаг — так что с этой новой смоляной бородой и усами стал похож на кого-то совсем другого: может быть, на ассирийца или на древнего восточного царя. Под конец это был уже совершенно голодный и замёрзший царь, который больше всего на свете теперь боялся крепко заснуть, ибо слышал, что когда человек замерзает, его посещает сладкий, неодолимый сон... Он скручивал длинные, с палец, папиросы и целыми днями курил, курил... И в дыму этого нескончаемого курения старался думать о чём-нибудь приятном, о родном селе, где он давно уже не был... У них в Бисте — все красивые, белокожие и все поют. Он тоже очень любит петь. Он тихонько тянет старинную армянскую колыбельную, которую ему пела мать. Строгая была женщина, все её в Бисте боялись, а как запоёт — сама кротость, и глаза грустные-грустные... От родных деревенских запахов у него вдруг закружилась голова: пахнет дымом, хлебом, жареным мясом с овощами... Козы, бараны, коровы —

му-у, ме-э-э, бе-э-э — утром стадо уходит, вечером возвращается, и каждая скотинка свой двор, свою конуру знает — это его всегда почему-то умиляло... А дворики там маленькие и — никаких заборов, вместо заборов — неровности почвы: один двор на горке, другой — в выемке... А электричества там до сих пор нет, свет получают от керосинки или от костра... Иногда кино привозят... И магазин есть... водку из туты там все сами делают, но пьяных не бывает...

А какие там сады, какие фрукты! Дядька рассказывал, что когда Тома в этом году туда с Мгером поехала, у ребёнка от фруктов живот раздулся, как пузырь. А сама Тома там своим путешествием прославилась на всё село...

Отправилась она, значит, в Бист с родственниками — с его домом, с родиной его познакомиться. И Мгера прихватила с собой. До Нахичевани добралась обычным способом, а дальше предстоял отрезок пути, по которому можно было добраться до села только на лошади, а затем пешком. Ну, верхом — это для Тома пустяки, она ведь с детства сидела в седле (под руководством отца, слывшего известным наездником). И даже участвовала в соревнованиях. Наняли, значит, они у колхозников лошадей на ночь (днём лошади были заняты на колхозных работах), посадила Тома маленького Мгера перед собой в седло, и поехали. Через какое-то время подъезжают к месту, где надо спешиться, так как дорога там круто берёт вверх и на лошади не удержаться. Сопровождающий кавалькаду говорит, что пора с лошадей слезать. Все слезают, а Тома вдруг говорит: «Я не сойду, поеду и дальше так». «Да здесь на лошади никто и никогда не ездит, вы упадёте!» — объясняет проводник, но Тома стоит на своём. Ночь! Темно, страшно, а на лошади ей кажется всё-таки надёжней. Она только спросила проводника: «А лошадь не может упасть?» — «Лошадь-то не упадёт, а вот ты упадёшь». — «Если лошадь не упадёт, то и я удержусь». И поехала. Когда дорога круто взвилась вверх, Тома совсем на хвост лошади сползла, а ведь ещё и Мгера надо держать... А вокруг темнотища — ни души, потому что остальные понемногу отстали — во-первых, пешие, да к тому же им ещё надо было тянуть нагруженных ослов.

«Я очень боялась потеряться одна, но проводник сказал, что если не свалюсь — не потеряюсь, так как лошадь дорогу знает. Ох, и страшна же была та дорога! На каждом шагу дикие звери мерещатся. Я ведь знала, что там и волки, и медведи бывают. Внезапно возникшая на фоне неба дикая груша выглядит точно как медведь! Я кричу: ой, мама! Но ни остановиться, ни свернуть не могу, потому что мы идём крутой горной тропой — прямо над пропастью! Ещё от отца я слышала, что животные всегда идут по краю пропасти, даже если есть ещё место. Но они никогда не упадут. Вот и наша тропа была довольно широкая, лошадь же, тем не менее, шла по самому её краю. А мне всё чудятся волки, медведи и неизвестно ещё кто. А как подъезжаем к “зверю”, так оказывается, что это или раскидистое дерево с четырьмя “лапами”, или куст. Поднялись мы на самый верх горы, а там уже солнышко светит, и кавалькаду с ослами даже не слышно — отстали где-то внизу. А Мгер всё спит — что ему? Потом тропа преломилась и пошла круто вниз, и с хвоста лошади мы с Мгером переехали на её шею. А лошадь смирная такая, задумчивая, идёт себе куда ей одной ведомо. А дорога та, между прочим, длиною в несколько километров. Долго ли, скоро ли, завезла нас лошадка в какой-то двор — уже вовсю сияет утро, все страхи позади, и мы с Мгером наконец-то сидим на лошади нормально.

Въезжаем во двор, а из дома какая-то старуха выскакивает (как потом выяснилось, тётка Серго): “Вай, это кто такая ко мне приехала?!” Я говорю, что я — Серго Амбарцумяна жена. “Нашего Саркиса?! А где он сам?” Я отвечаю, что его со мной нет, что он меня прислал с его родными познакомиться. “А как же ты добралась, одна с ребёнком — прямо сверху? На лошади?!” Я говорю: “Да”. — “Не может быть! Одна, ночью, — на лошади?!” Собрались тут, конечно, соседи, оглядывают меня, меж собой

переговариваются и тоже не верят. А спустя какое-то время подошли мои спутники и подтвердили, что крутой горный перевал я преодолела одна и верхом — оттого-то всех их и обогнала так сильно. Ведь к их приходу я уже успела и отдохнуть и чаю попить. Вот только стоять не могла — ноги мои всё ещё как бы за бока лошади держались...»

Весь следующий день к тётке приходили люди, чтобы поглядеть на жену Саркиса Амбарцумяна (для них-то он остался Саркисом), которая ночью, одна с дитём малым, верхом до их села добралась. И проводник на этих смотринах играл не последнюю скрипку, ибо всем, с недоверием заходившим во двор, азартно свидетельствовал: «Сколько я ни умолял: “Сойди, упадёшь!” — она ни в какую...»

Сидя в своей избушке, в дыму нескончаемой самокрутки, Серго удовлетворённо улыбнулся: его Тома... Эта «верховая» история напомнила ему, как однажды он, уже будучи взрослым, поехал в родное село, и ему дали прекрасную белую лошадь председателя колхоза. Но как только он на неё сел, все вокруг закричали: «Слезай! Слезай скорей!» Оказывается, спина бедной лошади так под ним прогнулась, что люди испугались, что он сломает ей позвоночник. И он слез. И ему привели огромного ширококостного водовоза — под стать ему. Водовоз смахивал на большую, добродушную собаку, и на морде у него — знак судьбы? — красовалось большое подковообразное белое пятно... Точь-в-точь как у того осла... И мысли Серго поехали в сторону истории с ослом. Кажется, именно после неё он впервые почувствовал себя настоящим богатырём, «властелином силы», как написал о нём недавно один московский корреспондент, а вовсе не после истории с валуном. Нет, положим, и валун кой-чего стоил, но тогда до Серго как бы ещё не дошёл смысл его предназначения, он просто покуражился, порезвился в тот раз, и всё. Теперь же словно кто-то свыше ниспослал ему откровение: ты будешь великим силачом, ты будешь первым.

...Бистовские старики любили вечерами сидеть у сельской кузницы и чинно беседовать обо всём. С ними обычно сживал и отец Саркиса Искандар, а иногда приходил и юный Саркис, послушать их отшлифованные временем и солнцем патмвацкнерь — истории, вкусить стариковской мудрости. И вот в один из таких вечеров, как раз когда Саркис был со стариками, прибыл к тому месту крестьянин из соседнего села, ведя с собой осла, гружённого огромными корзинами с виноградом, — торговать. Посмотрел Саркис на крестьянина, на его осла с товаром, на кузницу мельком взглянул, да и говорит пришельцу: «Что ты мне дашь, если я подниму твоего осла со всем хозяйством и поставлю его на крышу этой кузницы?» — «Весь виноград будет твой!» — рассмеялся крестьянин, оценив шутку рослого парня, хотя Саркис тогда ещё не дорос до своего предела — ему было около восемнадцати, но всё равно уже возвышался среди людей. Крестьянин ещё смеялся, а Саркис подошёл к ослу, подлез под него, передние его ноги взял в одну руку, задние — в другую, затем выпрямился и... поставил осла со всеми его корзинами на крышу кузницы. На секунду на улице воцарилась тишина, а затем под общий хохот раздался вопль: «Осла, осла спаси! Ради бога, верни моего осла!» Осёл меж тем спокойно стоял на крыше и не издавал ни звука, точно стоять на крыше было для него делом самым обычным, и его подковообразная отметина тускло и многозначительно посверкивала в наступавших сумерках. Крестьянин же продолжал надсадно вопить, и Саркису стало его жаль. Он аккуратно спустил осла на землю тем же способом, что и поднял, — ухватив за ноги. И тогда крестьянин сказал: «Весь виноград твой». Но Саркис не стал брать весь выигрыш, взял лишь совсем немного и угостил стариков, подсластив им и без того удавшийся «номер». Молва о вознесённом на крышу осле быстро облетела окрестные сёла, а затем стала колесить по всему району, и Искандар очень гордился «необъятной» славой сына. Но это было только начало...

...Едет, едет Серго, обросший, голодный, замёрзший — мороз выстудил всю нехитрую его постройку, а машина — ящик ледяной. Он теперь обогревается лишь воспоминаниями да предвкушением своего появления под окнами родного дома на «опеле»... Наконец, доехал до пригорода Баку, до узловой станции Баладжары, где простоял двое суток. К этому времени у него уже совсем не было продуктов. И, не рискуя отлучаться от машины, он попросил проводника съездить к его старшей сестре в Баку, где она теперь жила, и передать ей, что он, Серго, ждёт её здесь на станции. Проводник с тем большей охотой согласился, что оказался горячим поклонником Серго. К тому же Серго заверил его, что сестра непременно вознаградит его и продуктами, и деньгами.

Между тем вся бакинская родня уже пребывала в беспокойстве, уже все знали, что из Москвы Серго выехал (о том, что выезжает, он дал знать Томе), но в назначенный срок в Ереван не прибыл, и больше никаких известий от него не поступало. Поэтому когда к ним явился проводник от Серго, все страшно обрадовались, и гонец с хорошей вестью был весьма обласкан и вознаграждён. Затем с ним для Серго отправили немного еды. А чуть позже, нагруженная огромными корзинами со снедью и вином, вся семья отправилась к Серго на станцию. Найдя его жутко исхудавшим, обросшим и почти одичавшим, они попытались его уговорить сходить к ним домой — отогреться, отоспаться, отмыться, но он не согласился, так как уже по опыту знал, что в любую минуту платформу могут отцепить, или же кому-нибудь придёт в голову залезть в избушку, «поиграть» с машиной, или ещё что-нибудь... Они предлагали посидеть в машине вместо него, а он чтобы пока поспал у них, но он твердил только «нет и нет».

Спустя 6 суток, вконец измученный, он добрался наконец до Еревана, но... не пошёл сразу домой, так как хотел сделать Томе сюрприз — подкатить к окнам родного дома на новеньком «опеле». А поскольку в Ереван он прибыл около 11 часов вечера, и к этому времени уже вся вокзальная рабочая сила разбрелась, то помочь ему выволить автомобиль из избушки, то есть разобрать её, было некому. Вот и решил Серго... переночевать на вокзале, с тем чтобы утром заняться избушкой и подъехать наконец-то с шиком к дому и особым — опелевским — сигналом вызвать Тому во двор. То-то она ему обрадуется! Соскучилась, наверное... Всё же он не удержался и решил позвонить ей — хоть голос услышать... Однако, не желая до времени себя обнаруживать — ведь тогда не выйдет сюрприза, обмотал телефонную трубку носовым платком и, стараясь подделывать свой голос под женский, сказал: «Здравствуй, Тамара-джан, как поживаешь?» А Тамара никак не может разобрать, кто это ей звонит, как будто кто-то издалека. «Кто это? Ашхен, ты-и?» И Серго, не знавший, за кого себя выдать, обрадовался, что ему подсказали имя, и с готовностью отвечает: «Ну да, я, Ашхен... А от Серго что-нибудь есть?» — «Ничего! — сокрушается Тамара. — Как выехал из Москвы, так и пропал, никакой весточки от него... Уже месяц...»

«Эта “Ашхен” мне в тот вечер потом ещё три раза звонила, — вспоминает Тамара Ованесовна. — Я уж “ей” говорю: “Слушай, Ашхен, тебе что, совсем делать нечего?..”»

И вот утром купает Тамара Мгера и вдруг слышит незнакомый автомобильный сигнал. А тогда машин в городе было мало, и на их улице прежде только машина Серго стояла да ещё министра культуры. Но его сигнал она знала, этот был какой-то другой. Выглянула она в окно — видит, стоит незнакомая машина, а за рулём какой-то обросший человек, показавшийся ей похожим на негра. Посмотрела на него и снова Мгера пошла купать. А тот внизу всё сигналил и сигналил. Снова она подошла к окну — чего, мол, так разошёлся, а «негр» тоже высунулся из машины и нахально машет ей рукой, мол, сюда иди. Тогда Тамара подумала, что, может быть, он всё же к ним приехал — с делом каким? или от Серго?! Но какой-то странный всё же — нет бы в двери позвонить, как все нормальные люди... Сказала Тамара Маро, чтобы та докупала Мгера, и спустилась вниз, подошла к

машине, смотрит выжидающе на этого бородача, а он тоже уставился на неё в упор и молчит, будто ждёт чего-то. И Тамара ждёт — такой немой диалог. И вдруг, встретившись с его глазами, она обомлела, увидела, что это глаза Серго. «Серго!» — сказала она. А он говорит ей мрачно: «Иди сюда, садись». — «Но там Мгер, я его купаю... И вообще, пойдём домой...» — «Садись». И тогда Тамара села рядом с ним в машину, а он сидит насупившийся, недовольный — как она могла его не узнать! «Я, — говорит, — после такого адского пути всю ночь на вокзале маялся, ради того только, чтоб тебе этот сюрприз сделать, а ты...» — «Но ты же так изменился... Я тебя никогда с такой бородой не видела, — бормотала смущённо Тамара, — вот только глаза... Ну, идём же домой...» Но Серго идти домой наотрез отказался: «Сначала я должен тебя покатасть, хочу, чтобы ты первая эту машину опробовала и сказала своё мнение о ней». И они поехали по городу, сделали круг почёта до монумента и обратно. «Машина скользила так мягко, так плавно, как будто это не машина, а пушок. И я сказала: “Машина отличная”. Только после этого Серго поднялся в нашу квартиру».

С этим «опелем» у Тома и Серго было связано много незабываемых путешествий и встреч, но была одна, о которой обоим хотелось бы забыть, и, может быть, Серго это удалось...

Они были неразлучной парой, несмотря на то, что имели четверых детей, дома, на его тренировках и соревнованиях — всегда вместе. Или почти всегда. И выступавшие с ним штангисты до сих пор удивлённо-уважительно вспоминают об этом. Ибо обычно кочевая жизнь спортсменов исключает такое единение с семьёй.

И вот однажды — это восхитительное, роковое и неотвратимое «однажды» — вскоре после появления у них красавца «опеля» Серго поехал на нём на показательное выступление в район, на этот раз почему-то без Тома (то ли кто-то из детей заболел, то ли гостили у них родственники). А вернулся какой-то странный, непривычно молчаливый и смурной. Обычно в тех редких случаях, когда Тома с ним не ездила, он подробно рассказывал ей потом, как прошло выступление, как его принимали, кто там был... А тут, ни слова не говоря, сразу лёг спать. И утром рано, едва умывшись, быстро ушёл из дома, а вернулся только к вечеру. И опять словно бы избегает Тамару, не смотрит на неё и молчит. «Какие-нибудь неприятности?» — осторожно осведомилась Тома. «Нет, всё в порядке». — «Но что же всё-таки случилось?» — «Ничего...» Лишь на третий день, когда дети были во дворе, он вдруг произнёс: «Ты только не волнуйся, но я должен тебе всё рассказать. Лучше я, чем кто-нибудь другой, всё равно я так больше не могу». — «Ну, говори, — отвечает Тома, — я слушаю».

И вот что она услышала: «Поехали мы, как обычно, на это показательное выступление, ну выступили, потом, как всегда, — ужин, сидим, отдыхаем. И тут ребята из маленьких весовых категорий, из “мухачей”, стали меня подначивать: интересно, мол, как у этих Геркулесов принято — изменяют они своим жёнам или нет? Я говорю им, отвяжитесь, а то дуну, и улетите, а они всё не унимаются. А была там у них одна секретарша молодая, незамужняя. И вот кто-то из “мухачей” и говорит: “Погляди, Серго, какая красавица наша Ануш — неужели не замечаешь?” — “Почему не замечаю? — из вежливости говорю я. — Замечаю”...»

«Она что, правда красивая, эта Ануш?» — перебила его Тома.

«Ох, не спрашивай...»

«Ну-ну, дальше».

«А дальше — стал я после ужина всех домой развозить — машины-то ни у кого больше нет — и так вышло, что её надо было отвезти последнюю... И когда я всех ребят отвёз, мы остались одни... Тома, я очень виноват перед тобой... Но я не мог не сказать тебе... прости...»

«Очень хорошо, что сказал», — ответила Тома и пошла в другую комнату вещи собирать. Он за ней: «Не уходи, прости...» — «А ты забыл, что мы обещали друг другу, когда поженились?» — «Нет, не забыл». — «Всё равно я теперь уйду от тебя. Или ты уходи — как хочешь!» И тут он упал перед ней на колени: «Прости...» Но она выбежала на кухню, а он на коленях — за ней! Между прочим, окна были не занавешены, а квартира — учтите — на первом этаже. Поэтому соседи с интересом спрашивали потом Тамару: «Слушай, а что это Серго за тобой на коленях ходил?» — «Да это мы просто шутили», — смеётся Тома, уже привыкшая к тому, что жизнь её с Серго постоянно у добрых людей на виду. Но вообще-то ей было не до шуток... В конце концов она заявила ему, что простит, если он сделает так, как хочет она. «Что же ты хочешь? — спросил обрадованный Серго. — Всё сделаю». — «Мы сейчас сядем в машину и поедem туда, к ней. Ты вызовешь её и при ней скажешь мне: “Вот та самая женщина, с которой я тебе изменил”». (Напомню, Томе было тогда 27 лет.)

Серго опустил голову: «Это невозможно... Это не по-мужски...» — «Что ж, как хочешь, но простить я тебя смогу только после этого». — «Ну, придумай что-нибудь другое, это же стыдно...» — «Стыдно? А предать меня было не стыдно?!»

«Сели мы в машину и поехали. Я вся взвинченная, пылаю, а он поникший, потухший, точно силы уходят от него с каждым поворотом руля. Но я думаю, он всё же надеялся на моё благоразумие, на то, что я не доведу свой замысел до конца и избавлю его от унижения. Но — едем. В полном молчании движемся к месту — я это ясно вижу — его муки, его пытки. И вот, когда мы уже почти подъехали к тому учреждению, меня будто что-то толкнуло изнутри, и я сказала: “Ладно. Если хочешь — не поедem”. Как он обрадовался! Круто, лихо развернулся, и мы помчались на нашем “опеле” домой. Мчимся, и жизнь прямо на глазах возвращается к нему, и всюду на пути нам дают зелёный свет. Ведь все постовые знали его — улыбаются, приветливо машут нам...»

Вероятно, кому-то (многим?) эта история покажется нелепой, лишней. Зачем было рассказывать обо всём жене, раз уж так случилось? — таков стереотип дум по этому вопросу. Зачем, наконец, было приводить этот эпизод здесь, в «книге о большом человеке»? Но ведь Серго с детства не вписывался в категорию обычных людей и во многом поступал не как все — на чём, собственно говоря, и строится легенда. Очень личное его признание, покаяние, и всю ту историю можно было бы, в общем, и оставить за кадром, но тогда она всё равно маячила бы на задворках мифа, неизбежно насыщаясь духом этих задворков и, значит, теряя при этом подлинный смысл.

«Конечно, не сразу у меня отлегло от сердца, долго ещё потом я мучилась и не могла видеть ни Серго, ни “опель”. Но потом, постепенно всё как-то забылось, и я вернулась к ним обоим. И мы стали снова дружно колесить — я и Серго на “опеле” — по всей стране».

Всё же в 54-м году, когда «спуск» с триумфальных высот с постепенного плавного сползания вдруг ухнул в пропасть (совсем не было денег, болел Серго, и Тома в тяжёлом состоянии попала в больницу), несравненный «опель-супер» пришлось продать. Причём, как и положено в нужде, за баснословно низкую цену...

Но это всё потом. А пока, сразу после войны, «спуск» ещё не так катастрофически обрывист и вообще как бы и не спуск вовсе. Ведь только что на чемпионате мира в Париже он установил мировой рекорд. Да, конечно, его не сравнишь с тем, добытым в 38-м году, в поединке с Мангером, когда люди его буквально на руках вынесли из зала. Но мировой рекорд есть мировой рекорд...

Кроме того, в том же 1946 году Серго Амбарцумян, как и обычно, потрудился на славу — в полном смысле этих слов — и вне соревнований.

...В мае в Европе прошёл сильный дождь, а до того — зимой — навалило много снега. И вот когда, разбавленные майским ливнем, с гор потекли талые снега, маленькая

речушка Гедар поднялась, вышла из берегов, и в Ереване произошло сильное наводнение. Был снесён зоопарк и небольшие домики, ютившиеся по берегу реки, а в крупных домах вода доходила до второго этажа, и громадные валуны, скатившиеся с гор, грозно стучались в их стены.

В это время Тома, которая через несколько дней должна была родить Мгера, сидела дома. И вдруг слышит с улицы такой шум, будто там бурная река несётся. Глянула в окно, а там и правда река! «А где же Серго, — заволновалась она, — как же он теперь приедет домой?» И тут кто-то из соседей сказал, что слышал, будто с Серго что-то случилось, а немного погодя в дом вполз слух о том, что он утонул. Тома не поверила. «Этого не может быть, — сказала она себе, — ведь Серго отличный пловец...» А спустя немного времени прилетела весть, что Серго спасает оказавшихся в воде людей.

Словно Гулливер, он стоял в воде и вытаскивал мокрых, захлёбывавшихся лилипутов на сушу. Скольких тогда спас? — версии молвы тут, как всегда, расходятся, но едины в главном — в том, что очень много.

Глава 9

Следующий после Парижа — 23-й чемпионат мира по тяжёлой атлетике проходил в сентябре 1947 года в США, в Филадельфии, но наши штангисты не смогли принять в нём участия. Вспоминает Богдасаров: «В тот момент, когда нам надо было выезжать, Сталин оказался в отпуске, а Ворошилов, оставшийся за него, не взял на себя ответственность подписать визу, так как столь многочисленные группы у нас в то время ещё за рубеж не выезжали».

Чемпионат в Филадельфии мог стать вторым чемпионатом мира Серго, и он очень расстроился, что не стал, ибо надеялся «под занавес» потрясти своих почитателей новыми победами.

Однажды, переходя улицу, он задумался о чём-то, выскочивший неожиданно грузовик сшиб его, и он получил сотрясение мозга. Долго лежал в больнице. Но спустя несколько месяцев вновь пришёл в зал и стал тренироваться и выступать на внутрисоюзных соревнованиях. А что, собственно говоря, ему было ещё делать? Причём выступал не только в тяжёлой атлетике, но и в лёгкой, так как его постоянно просили выручить команду Армении на спартакиаде Закавказья в состязаниях по ядру и диску. А однажды ему даже пришлось выступить на борцовском ковре, и кое-кому от этого в прямом смысле «не поздоровилось».

...1949-й год. Спартакиада Закавказья в Тбилиси. Внезапно перед самым стартом в команде Армении заболевает борец в тяжёлой весовой категории. И команда обращается к Серго с просьбой выступить вместо заболевшего. «Но я же никогда не занимался борьбой, — нерешительно отказывался Серго, — и совершенно не знаю правил...» — «Ничего, мы тебе покажем несколько ходовых приёмов, ты же талант, ты же сильный — спаси!»

Отказаться спасти вечно всех спасавший Серго, конечно, не мог. По дороге в поезде тренер по борьбе показывает ему несколько «ходовых» приёмов, затем уже в Тбилиси до начала турнира проводит с ним ещё несколько занятий. И настёт турнир.

Вышел Серго на первый бой с соперником из Грузии и поначалу довольно грамотно боролся. Но в какой-то момент, когда противник начал неожиданно активно наступать, вдруг резко обхватил его, перевернул и... сломал ему руку. Как он расстроился! Как просил прощения... Но победа всё же досталась ему. И теперь предстоял поединок с представителем Азербайджана. Но тот, едва Серго приблизился к нему, быстро лёг на

ковёр и сказал: «Сдаюсь». Пример с грузином был ещё слишком свеж, и он не хотел, чтобы Серго и ему сломал что-нибудь: Серго был намного крупнее его и его могучая сила не была оправлена в технику.

Этот несчастный случай органично вписался в славу Серго, в особенности в Закавказье, где она была поистине безграничной. И когда спустя много лет после того турнира племянник Амбарцумяна (Владимир Ильич) по каким-то делам приехал в Баку, отблеск былой славы Серго коснулся и его... В Азербайджане славился тогда недюжинной силой борец Сали Сулейменов. Так вот, узнав, что Владимир Ильич — племянник Серго Амбарцумяна, люди говорили о нём: «Это племянник того самого Амбарцумяна, который в три раза сильнее Сали Сулейменова». Казалось бы, как можно сравнить борца и штангиста, никогда не мерившихся силой? Но слава Серго была ещё так велика, что не вникала в такие мелочи, просто самое его имя означало — Геркулес, сильнейший.

Как-то одна моя ереванская знакомая, узнав, что я пишу о Серго, сказала, что может познакомить меня со своей подругой, которой есть что рассказать о нём. И, видимо, желая меня заинтриговать, прибавила: «Как-то он там возник на её пути, но как именно, мне она не захотела рассказать, может быть, ты её расколешь...»

Нечего и говорить, как я обрадовалась, ведь я испытывала постоянный недостаток в материале, а тут впереди забрезжила какая-то история (интрига?). И вот в назначенный день меня представляют скромно одетой, улыбчивой учительнице музыки, лет так пятидесяти пяти — Афине. О, сейчас мы поговорим, вспомним былое (там будет, наверное, и музыка, и увядшие цветы, и прелесть разлуки, словом, что-нибудь в духе старинных романсов). И, минуя преамбулу, я с ходу выпаливаю: «Ирина Липаритовна рассказывала, что Серго Амбарцумян оказал на вас влияние...» — «Влияние?.. — она резко вскинула чёрные брови. — Да он просто плюнул на меня!» — «??»

Читатель поймёт моё смятение и стремление немедленно вместе с моим героем отступить назад, туда, где ещё не было этой реплики Афины, ведь она так не вязалась с выстраиваемым мной образом «благородного героя», под который я вольно или невольно подгоняла все поступавшие ко мне материалы о нём — такова власть легенды. Но этот «перл» подогнать было трудно.

«Как это — плюнул?» — рассмеялась я.

«Обыкновенно. Я шла через двор, не зная, что он там живёт. И вдруг чувствую: сверху на голову — бум! В негодовании я поглядела вверх, а там, в окне седьмого этажа, торчит он. Встретившись со мной взглядом, он смущённо скрылся. В общем, плюнул, вероятно, в никуда, в окно, а тут некстати случилась я...»

Каково же было моё облегчение, когда Афина назвала адрес того дома, и он не имел ничего общего с адресом Серго, да и вообще, по мнению Тамары Ованесовны, Серго вряд ли мог оказаться в том районе, уж не говоря о том, что узнать снизу человека, на мгновение высунувшегося в окно седьмого этажа, весьма проблематично.

Афина, однако, убеждена, что это был именно он, и тем самым сохраняет свою — пусть и одиозную — причастность к легенде.

Издержки славы.

Между тем дорожка его уже бежала вниз, и последние победы были уже как бы не его самого, а отяжелевшего, уставшего и тяжело дышавшего двойника. Всё проходит...

«Если бы его хоть после войны отпустили с помоста, дали нормально учиться — с таким редким в стране опытом он мог бы большую пользу принести нашему спорту, — горестные слова Тамары Ованесовны. — А он вынужден был таскать и таскать эту штангу, пока сердце не сорвалось...»

Однажды на каких-то соревнованиях по тяжёлой атлетике в Доме офицеров прямо на помосте ему стало плохо. Всё же он заставил себя сделать два подхода, но третий уже не

смог: упал, потерял сознание. На «скорой» его отвезли в больницу — микроинфаркт. О тяжёлой атлетике теперь не может быть и речи. «О штанге забудь», — ему сказали. Он был вынужден пролежать в больнице недели две. А тут как раз пришло время получать стипендию. «Пойди получи за меня, — говорит Серго Томе, — раз я в больнице, тебе дадут». Но в комитете очень удивились: «Какие деньги? Ведь Серго со стипендии уже снят». — «Как снят? Когда успели? Ведь в больницу он попал прямо с помоста...»

«Ничего не знаем, приказ из Москвы, всё снять».

Потрясённая, Тома вышла из спорткомитета, не представляя, как она сообщит об этом тяжело больному, вспыльчивому Серго.

Теперь-то мы знаем: такой «финиш», когда «выжатый», поверженный и больной, к тому же без настоящего образования, ты становишься вдруг совершенно безразличен обществу, — ждёт, как правило, любого спортсмена. Лишь самые великие удостоиваются помпезных проводов и какого-то обеспечения в будущем. Но ведь Серго как раз и был великим из великих. Отчего же с ним расстались так «по-английски» — не прощаясь?

Вероятно, тут дело в его характере. Весёлый, общительный, добрый, он, если становился свидетелем неправых дел, не умел молчать и мог резко вспылить, невзирая на личности и на занимаемые ими посты. Конъюнктурные доводы были ему недоступны, и лишь Тома, его Тома умела иногда сглаживать бурю. Но вообще-то он был в гневе неуправляем. Оттого-то в спортивных верхах его недолюбливали. Впрочем, пока был силён, терпели, а вот как ослаб, тут ему всё и припомнили. В этом смысле очень красноречиво выглядит история со званием заслуженного мастера спорта СССР, которое ему присваивали так неправдоподобно — это ему-то, кавалеру ордена «Знак Почёта», — так неприлично долго.

Однажды совсем уже было решили присвоить, в Ереван специально для этого приехали чиновники из Москвы, из спортивного министерства, привезли для него значок, документы. А он, воспользовавшись сановным приездом, решил высказать им всё, что думает по поводу безобразий, творящихся в спорте вообще и в тяжёлой атлетике в частности. Результат такого откровения был логически прост и импровизационно гениален: звание заслуженного мастера спорта СССР было вручено, но... не Серго Амбарцумяну, ради которого ехали, а Ивану Аздарову — человеку и атлету весьма и весьма достойному, но по рейтингу (по справедливости) Серго надлежало бы вручить эту награду всё же прежде него.

Он, между прочим, этого Аздарова в пору своего триумфа всячески опекал, и вот как об этом вспоминает сам Иван Аздаров: «Я очень хотел познакомиться с прославленным Амбарцумяном. И в 36-м году, когда я приехал на соревнования в Ереван, меня представили ему, и он сразу стал мне симпатизировать. Мне было тогда 22 года, а ему 27. Всего на пять лет старше, но уже известный в то время атлет, он как бы чувствовал ответственность за меня, за всех нас, новичков. У нас ещё не было тогда результатов, тренеры же занимались в основном с теми, у кого они были, а Серго нас подтранировывал и всячески давал нам понять, что принимает нас всерьёз, что было для нас, конечно, очень важно. Однажды он подвёл меня к тренеру и сказал: “Обратите на этого мальчика внимание, из него хороший атлет выйдет”. Но он заботился не только о моих успехах в тяжёлой атлетике. Я ведь приехал из Алаверды, где работал на рудниках, так что с образованием дело обстояло у меня неважно. И вот он мне иногда целыми часами читал Крылова, Пушкина, Лермонтова. Стихи, он говорил, великая вещь, без них жизнь намного беднее...»

Между тем Серго снова остался без звания заслуженного мастера спорта СССР, что, конечно, могло бы его научить житейской гибкости. Но не научило.

Лишь в 1961 году, когда он уже 10 лет (!) как не выходил на тяжелоатлетический помост и, собственно говоря, уже не имел никакого отношения к спорту (только — к его истории), ему вручили «цветы запоздалые». И, в общем, совершенно случайно...

...Серго находился в Москве в командировке от таксопарка, в котором тогда работал (эта его работа — отдельный рассказ). В Москву за запчастями для легковых такси марки «ЗИМ» командировали именно его, рассчитывая, что раз он вхож к Микояну ещё со времён «великого побития», значит, у него больше, чем у кого-либо, шансов получить дефицитные детали. Расчёт оправдался с лихвой: Микоян выписал Серго запчастей на такую огромную сумму, которой никто не ожидал. И когда Серго вернулся домой, его встретили как бога, потому что это надо знать, что значат запчасти для таксиста, и что значит: в нашей стране выбить дефицит. Впрочем, когда спустя какое-то время Серго самому, для его собственного «ЗИМа», потребовалась какая-то запасная деталь, и он обратился за ней в свой гараж, ему не дали, сказали, нет. Он был страшно обижен: «Я столько им привёз, а они для меня винтика пожалели...»

Да, так находясь у Микояна, Серго среди деловой беседы и беседы неделовой («Как живёшь? Где устроен?») как бы между прочим задал ему вопрос:

«А почему мне до сих пор не присвоили звание заслуженного мастера? Разве я не достоин?.. Никогда бы не стал об этом говорить, но люди вопросами замучили: “почему да почему?”» Микоян сказал: «Как? Разве ты не получал?» — «Нет, не получал...» Микоян страшно возмущился и тут же при Серго позвонил во Всесоюзный комитет физкультуры (председателем тогда был Романов). «Если Серго Амбарцумян не заслуженный мастер спорта, то кто же у нас тогда заслуженный?!» — сказал он и положил трубку. Серго очень смутился и пожалел, что завёл этот разговор. А когда через какое-то время пришёл в гостиницу, то услышал, что в его номере непрерывно звонит телефон. Трубку снял: «Серго Искандарович, здравствуйте. Вас просят срочно зайти во Всесоюзный комитет физкультуры, к товарищу Романову. Когда вы сможете?..»

Он пришёл к Романову, и тот сказал: «Товарищ Амбарцумян, это моя вина в том, что вам до сих пор не присвоено звание заслуженного мастера спорта. И я её исправлю. Извините меня, пожалуйста, я виноват, виноват...» Это последнее слово он несколько раз повторил.

Когда Серго вернулся в Ереван, всё уже было для торжественного вручения готово. А тут как раз выдался большой футбольный день — на первенство Союза встречался «Арагат» с какой-то столичной командой, и перед матчем состоялось торжественное присвоение Серго Амбарцумяну звания заслуженного мастера спорта СССР. По этому случаю Серго Искандарович сказал воодушевляющую речь о молодёжи, о её будущих рекордах и другие слова о нашем светлом будущем. Но вместо праздника собравшимися на стадионе овладело недоумение и печаль: только-то теперь их Серго, их Давиду Сасунскому, вручат «заслуженного»? Ибо многие не знали о постыдной проволочке и думали, что всё, что ему положено (в смысле наград), он, конечно, имеет. Но потом народ всё же потеплел, нашлось место радости: пусть так, пусть поздно, но присвоили же...

Долго не присуждали ему и международную судейскую категорию, но, в общем, это уже не сильно огорчало его. Вообще нелюбовь верхов не задевала его по-настоящему. Ведь он был принят в правительственных кругах, а с другой стороны — был всегда почитаем простыми людьми, и они постоянно находили случаи ему это выразить: руку ли на улице пожмёт незнакомец — со словами горячего признания, девушка ли лихо чмокнет в щёку, милиционер ли вопреки светофору даст ему «зелёную» улицу... Он очень любил эту свою популярность, легко общался с людьми и не раз говорил: «Я народный человек».

Когда Тома решилась наконец-то рассказать Серго о том, как её приняли в комитете и что его со стипендии сняли, ему опять стало плохо, и врачи начали опасаться второго инфаркта. Но бог миловал. «Ему нельзя волноваться», — говорил профессор кардиологии. Но как — не волноваться?

«В таком бедственном положении, в такую трудную минуту оставили нас без копейки!» — метался он по палате, и никто не мог ему помочь. Он рвался побыстрее выписаться из больницы, чтобы как-то поправить свои дела; ведь у них с Томой теперь уже четверо детей, и как же их прокормить?

Вспомнилось ему теперь, как ещё в 39-м году он просил отпустить его из спорта, рвался учиться, работать, но его не отпустили. «Куй свое железо, пока горячо, — смеялся руководитель, наслаждаясь своим красноречием, — а уж мы о тебе позаботимся». Вот и позаботились — спасибо большое...

Вышел Серго из больницы совсем в никуда — ни к штанге нельзя, ни специальности никакой нет. Устроили его в какое-то спортобщество (сейчас никто уже не помнит в какое) заместителем председателя, но такая работа была ему не по душе, да и оклад — смех один, прожить на него семьёй из шести человек было просто невыносимо. Приходилось существовать на деньги, посылаемые роднёй ежемесячно, как зарплату. Но Серго, привыкшего всю свою жизнь помогать другим, это убивало. «Я, — говорил он, — любую тяжёлую работу могу делать, мужчине кем угодно не стыдно быть — хоть шофёром, хоть грузчиком, — лишь бы дети не были голодными». Но тяжёлую физическую работу он уже делать не мог — сердце не позволяло. Он даже просто пешком ходить был не в состоянии — одышка, боль, на работу на такси приходилось ездить, и на это уходила вся его зарплата. «Жизни ему никакой через всё это не было, — чуть не плача, рассказывает Тамара Ованесовна, — стыд передо мной и детьми замучил! “На хлеб не могу заработать!” — ревел он, точно раненый зверь. Пить стал! А я, бывало, и слова не могу ему сказать, знаю же — не виноват он! Бывало, перебьёт чуть не всю посуду, а я молчу, думаю, пусть хоть дома душу отведёт. Он ведь дома-то почти перестал бывать — как уйдёт с утра, так и до ночи, чтоб только в глаза нам не смотреть. После такой-то фантастической славы...»

Вероятно, в том, что он не получил «видную» должность, виноват не только его прямодушный, вспыльчивый характер, но также и то, что он не являлся членом партии. И надо думать, в его положении — выдающегося человека и любимца вождя — не вступить в партию было не просто. По этому поводу он говорил так: «Лучше не вступать совсем, чем вступать и быть исключённым за какое-нибудь “неправильное”, “вредное” высказывание». А не сказать то, что думал, — Серго себя знал, — он не мог.

Он, например, хотел работать директором стадиона, с тем чтобы устроить там всё по-новому, по своему разумению. «Я сделаю исключительный стадион, какого ещё не было». Но получить эту должность ему не удалось. Ему сказали: «Раз ты не в партии, мы можем взять тебя только замдиректора». Но заместителем он не захотел, понимая, что с этой позиции переделать стадион и вдохнуть в него новую жизнь не сможет.

Ну а заместителем председателя какого-то спортобщества всё же работать согласился — надо же было хоть куда-нибудь устраиваться. Хотя вынужденность и унижительность этого «хоть куда-нибудь», то есть полное отсутствие выбора у него, «самого сильного» и «самого любимого», ещё так недавно пользовавшегося всеми мыслимыми у нас кредитами и дарами, — страшно ранили его. Он был в полной растерянности — как жить дальше?

Несколько месяцев он всё же в том спортобществе проработал, одновременно даже как-то экзамены в физкультурном техникуме сдал и поступил в Ереванский институт физкультуры. Но учиться как следует, конечно, не мог — больной, нервный. Из-за сердца

сидел на занятиях с трудом, шумно, хрипло дышал, да ещё появилась эта сердечная одышка. Кто-то из студенток на него за это пожаловался, дескать, портит им всю учёбу. Серго от такого отношения совсем растерялся, он ведь привык к восхищению, обожанию, аплодисментам... Я же, говорит, не виноват!.. Он так хотел учиться! А оказалось, что это для него теперь потрудней, чем бороться за звание самого сильного человека на земле, чем быть им.

В то время им было написано письмо секретарю ЦК КП(б) Армении товарищу Арутюнову, которое я привожу почти полностью.

«Уважаемый Григорий Артемьевич!

Спортом занимаюсь 22 года. Неоднократно удостоивался звания чемпиона Советского Союза. Мною установлены ряд всесоюзных и мировых рекордов. Являлся участником трёх международных соревнований во Франции, Бельгии, Чехословакии, где вносил свою долю труда в победы советского спорта.

В 1937 году, после данного мною обещания товарищу Сталину установить абсолютный мировой рекорд, по вашему распоряжению для меня были созданы все необходимые условия для жизни и тренировки, в результате чего мне удалось победить абсолютный мировой рекорд фашистского спортсмена Мангера.

В 1941 году, с начала отечественной войны я ушёл в ряды Красной Армии, где прослужил до сентября 1945 года. После демобилизации по указанию Совета Министров Армянской ССР я был полностью обеспечен и снова начал интенсивную тренировку. И в 1946 году в Париже мною был установлен мировой рекорд.

Считаю необходимым обратить Ваше внимание на следующее: всегда, как только мне удавалось добиться каких-нибудь успехов, я чувствовал к себе внимание, ко мне относились с чуткостью и заботой, но после единичных неудач, весьма возможных для любого спортсмена, я чувствовал к себе возмутительное невнимание.

Так было и в 1947 году, когда мне не удалось установить мировой рекорд на Всесоюзном параде. По возвращении в Ереван я был снят со стипендии, лимита и питания. Оставшись совершенно без средств для прокормления моей семьи, я был вынужден продавать домашние вещи. Мне восстановили зарплату только после моего заявления во Всесоюзный Комитет физкультуры. А в июне 1948 года... я снова был лишён зарплаты... Таким образом, я не раз чувствовал себя на положении охотничьей собаки, которую плохой хозяин кормит только в день охоты...

Вот причины, заставившие меня покинуть область спорта и уйти от любимого дела. Вот почему я вынужден побеспокоить Вас с просьбой о вмешательстве.

30 декабря 1948 г.

Г. Ереван

С. Амбарцумян»

«Конечно, если б он учился как все, вовремя, всё было бы иначе... Я с ним все контрольные, все письменные готовила, шпаргалки писала, учились, можно сказать, вместе. В общем, диплом с грехом пополам он всё же получил, и оставили его в институте работать на кафедре тяжёлой атлетики. А он после всего эту штангу уже видеть не может, тем более слышать её грохот. И опять же зарплата мизерная. А тут ещё я в тяжелом состоянии попала в больницу. Вот тогда-то Серго не выдержал и пошёл к первому секретарю ЦК Армении с просьбой послать его на грузовое такси. Тот, конечно, очень удивился: “Слушай, не стыдно тебе! Пришёл к первому секретарю, и что же ты просишь? Назначить шофёром! Хочешь — устрою директором магазина, ресторана!” А Серго своё твердит: “Не для меня это, хочу ни от кого не зависеть, делать, что умею. Что заработаю — то и моё”. Два часа сидел он у первого и... уговорил. А тут ещё дали ему 300 рублей, так

сказать, подъёмных и купон на 50 метров бязи — я тогда всё наше постельное бельё смогла обновить... Стал Серго работать, чуть не круглосуточно, за два-три года мы все оделись, обулись, сделали ремонт и мебель купили...»

Но всё же эта работа была ему тяжела — дальние рейсы, сутками за рулём, — и он решил перейти на легковое такси. Но и тут проработал совсем недолго... Как-то сели к нему в машину зарубежные армяне, узнали его и... написали в ЦК Компартии Армении примерно следующее: вот вы осуждаете Запад, ваши газеты пишут, что знаменитая звезда мирового бокса Джо Луис поёт в баре и этим зарабатывает себе на жизнь. Вы сочувствуете «пропащему» Луису, в то время как ваш всемирно известный Геркулес работает в такси. Много ли у вас таких, как Амбарцумян?

Ответом на это письмо был вызов Серго в ЦК. «Ты позоришь нас у каждого светофора! Немедленно переходи куда-нибудь в другое место!» Но куда?

Последнее пристанище, которое ему было предложено, — место заведующего шашлычной «Масис», где он и проработал до конца своих дней. И хотя он там хорошо зарабатывал — весь Ереван к нему ходил, — всё же эта работа была не по нём.

Правда, для него, гурмана, «своя» шашлычная служила всё же некой отдушиной. Он любил потчевать там своих друзей. А каждое воскресенье привозил туда Тому с детьми; угощал их всеми деликатесами, какие только были в шашлычной. Иногда Тома говорила: «Слушай, дома же всё есть, зачем ехать куда-то?» Но Серго, почитавший трапезу как процесс, как церемонию, как праздник, а не как «самоглотание», непременно настаивал на воскресном выезде. Тем более что под конец его жизни они стали каждое воскресенье ездить в Эчмиадзин (Эчмиадзин в жизни Серго — это отдельная история), а уже оттуда — в его «Масис». Вообще, ни завтракать, ни обедать в воскресные дни дома Серго не любил. И тут, мне кажется, дело было не только в трапезе, а в том, что ему — баловню судьбы, герою своего времени, по-прежнему, как воздух, нужен был «выход», нужна была публика.

Я смотрю его фотографии и невольно сравниваю «молодые», когда всё ещё впереди, — с последними, на которых груз лет так печально, так трагически зрим. Причём бросается в глаза даже не сама разница в возрасте, а просто разница в изломе бровей: тогда, на старте, их внешние концы ясно, чётко приподняты — о таких бровях говорят, что они «вразлёт»; на финише же — безнадёжно опущены, а внутренние концы, напротив, страдальчески приподняты. И ни на одном из снимков времён «спуска» они уже не приходят в изначальное открыто-ожидающе-радостное положение.

Бывший кумир, неловко, грузно спустившийся с рекордных высот — удобней-то всего оттуда падать, — пытается жить обычной жизнью людей...

Глава 10

Наверное, читатель не очень удивится, если я скажу, что в последние годы он очень тосковал по штанге. И где-то в глубине его усталого, загнанного сердца — в дальнем отсеке, там, где дремлют, свернувшись клубком, несбывшиеся мечты, — таилась надежда: вдруг вновь оказаться — до зарезу! — необходимым тяжёлой атлетике, где некогда он был так велик и где сегодня никому, абсолютно никому не нужен...

Он часто ездил на соревнования, судил их и болел за новых, быстро уходящих от него вперёд штангистов. «Особенно ему импонировал Юрий Власов, и на турнирах он всегда старался подойти к нему, что-то посоветовать, — вспоминает Богдасаров, — и было видно, что он от души радуется успехам Юры. Власов вообще был ему симпатичен и как атлет, и как человек». В этом месте я прерву воспоминания Богдасарова, ибо кажется мне, что слова: «Власов вообще был ему симпатичен» или «особенно ему импонировал Юрий Власов» весьма знаменательны, ведь и другие атлеты — помните? — говорили об особенном к ним отношении Серго Амбарцумяна, о его вере в них. То есть он обладал ценнейшим качеством — внушить каждому, с кем общался (или, по крайней мере, многим), что тот особенно интересен, приятен ему, что талантлив и перспективен. (И это, заметьте, задолго до издания у нас Дейла Карнеги...)

«Во Власове он видел своего преемника. И кроме того — образец воли и собранности, то есть восхищался в нём тем, чего ему самому — он не мог этого не сознавать — в какой-то мере не хватало.

Он никогда не ревновал к успехам Юры, как это частенько бывает между знаменитостями, и даже к тем его успехам, о которых сам мечтал, но не достиг... Такая широта доступна лишь по-настоящему великим мастерам... Вот был у нас на Спартакиаде народов СССР в 1959 году такой случай.

Стою я, наблюдаю за Юриным выступлением и вдруг чувствую, чья-то тяжёлая рука легла на моё плечо. По тяжести, думаю, это может быть рука только Амбарцумяна. Поворачиваюсь — он. «Слушай, — говорит, — что же это ты Юру на «низкий сед» не переводишь? — А Юра тогда работал «ножницами». — У него же такое включение!» Отвечаю: «Да вот как раз думаю все над этим...» А он мне: «Да чего тут думать! Действовать надо!» Вот после того нашего разговора я и решился форсировать события, и мы начали тренироваться в новом направлении, перестраиваясь на «низкий сед». Но между прочим, когда разговор о нашей перестройке заходил у меня с другими коллегами, все очень скептически реагировали на неё и пожимали плечами: «Зачем это Юре, он ведь и так выигрывает?» Памятен мне вечер перед состязанием атлетов тяжёлого веса на чемпионате мира в Стокгольме. Власов, Жаботинский и я пошли прогуляться перед сном. Заговорили о предстоящей борьбе и о том, что важно, чтобы золотая медаль была наша — неважно у кого, важно, чтобы не пропустить вперёд американцев. И тут Власов говорит: «Лёня, хочу после чемпионата перейти на «низкий сед». Жаботинский недоверчиво рассмеялся: «Вряд ли у тебя выйдет». — «Почему?» — «Да возраст уже не тот, не та подвижность. Опоздал...» Юра улыбнулся: «Медведя учат ездить на велосипеде, а я не научусь «низкому седу»? Обижает, Лёня». — «Ладно, сказал Жаботинский, — увидим»... И увидел. Вскоре Юра уже начал поднимать в «низком седе» такие же веса, как и в «ножницах», — так он был гибок и пластичен. А потом начал быстро прогрессировать и установил мировой рекорд. И я понял: перестроиться можно очень быстро. Нужно только хорошо продумать весь путь перестройки. Я потом Власову говорю: «В первую очередь ты должен благодарить Амбарцумяна, ведь это он помог мне утвердиться во мнении, что тебя можно, нужно перестроить...»

Амбарцумян вообще умел воздействовать на людей, подчинять их своей воле, и это ему ничего не стоило. Ему просто невозможно было противиться. Ни в большом, ни в мелочах. Например, однажды, на каких-то соревнованиях, помню, заходит он ко мне в номер. Пойдём, говорит, позавтракаем. Я отвечаю: мне неохота. Тогда он берёт меня за руку и тащит за собой, как маленького. И самое интересное, что я иду. Он не терпел возражений. Если сказал: пошли — хочешь, не хочешь — пойдёшь. А весь секрет заключался в том, что люди — как и я — подчинялись ему с радостью — такой он был обаятельный и жизнерадостный. В его устах даже ругательные слова звучали как-то незло, необидно. Я, например, терпеть не могу, когда кто-то ругается, а у него и такого рода выражения звучали как песня...

Стоило Амбарцумяну где бы то ни было появиться — и у всех уже настроение другое, прибаутки, шутки, смех. Вокруг него всегда была толпа ребят: “Серго, расскажи про тот случай, про этот”... А он возьмёт тебя за шкирку, перенесёт с места на место — “мухачей” он вообще как фишки переставлял, — и вот тебе уже не до историй, ты сам теперь история, потому что сам Серго Амбарцумян тебя “на руках носил”».

И ведь странно — победы его давно уже были позади, но даже это искажение триумфального пути никак не повлияло на существование (кружение и сияние) его легенды. И лишённый уже возможности ставить рекорды и не имевший, скажем так, «положения в обществе» и командных постов, он, тем не менее, умудрялся постоянно подпитывать легенду новыми «историями».

Допустим, многие считают, что в матче на первенство мира в 1963 году было два главных действующих лица — Ботвинник и Петросян. На самом же деле — или, выражаясь осторожней, по другой версии, — их было три: ещё Серго Амбарцумян.

Серго с юности любил играть в шахматы, восхищался игрой Ботвинника, но в том матче он, понятно, болел за Петросяна. Незадолго до финальной встречи болельщики Петросяна решили, что будет хорошо, если Серго Амбарцумян поедет в Москву — пусть на стороне Петросяна будет «самый сильный человек» (это звание пристало к Амбарцумяну уже независимо от официальных тяжелоатлетических турниров) или хотя «очень сильный человек». Какова от него может быть польза в предстоящем матче, никто в точности не знал, однако возможности его в смысле поддержки претендента расценивались столь высоко, что спорткомитет Армении официально командировал его в Москву на матч. Тома, естественно, ехала вместе с ним.

В Театре эстрады, где шёл матч, они неизменно сидели, как рассказывает Тамара Ованесовна, в третьем ряду, и Серго, конечно, сильно возвышался среди более или менее ровных рядов зрителей. «Торчал» — по мнению людей из лагеря противника. Правда, одна моя знакомая, посещавшая тот матч, утверждает, что он обычно «наблюдался» в первом ряду. Но заботиться о том, какая же из двух версий верна (хотя, я полагаю, что рассказанная Тамарой Ованесовной), ясно же, смысла нет, поскольку, как и во всех других случаях, обе свидетельствуют о главном — о незыблемости и заметности его на том матче и именно — «в первых рядах».

Когда Петросян выходил у Театра эстрады из машины, его болельщики, прибывшие со всего света, буквально не давали ему пройти: каждый хотел что-то посоветовать, спросить, поддержать. Только с приездом Серго, а он приехал с опозданием, среди почитателей Петросяна возник порядок. В гуще алчущих с ним общения людей Серго устраивал «коридор», по которому Петросян мог теперь совершенно свободно проследовать к подъезду театра. И лишь с разрешения Серго — он иногда делал такие исключения — можно было обратиться к претенденту.

Многочисленная и горячая армия сторонников Петросяна слушалась Серго беспрекословно: это был их знаменитый соотечественник, достигший в спорте

небывалого успеха, и теперь он хотел помочь другому их соотечественнику победить в его главном поединке.

А когда начинался турнир, Серго следил за порядком в зале — как за болельщиками Петросяна, так и за болельщиками Ботвинника. Потому что реакция на игру была подчас довольно шумной. Но однажды вышло так, что он сам оказался объектом умирения.

«Сидим мы, как обычно, на своих местах, — рассказывает Тамара Ованесовна, — как вдруг слышим, какой-то военный впереди нас говорит соседу: “Где этому армяшке выиграть у Ботвинника! Чего захотел!” Серго сразу рассвирепел, вскочил во весь свой рост, этого военного за шиворот поднял и как крикнет: “А ну, повтори, что ты сказал!” А в зале, между прочим, игра идёт. Ну, тут, конечно, к Серго подошли несколько человек, этого военного освободили, а Серго вывели из зала. В конце концов инцидент был, в общем, улажен, Серго объяснил, отчего он вспылил, извинился перед организаторами, но перед военным извиниться отказался. Несколько дней ему велели не показываться на турнире. Но он не послушался, и уже на следующий день мы снова сидели на своих местах. С тех пор никаких эксцессов по его вине там не возникало, но окружающие всё равно считались с ним.

Как-то я пришла в зал раньше него — он задержался в пресс-центре. А когда появился в дверях, я увидела, как какой-то маленький человечек, пригнувшись, двинулся вдоль соседнего ряда и театральным шёпотом стал всех предупреждать: “Тихо, этот большой здесь... Тихо, этот большой здесь... Тихо... Тихо... Тихо...”»

А по окончании соревнований болельщики валили в гостиницу Серго, и у себя в номере он открывал пресс-конференцию. «Какова ситуация?.. Кто выиграет?.. Каков будет следующий ход?..» — эти и другие вопросы задавали ему без конца. Но если в отношении ходов он ещё допускал какие-то вариации и колебания, то в главном вопросе ответ его был однозначен — победит Петросян. Как уже говорилось, он очень уважал Ботвинника, любил следить за его игрой, но в данном случае он просто знал, что победит Петросян. И то, что так оно и вышло, никого не удивило, а лишь укрепило в народе веру в него.

Вот что, впрочем, писал о своём сопернике сам Ботвинник (книга «К достижению цели»): «Петросян обладает своеобразным шахматным талантом, как и Таль, он не стремится играть “по позиции”, в том смысле, как это понимали ранее... необходимо отметить ещё высокую технику Петросяна в реализации позиционного преимущества, для того чтобы понять силу нового чемпиона...»

Конечно, ничего удивительного в том нет, что Ботвинник не учёл (не заметил?) на матче нашего героя — у чемпиона мира, понятно, особый угол зрения и свои представления о матче и о противнике. Но кое-кто считал, что причины победы Петросяна не исчерпываются его техникой, реализацией позиционного преимущества и другими сугубо специфическими преимуществами, и что определённую роль (роль талисмана, может быть) сыграл во всей этой истории Серго.

Его влияние на людей не ограничивалось штангой, спортом.

Армянский телекомментатор Гамлет Гушан примчался на встречу со мной через 10 минут после того, как я ему позвонила, и был преисполнен такой благодарности, такого восхищения и благоговения по отношению к «дяде Серго», что выражение этой смешанной эмоции так и не сходило с его лица в процессе всего нашего разговора.

«Когда мы с дядей Серго познакомились, я делал самые первые шаги в журналистике и очень волновался перед встречей с ним: а вдруг он не захочет со мной разговаривать. Но он так радушно, так всерьёз меня принял, будто это я был какой-то шишкой. Он прекрасно видел, что я волнуюсь, и изо всех сил старался мне помочь — получше усадить, разговорить (не я его, а он меня!). И мне показалось, что я знаю его давным-давно, может быть, всю жизнь...»

Если он видел, что у меня неважно получалась запись, он готов был повторять сказанное сколько угодно.

“Пусть будет всё так, как вы хотите...” То есть он заботился не о том, как выйдет он, а о том, как выйдет у меня, о том, чтобы я “встал на ноги”. И вот прозвучала первая моя передача о нём, и в предисловии к ней мы там сказали такую приблизительно “классическую” фразу — что традиции, которые основал Серго Амбарцумян, сегодня продолжают наши новые чемпионы: Юрик Варданян, Оксен Мирзоян, Вартан Милитасян, Юрий Саркисян...

Через несколько дней он меня встречает и с ходу начинает выговаривать. “Слушай, — говорит, — так нельзя”. Я изумился. “Чего, — говорю, — нельзя?”

“О традициях если говоришь, надо всех вспомнить. В нашей тяжёлой атлетике прежде был ведь не только я, были такие известные штангисты, как Рубен Манукян, Иван Аздаров, Владимир Феофанов. Без них такой материал делать никак нельзя, это же история...”

Он вообще, мне кажется, отличался от других “звёзд” тем, что у него не начиналась каждая его фраза со слова “я”. Вот, скажем, в то время возшла звезда Юрика Варданяна, и дядя Серго, всегда подчёркивая его успехи, говорил: “То, что сделал Юрик, — больше сделанного мной”. Хотя я, например, с ним в этом не согласен. Основоположник есть основоположник, и его достижения невозможно сравнивать с успехами тех, кто шёл после него, им проторенной дорожкой. Но он говорил как истинно большой человек, не знавший зависти.

А как бережно, как нежно рассказывал он о своей тяжёлой атлетике: “Вы посмотрите на юного атлета, когда он подходит к штанге и берёт её в руки — это же всё равно, что смотришь на сцене балет «Спартак»”.

Мы, телевизионщики, остались в долгу перед ним, перед его почитателями. Мы могли бы сделать много прекрасных передач с ним... слушать, слушать его — не сделали, не успели...»

Глава 11

«Заведующему филиалом № 1 ресторана «Масис»
товарищу Амбарцумяну С. И.

На Ваше заявление без даты.

Разъясняю, что в соответствии с постановлением ЦК КП Армении и Совета Министров Армянской ССР от 24 апреля 1970 года за № 224 разрешено предприятиям общественного питания производить закуп у колхозов, совхозов и других государственных хозяйств, а также у населения патиссоны, шпинат, петрушку, укроп, сельдерей, салат и пастернак по ценам, определённым по соглашению сторон».

Это разъяснение, посланное Амбарцумяну заместителем министра торговли, — одна из многих бумаг, с которыми работает теперь Серго Амбарцумян. Патиссоны, шпинат, петрушка... «На Ваше заявление без даты...» — и подчёркнуто. Это что же, значит, он дату забыл поставить?.. Ну и что?.. Разве постановление ЦК КП Армении и Совета Министров зависит от даты его заявления? Эти «укропные» амбиции и проблемы ему немного смешны. Он привык к иным, более «весомым» делам. Вот он поднял, допустим, штангу, какую до него никто в мире не поднимал, — и всё просто и ясно. Но неужели всё это безвозвратно и бесследно ушло?.. Конечно, ушло, — такова жизнь. Она всегда только уходит... Всё же до самых последних дней, до самого конца, когда, казалось, всем грёзам

срок уже вышел, его не оставляла тайная надежда — весь свой богатый, единственный в мире опыт победителя передать кому-нибудь во имя новых блестящих побед, во славу нашей тяжёлой атлетики, во славу державы.

Словом, он мечтал об ученике.

«Ему было уже лет 65, когда он обратился ко мне с просьбой, чтобы я подобрал ему какого-нибудь перспективного парнишку, — вспоминает известный в прошлом штангист, ныне президент Всесоюзной федерации тяжёлой атлетики, Константин Федорович Артемьев. — При этом он был одержим странным, на первый взгляд, но вместе с тем вполне понятным желанием — чтобы парень был малообеспеченным, а ещё лучше — сиротой. Я, говорит, возьму его на полное обеспечение, как сына (а у самого четверо), и буду тренировать... Конечно, содержание шашлычной — это была не “его” работа. Ведь он, живая история нашей тяжёлой атлетики, вынужден был носить этот драгоценный багаж в себе, вместо того чтобы отдать его подрастающим штангистам.

Но так вышло, что все способные ребята были разобраны или не являлись малоимущими. И ничего из этой его затеи не получилось. А он так хотел снова обрести свой шанс. Я знаю, он был бы счастлив, сумею я в этом вопросе ему помочь. Но я оказался бессилён... Впрочем, у него ведь есть собственный сын, но из него сделать штангиста он почему-то не хотел. Вероятно, не видел у него к тому склонности...»

Но дело было не только в отсутствии у Мгера интереса к штанге, а в первую очередь в двойственном отношении Серго к спорту. С одной стороны, он мечтал оказаться полезным тем, кто уже вышел на тяжелоатлетический помост и рвался к победам. С другой — познав в полной мере трагичность и вероломство спортивной системы, хотел во что бы то ни стало сына от спорта уберечь, хотел, чтобы он учился нормально и вовремя, чтобы был уверен в будущем и мог обеспечить свою семью. Спорт же подчас отнимал надежды не только на достойное, но даже на сносное существование. Скольких доблестных в прошлом атлетов он знал теперь одинокими, спившимися, покинутыми всеми их близкими...

Чтобы получить возможно более полную картину жизни Серго в семье и понять, какое место семья занимала в его жизни, я решила однажды собрать вместе как можно больше его родных, близких (всех собрать оказалось нереально, так как многие живут за пределами Армении), и мы стали говорить о нём. Над воспоминаниями клана, естественно, царил она, его Тома: что-то напомним, с кем-то поспорит, а то вдруг так красноречиво промолчит, что сквозь паузу проступит и вся «роковая история» и её к ней отношение.

Поначалу воспоминания шли коряво, с трудом, скучно пробиваясь из долгого умолчания: подбирали слова, отыскивая в памяти самое важное и, вероятно, оценивая мою способность внимать сокровенному и сопереживать. Я же задавала наводящие, будящие и, может быть, иногда провокационные вопросы в надежде собеседников расшевелить. И постепенно все совершенно разговорилось, бурно, весело насыщая ещё недавно тусклое поле беседы жизнью Серго, словно соткали пёстрый семейный ковёр из маленьких историй, реплик и чувств, и он лёг в эту книгу.

Серго, оказывается, был строгим отцом и не разрешал, например, детям гулять допоздна, потому что считал, что они должны рано вставать и, свежие, выпавшиеся, приступать к зарядке и к учёбе.

Тамара Ованесовна: «От нас недалеко был клуб НКВД, и по вечерам там показывали трофейные фильмы. Все товарищи Мгера ходили на них, но Мгеру в это время полагалось уже лежать в кровати — так решил Серго и строго следил за исполнением своего распорядка. Однако Мгер всё же нашёл путь в кино, тот самый, по которому Серго убежал от Яна Спарре, — через кухонное окно. Затем по дереву он спускался во двор и шёл с

ребятами в клуб НКВД. Я жалела его и потому была с ним заодно. Я оставляла окно в кухне неплотно закрытым, чтобы он мог тихо вернуться, никого и, главное, Серго не разбудив. Но уйти и вернуться — это было лишь полдела. Ведь Серго обычно проверял, как дети спят. Так вот была у нас старая кукла Шура — такая большая, почти как ребёнок. Когда Мгер уходил, я эту куклу в его постель укладывала и голову полностью укрывала — будто он, укрывшись с головой, спит. Серго ведь не шёл к самой кровати, так, заглянет в дверь, увидит, что “Мгер” на месте, и уходит. Благодаря мне и Шуре Мгер все трофейные фильмы пересмотрел, и Серго так ничего и не узнал об этом. И о том, между прочим, что “его” дерево тоже было в заговоре против него... Кстати, все деревья на нашей улице благодаря Серго стоят. Однажды, это было несколько лет назад, он позвонил в трест озеленения и попросил, чтобы оттуда привезли к нам саженцы. Спустя какое-то время их привезли, посадили, а Серго поливал их питьевой водой. Его очень ругали за то, что он зря расходует питьевую воду — в Ереване ведь вода дефицит, но он всё равно продолжал это делать, до тех пор пока деревья не выросли. Он вообще очень бережно относился к ним — как к живым существам. А вот как появилось “его” дерево. Рядом с нами должны были строить новый дом, а там росло много деревьев. Так вот перед началом строительства все эти деревья были беспощадно вырваны и брошены. Серго из окна увидел это “побоище”, подозвал к себе одного из рабочих и говорит ему: “Вот тебе десять рублей, я тебя прошу, вон то платановое дерево принеси и посади посередине нашего двора”. Рабочий так и сделал (сам-то Серго по состоянию своего здоровья этого сделать уже не мог). И Серго стал его поливать и меня заставил. Выросло дерево такое большое, красивое, и вышли из него, прямо с корня, ещё четыре ростка. Однажды один наш сосед взял топор и решил эти ростки срезать. Серго опять же с балкона увидел это, всполошился. “Ты что, — кричит, — хочешь делать?” А тот отвечает, что, мол, надо эти ростки вырубить, чтобы дерево вверх поднялось. “Зачем вверх, слушай? Зачем небо закрывать? Пусть дерево вширь раскидывается, как хочет, живёт... И вообще, эти четыре ростка — четверо моих детей, так что не смей их трогать. А большое дерево — это я сам”. — “Да? Интересно, — отвечает сосед, — а где же в таком случае ваша жена?” — “А моя жена и я — это одно целое, и весь двор об этом знает...”»

Итак, он был против того, чтобы Мгер и девочки стали профессиональными спортсменами. «Для себя занимайтесь, пожалуйста, — говорил он им, — но не более того». Но Мгер, не прельстившийся штангой, увлёкся ручным мячом и тайком от отца стал заниматься им всерьёз. Спасало всё то же дерево под кухонным окном. Мгер уже всю игру за сборную Армении, а отец ничего не знал об этом. В курсе, как и в случае с трофейными фильмами, была только мама, хорошо знавшая, что такое тренировка профессионала. Поэтому она неизменно подкладывала сыну лучшие куски мяса (мальчику нужно восстанавливать силы) и дрожала от страха — вдруг Серго «всё узнает»...

Узнал Серго лишь тогда, когда Мгер уже стал капитаном сборной республики. Тамара Ованесовна решила наконец-то привести его на какой-то турнир сына, надеясь, что Серго, великий любитель сюрпризов, будет покорён столь внезапным и, как она надеялась, победным открытием. Кстати, сюрприз оказался двойным — в команде Мгера никто не знал, что он — сын знаменитого Серго Амбарцумяна, фамилия-то достаточно распространённая. А Мгер (из скромности? из гордости?) никогда об отце в команде не говорил. Так что, когда Серго со своей Томой появился в зале и, как в греческой трагедии, выяснилось, что Мгер — сын «знатного» отца, и игроки и зрители были «в экстазе». Команда Мгера тогда выиграла, да и сам он весьма отличился в матче — может быть, из-за присутствия отца? Тамара Ованесовна поначалу с опаской ждала грозы, но Серго и не думал сердиться — сюрприз вполне удался. Гордость за сына владела Серго, и он даже

загорелся идеей подтянуть сына по физической подготовке. Но этот порыв оказался роковым и чуть не поспорил его с сыном и одной из дочерей — Софик.

Дело в том, что рослая, физически сильная Софик (вся в отца!) тоже «понемногу» занималась спортом — волейболом. И в тот момент, когда состоялся сюрприз Мгера, играла за молодёжную сборную Армении. Так что Серго решил заниматься общей физической подготовкой с ними обоими вместе.

Софик: «Всё началось с зарядки. “Вы разве спортсмены? — гремел папа на всю нашу квартиру. — Дрыхнете до 9 часов, о зарядке и речи нет. Вот я из вас людей сделаю! Будете вставать в 6 часов утра и делать такую зарядку, какую делал раньше я”. И он вплотную взялся за нас. Он поднимал нас ровно в 6.00 и, заспанных, мрачных, выводил во двор, оттуда на кросс. Отец садился за руль и неторопливо ехал, а мы в спортивной форме бежали рядом. Он строго следил за тем, чтобы мы не отставали. Так мы бежали до сквера Абовяна, где он нас быстро подсаживал в машину, и мы мчались к монументу в Парк Победы. И вот там-то он начинал проводить с нами свою зарядку — на все группы мышц! Мы делали гимнастические упражнения, прыжки, многоскоки, толкали камни вместо ядра. После этой зверской зарядки мы приезжали еле живые домой, где нас непременно ждал горячий бифштекс — это был мамин участок в деле “превращения нас в людей”...

Дней 12 мы с Мгером выдерживали эту нагрузку. Но потом, едва после завтрака отец уезжал на работу, мы бросались спать (учились во 2-ю смену) и спали до обеда. Как-то однажды, что-то дома забыв, отец вернулся и увидел “это безобразие”. Заспанных и тёпленьких, он вытащил нас из-под одеял и с великим чувством отругал. Он сказал, что мы последние сволочи, а не спортсмены. И раз не могли такой маленькой нагрузки выдержать, он не будет нас больше тренировать. И не стал».

Мгер: «Это тогда его зарядка казалась непереносимой, но несколько лет спустя она как бы проросла во мне. Я понял, что без неё, без общефизического фундамента в спорте далеко не уедешь, и вскоре уже сам стал делать мощную утреннюю разминку, бегать кроссы, словом, всё так, как он нас учил».

Но главное расхождение Мгера с отцом произошло не по поводу зарядки, а из-за того, что Мгер собрался уехать из Еревана в Москву. Его пригласили играть за команду ЦСКА, и для него как для спортсмена это было прекрасной перспективой. Но отец был категорически против такого развития событий и снова встал между Мгером и профессиональным спортом. Он твердил о надёжной экономической платформе, о нормальном заработке и о «разбитом корыте», у которого Мгер неизменно окажется после всех своих спортивных побед.

Но Мгер не внял его предупреждениям (часто ли дети могут воспользоваться опытом отцов?) — уехал. И отец перестал с ним разговаривать. Эта ссора длилась больше года. За то время Мгер ни разу не приезжал в Ереван, и можно себе представить муки Тамары Ованесовны, оказавшейся меж двух огней. Она тайно общалась с сыном по телефону, но боже упаси, чтобы Серго узнал об этих разговорах! Не говорить же вовсе с Мгером она не могла.

В то время как Мгер играл за сборную ЦСКА по ручному мячу, я выступала за ту же команду по фехтованию. Мы часто тренировались в одно и то же время в соседних залах ЦСКА и в перерывах между тренировками болтали между собой. И однажды Мгер вдруг стал рассказывать мне о своём отце.

В то время я поступила на факультет журналистики МГУ, уже пробовала понемногу своё перо на коллегих-фехтовальщицах, и Мгер «прозрачно» мне намекнул, имея в виду отца, о том, какой интересный сюжет я упускаю. А я и не собиралась упускать. С первых же его слов об отце я уловила и ток его личности, и уникальность и фатальность судьбы. Однако жизнь азартно и путано звала меня вперёд, и, отвлекаясь на её посулы, я думала:

«Какое мне дело до штанги? С какой вообще стороны к ней подступить?!» Никогда, откладывая работу, не понимаешь, что можешь опоздать, — и опаздываешь...

...Они помирились — Мгер и его отец, когда случилось то, после чего находиться в ссоре было уже немислимо.

Рано утром Мгер позвонил домой из Москвы, сняла трубку Тамара Ованесовна и услышала, что у него родился сын.

Тамара Ованесовна: «Что тут началось! Как мы смеялись, Серго кричал “ура!”. А через некоторое время Мгер позвонил снова и говорит: “Я хочу назвать сына Серго. Не Саркисом, а именно Серго... папа согласен?” А папа двумя руками согласен. Вот после этого они и помирились, хотя Мгер так и остался жить в Москве...»

Мгер: «Отец — это, по существу, моя школа. Школа жизни. Хотя я его всегда очень стеснялся, меня его известность смущала. Он очень любил меня, своего единственного сына, но при этом был строг со мной. Может быть, поэтому я ни разу не обратился к нему ни с одной просьбой... Кстати, с сёстрами он был менее строг, я же был — особая статья, из меня он хотел воспитать мужчину.

В сущности, он занимался со мной урывками, ибо моё детство пришлось как раз на его чёрную хандру, когда после всеобщего почитания он вдруг оказался у того самого “корыта”, которого потом так боялся для меня. В те “чёрные” дни, когда им овладевала тоска, я был предоставлен сам себе, потому что и маме было не до меня — в такие моменты она занималась только им. Ну а меня воспитывала улица. Ничего плохого в этом, однако, не было. Улица была в меру жестока, но справедлива. И ставила всех на свои места... Бандиты? Да, мы слышали, что такие люди есть, но наша компания с ними как-то не встречалась.

Улица давала как нравственные уроки — о дружбе, любви, чести, предательстве, — так и настоящую физическую закалку: мы играли в футбол, всевозможные игры на ловкость, меткость, сообразительность... Это были естественные, народные игры, сейчас, к сожалению, забытые. И у моих детей (которые выросли в Москве), к сожалению, уже всего этого нет, и, по-моему, они очень много теряют, оттого что не прошли “улицу” и растут в тепличных условиях, у телевизора. Правда, улица теперь другая, вот жена боится наших детей туда пускать, её тревожат постоянные слухи о бандитах...

Но когда отцу удавалось выбраться из своей депрессии, он начинал заниматься мной. Это он выучил меня водить машину. Профессиональный водитель, он заставил меня пройти его водительский курс, который отличался от обычного. Он, например, очень долго не подпускал меня к рулю. А началось моё обучение с мытья машины, затем он заставлял меня чистить все детали, подробно разбираясь в каждой. Это его “учение” тогда казалось мне ужасно нудным, лишним, но теперь-то я понимаю, что оно было необходимо, и благодарен ему за него. Я теперь чувствую себя за рулём совершенно свободно, раскованно, радостно. Он привил мне свой стиль езды — стиль абсолютной безопасности, лёгкости, без всякого зажима и шараханья.

Отец же приобщил меня к музыке. То есть он не учил меня играть, не проходил со мной нотную грамоту. Но я с детства видел, как он садился за пианино, подбирал свои любимые мелодии, и, будучи ещё совсем маленьким — лет четырёх, тоже начал подбирать — сначала его любимое, потом — своё.

Но самые ранние воспоминания об отце — о том, как он учил меня переходить улицу. Он зубрил это со мной без конца: “Переходя улицу, сначала посмотри налево, потом направо”. Я слышал от него это десятки, сотни раз. Идём мы с ним, например, на футбол, и сколько раз переходим улицу, столько раз он мне это повторяет и заставляет повторять меня».

Сусанна: «То же самое было и со мной. И с разучиванием перехода улиц. И с зарядкой. Отвергая спорт для нас как профессию, папа хотел, чтобы мы занимались им для себя, чтобы росли крепкими, подтянутыми, решительными, а я была полной противоположностью такому образу. Поэтому папа круто взялся за меня, примерно когда я училась во втором классе. Папа почему-то считал, что более всего я подхожу для метания диска, и начал заниматься этим со мной у нас во дворе. Он так терпеливо со мной возился, изо дня в день, но у меня ничего не получалось. У меня не оказалось ни реакции, ни координации, ни решительности, и, по всей видимости, спорт и я просто несовместимы. Но папа всё же долго мучился со мной, до тех пор пока не понял, что это безнадежно. Позже я пробовала себя в баскетболе, в большом теннисе, но — с тем же успехом.

Помню, однажды, я тогда училась в первом классе, папа взял меня с собой на парад физкультурников. Он шёл со знаменем по площади, и рядом с ним гордо семенила я. Пожалуй, это так и осталось моим самым большим достижением в спорте...

Вообще, папа очень много нами занимался. Часто бывает так, что дети знаменитых родителей видят их лишь по телевизору да на страницах газет. У нас всё было иначе. Я так привыкла к постоянному общению с отцом, что пойти без него в университет на вступительные экзамены было для меня трагедией. Хотя в школе я училась только на “хорошо” и “отлично”. Если он не шёл со мной на экзамен — ну, мало ли, занят, заболел, — меня страшно лихорадило, и я едва могла сказать что-то вразумительное. Когда же он был со мной, я на крыльях первая влетала в аудиторию и с ходу отвечала на любой вопрос. Его присутствие действовало на меня магически.

А когда я замуж выходила, папа и тут руководил мной. Он велел мне затвердить две заповеди: первая — чтобы я и мой будущий муж все наши внутренние проблемы решали сами и никогда бы не выносили сор из избы. Вторая — чтобы я никогда не давала повода для ревности».

«Хм», — сказала тут Тамара Ованесовна и замолчала. Я осторожно спросила: «Что — “хм”?» — «А то, что сам такой ревнивый был и такой совет давал...»

«Потому и давал, — мягко вставил Владимир Ильич, племянник Серго Искандаровича, — знал, что такое ревность, и не хотел, чтобы зять напрасно мучился».

«Это что же, выходит, я Серго мучила? Я никогда ему повода для ревности не давала. Но стоило кому-то ко мне только подойти, и он начинал злиться, я не виновата...»

«Конечно, не виновата, разве кто-нибудь в этом сомневается?»

«То-то же», — смеётся Тамара Ованесовна.

Сусанна: «С самого раннего детства я помню присутствие папы во всех наших делах и развлечениях. Всё начиналось с мытья шей и ушей. Каждое утро он следил за тем, чтобы эта процедура была тщательно проделана всеми нами без исключения. Он заставлял каждого из нас составлять свой режим дня и потом строго соблюдать его. А в неделю раз подводил итог наших занятий в школе, а также устраивал домашние концерты, на которых все мы, его дети, должны были выступить с каким-нибудь стихотворением или песенкой. Мы были застенчивыми детьми, и этими концертами папа хотел расшатать нашу застенчивость, приучить держаться на публике. Как артисты в зал, мы выходили из одной комнаты в другую и выступали каждый со своей программой. Я обычно жутко волновалась и надеялась “замотать” свой выход, но папа никогда не оставлял мне такой возможности. И ещё мне запомнилось, как однажды Мгер песенку про медведя пел и при этом так смешно изображал медведя, что все мы покатывались со смеху. И больше всех, конечно, папа...

Но совсем особенно у нас проходили праздники. Например, второго мая все наши родственники обычно собирались у нас, затем набивались в папину машину, нас, детей,

штабелями укладывали в багажник, он, конечно, не закрывался, и так, с открытым багажником — где, кроме нас, лежала всякая снедь, баран, а также наша “музыка” (патефон), — мы выезжали за город и устраивали там пикник. Это называлось маёвкой. Мы жарили шашлык, ели, пили, веселились, и люди из других компаний, завидев папу, подсаживались к нам. Папа не скупился на праздничную снедь. Естественно, когда материальные дела семьи поправились, это не стоило особых усилий. Но и в трудные времена, если у нас водилась хоть какая-то копейка — всё бросалось на праздник. Если не хватало — можно было и занять. Папа не любил откладывать деньги на чёрный день. Во-первых, это бы означало, что такой день вновь наступит. А во-вторых... Ну просто он обожал шик. А думать о том, что будет завтра, предпочитал завтра...

Но главным праздником был, конечно, Новый год. И папа загодя тщательно к нему готовился. Во-первых, у нас в доме должна была стоять самая большая ёлка — до потолка. И огромный, во всю квартиру, уставленный всевозможными угощениями стол. (Обязательно поросёнок, специальные индюшки, осетрина.) Папа любил обильный новогодний стол и очень нервничал, если, например, блюда подавались не в том порядке, как он предполагал. А предполагал он всегда так, чтобы доставить наибольшее удовольствие гостю».

И тут я вспомнила, как Артемьев рассказывал мне о своём приезде в Ереван и о встрече с Амбарцумяном. «Он мне говорит: “Костя, давай собери ребят, и махнём в ресторан”. Собрал я всех, кого он хотел, и мы пошли. Заказали всё, как положено, но когда наш заказ принесли, Серго вдруг вспыл и велел всё унести обратно. Я, честно говоря, не понял, что там оказалось не так, но ему, конечно, было видней. Затем он пошёл на кухню и выбрал там всё заново, и началось знаменитое амбарцумяновское застолье. Он так красиво, так весело и разнообразно вёл стол, что мы сидели как в театре. И в то же время чувствовали себя главными действующими лицами “спектакля” — так он умел принимать гостей!»

Он любил, чтобы в праздники все веселились и дурачились, чтобы были кутежи с фантазией и сюрпризами.

Однажды, например, он решил нагреть на Новый год к сестре в Баку, без предупреждения.

Тамара Ованесовна: «Накупили мы всякой всячины — бочонок вина, барана, лаваш, сыр и четвером — я, Серго, его дядька и тётка — сели в поезд и поехали. Серго вообще любил ездить поездом: сидишь, пьёшь, ешь, анекдоты рассказываешь. Куда бы ни ехали — вокруг него всегда со всех вагонов народ собирался — кто просто на него посмотреть, послушать, кто в нарды поиграть...

И вот приезжаем мы в Баку 31-го утром. Но Серго не позволяет нам сразу идти к родственникам. До Нового года, говорит, ещё целый день. Какой же это будет сюрприз, если мы придём к ним с утра? Мы должны явиться не раньше, чем за 5 минут до Нового года. И повёл нас в привокзальный ресторан. Сидим, сидим, пьём, едим, а день такой длинный и никак не кончается... Вышли из ресторана, погуляли (вещи у одного знакомого оставили), снова вернулись в ресторан... Наконец, в начале двенадцатого Серго договорился с шофёром какого-то фургончика, и мы поехали к родным. Сначала Серго захотел явиться к сестре, хотя бакинский дядька его такой, что если не придёшь к нему первому, он смертельно обидится и разговаривать с тобой перестанет. Но Серго если что задумал, его не собьёшь: направились мы к его сестре Анюте. И вот приблизительно без десяти двенадцать подходим с вещами к её крыльцу, но Серго в дом нас не пускает, и через дверное стекло мы видим, как они там хлопчут у стола, слышим, как Анюта говорит мужу: “Ну, Илья, давай, садись”. И тут Серго, набрав воздуха в лёгкие, как затынет

старинную армянскую песню. Анята востепенулась, вскрикнула: “Вай, это голос моего брата!” — а муж смеётся: “Ты с ума не сходи, 12 часов ночи, откуда ему тут взяться?”

Мы их так близко видим, а они нас — нет, и это нас, конечно, очень веселит. На минуту Серго перестаёт петь, так как его душит смех. Но потом снова затягивает свою песню, только ещё громче, ещё протяжней. И тогда Анята со словами: “Ну это же мой брат, я же слышу!” — выскакивает на крыльцо. А Серго как ни в чём не бывало: “Здравствуйте, с Новым годом!” И началось: все обнимаются, хохочут, поют! А потом Серго и говорит: “Надо теперь дядьку уважить. Имейте в виду, мы у вас не были, и вы нас не видели. Сейчас мы двинемся к дяде Грише — как будто к нему первому — он ведь самый старший. А от него уже вместе с ним заявимся к вам, будто в первый раз”.

И вот, оставив кое-какие вещи у Аняты, мы направляемся к дядьке, а он уже всюду кутит. Он так опешил, увидев нас, что несколько секунд слова вымолвить не мог. А потом как кинется нас обнимать, целовать, здорово, говорит, вы это придумали! А Серго тут и говорит: “Ну вот, мы вас первых навестили, а теперь давайте нагрянем к Аняте”. Дядька был очень доволен, что мы “сначала” явились к нему. И теперь вместе с ним, с тёткой и со всей их компанией двинулись к Аняте. Так что наша уловка вполне удалась: и к дядьке, и к Аняте мы ухитрились явиться “в первую очередь”...

Он так любил всякие розыгрыши! Вот ещё случай.

Каждый год на протяжении многих лет мы отдыхали с Серго в Сочи. Мы брали с собой по возможности всех своих детей и внуков — и из Еревана, и из Москвы — и всем коллективом отправлялись на море. Серго говорил нам: “Имейте в виду: год вы должны работать, учиться изо всех сил, но раз в году один месяц — какая бы ни была неотложная работа — нужно обязательно отдыхать, и непременно на море”.

На пляже у Амбарцумянов был целый аэрарий — топчанов 10. Сразу после завтрака они шли на море и оставались там до обеда. Как обычно, вокруг Серго масса народу — и он непрерывно всех веселит — шутки, байки, анекдоты рассказывает, песни поёт, в шахматы играет. Через несколько дней после приезда Амбарцумянов в Сочи его уже вся округа знала, люди с других пляжей специально приходили и приезжали к нему, чтобы поиграть в шахматы. Время от времени он даже настоящие турниры устраивал — с предварительными соревнованиями, финалом и призами. У него ведь разряд по шахматам был. А в перерывах между играми делал показательные заплывы. И тут начиналась забава для детей. Все дети на пляже знали: раз дядя Серго пошёл в воду, значит, вскоре они увидят кита. Нырять, он уходил глубоко по воду, затем выплывал далеко от места погружения, набирая в рот воды, переворачивался на спину и делал огромный фонтан — как у кита. Если, увлечшись шахматами, он долго не шёл купаться, пляжная детвора сговаривалась с его внуками, дети окружали его и начинали тянуть за руки: «Дядя Серго, покажите кита-а-а-а!..»

А если Амбарцумяны вдруг долго не появлялись на пляже, то потом люди встречали его словами: «Серго Искандарович, где же вы были? Без вас так скучно...»

И вот однажды приходят они на пляж после перерыва, а им говорят: «Вы знаете, теперь рядом с вами на пляже отдыхает Сличенко». Серго, любивший цыганскую музыку, этому соседству весьма обрадовался. И только они расположились со своими топчанами, он как затянет на весь пляж: «Очи чёр-ны-е-е-е, очи страстны-е-е...» А тут как раз был заезд отдыхающих, и один из этих бледнокожих новичков, не зная, кто такой Серго, но уже прослышав о приезде Сличенко, сказал другому: «Это Сличенко». И, показывая на Серго пальцами, они возбуждённо передавали другим: «Сличенко... Сличенко...»

Воодушевленный вниманием «своих» поклонников, а также возможностью примерить славу артиста, Серго с великим чувством и сложными голосовыми завихрениями тянул на весь берег: «О-очи жгучие и пре-е-кра-ас-ные!..» И в этот самый

момент к ним подошёл Сличенко — невысокого роста, миниатюрный (с ним ещё был его скрипач). Но никто не обращал на него внимания — все были поглощены пением Серго. Лишь один паренёк, бесцеремонно ткнув его в плечо, сказал ему: «Знаешь, кто это поёт? Сличенко!» Тот, конечно, удивился. Так Амбарцумяны познакомились со Сличенко. И потом весь пляж долго смеялся, когда обнаружилась эта «маленькая путаница». Надо было видеть их рядом, когда, познакомившись, они потом не раз играли в шахматы: огромного тучного Серго и миниатюрного Сличенко — как можно было их спутать?!

Гаяне, племянница: «Внешне бесшабашный, заводной, дядя Серго всегда чутко реагировал на состояние другого. Когда я с ним разговаривала, у меня комок в горле стоял — так он всё понимал. С ним невозможно было не то чтобы фальшивить, но даже умолчать о чём-то. И ещё он давал невероятный прилив энергии. В разговоре с ним пропадали все отрицательные ощущения — дискомфорта, обиды, тоски, казалось, что всё плохое непременно пройдёт, и ты очередной раз выплывешь...»

Милена, внучка: «Дедушка называл меня милашкой и очень любил, когда я делала “полтора глаза”. Однажды папа сфотографировал меня в такой момент, и дедушка потом всё смотрел на это фото и смеялся.

— А как это ты делала полтора глаза?

— Не помню... А ещё я очень любила, когда дедушка подпевал телевизору или сам играл на пианино и пел...»

Софик: «Папа очень любил своих внуков (их у него девять). И Миленку нашу обожал, хотя она его ещё до рождения “обманула”: папа был почему-то уверен, что у меня будет мальчик. Когда я ещё носила Миленку, папа с мамой были в Москве и как-то, когда они пошли в “Детский мир”, папа сказал: “Сейчас купим всё, что нужно для мальчика”. И купили. А когда я родила (это случилось рано утром), мой муж Тёма пришёл к моим. И как только появился в дверях, отец быстро спросил его: “Ну что?” — “Дочка”. Тогда отец вскочил с места, пожал ему руку и говорит: “Ничего, сынок... Я поздравляю тебя”».

Он так радовался подрастающим внукам. И вдруг умирает первая дочь Мгера — Кристина. Ей было всего пять лет, когда у неё обнаружилось неизлечимое заболевание крови. Мгер с семьёй жил тогда в Венгрии, а хоронить девочку привезли в Москву. Как он пережил эту трагедию, как пережила вся семья, представить невозможно...

Теперь у Мгера три сына и дочь Вика, самая младшая из внуков Серго — всеобщая любимица. Вика никогда не видела деда — не застала. Но хорошо знает его, знает всю его историю, а также то, что она, Вика, — вся в него. То есть она, конечно, и на папу с мамой похожа — её глаза, например, полны лукавых и весёлых искорок, как у папы Мгера. Но такая общительная, крупная, сильная — для своих семи лет она, понятно, в дедушку Серго.

...«Она по-прежнему меня любит. Иди сюда, друг мой, иди сюда, дай мне обнять тебя, я задыхаюсь от счастья!

И оба друга пустились плясать вокруг почтенного Иоанна Златоуста, храбро топчя рассыпавшиеся по полу листы диссертации.

В эту минуту вошёл Базен, неся шпинат и яичницу.

— Баги, несчастный! — вскричал Арамис, швыряя ему в лицо свою скуфейку. — Ступай туда, откуда пришёл, унеси эти отвратительные овощи и гнусную яичницу. Спроси шпигованного зайца, жирного каплуна, жаркое из баранины с чесноком и четыре бутылки старого бургундского...»

— Всё, стоп! — говорил Серго в таких или подобных местах. Он вообще очень любил читать, но на склоне лет, когда стал плохо видеть, обожал, чтобы вечером кто-нибудь из детей или внуков читал ему в кругу семьи вслух какой-нибудь из романов Дюма. Такие семейные чтения могли длиться часами, но лишь до тех пор, пока нить интриги не заворачивала к трапезе. Серго, по-детски сопереживавший героям Дюма, в таких местах сопереживал столь сильно, что должен был немедленно сесть за стол. Книга закладывалась закладкой, и Серго говорил сакраментальную фразу: «Тома! Накрывай!» Причём на столе должно было быть приблизительно то же, что и у героев Дюма.

Допустим, в «Трёх мушкетерах» сказано: «Спроси шпигованного зайца, жирного каплуна, жаркое из баранины с чесноком и четыре бутылки старого бургундского». Что похожего можно соорудить в нашей действительности? Если есть какое-нибудь мясо или курица, Тамара Ованесовна нашпигует их. Баранина? Нет ничего проще, чем сделать жаркое из баранины, что же до старого бургундского, то хорошее армянское вино или армянский коньяк, с точки зрения Серго, ничуть не хуже. А если в романе подают изысканнейшим образом приготовленную осетрину, Мгера срочно посылают в магазин за селёдкой.

Глава 12

Оказавшись не у дел, точнее, не у интересующих его дел, Серго Искандарович решил немного попутешествовать. Причём не столько чтобы самому мир посмотреть — он-то немного поездил, сколько чтобы показать его своей Томе. Впрочем, много ли он видел сам? Спортзалы да отели — вот и вся заграница: до соревнований ходить никуда нельзя — чтобы не растратить сил попусту, а после — сразу отправляют домой. К тому же спортзалы и гостиницы на Западе так похожи, что создаётся впечатление, будто ты всё время находишься в одной и той же стране, только на разных турнирах.

И вот теперь, на досуге (если невозможность найти себя в этой жизни назвать досугом), можно наконец-то свободно поехать, посмотреть мир не стреноженным начальственными запретами. Впрочем, многолетние запреты подчас так впечатываются в сознание, что уже становятся как бы тобою выношенными, осознанными, и ты уже не можешь воспользоваться внезапно открывшейся свободой — не хочешь. Так многие люди, до сих пор не решаются откровенно говорить по телефону о политике, отделиваясь туманными «сами знаете», «поговорим при встрече»... Так Серго, приехав в Монте-Карло, не захотел зайти — просто посмотреть — в игорный дом и попытаться запретить это Томе. Но Тома, хотя и своего времени и режима человек, но всё же, как домашняя хозяйка не жившая под столь сильным призором властей, как Серго, отказаться взглянуть на игорное действо не захотела.

Но прежде о Париже. Больше всего Серго хотел свозить Тому в Париж. И в 1973 году эта его мечта сбылась.

Где только они не были! Обошли все достопримечательности Парижа — Лувр, Версаль, просто много гуляли по Парижу и кутили на бесконечных банкетах, которые устраивали там в честь Серго. А потом из Парижа поехали в Марсель и оттуда — в Монте-Карло, в гости к одному знакомому армянину — Григору, у которого в 35 километрах от Монте-Карло в местечке Драгиня была чудесная вилла, показавшаяся им дворцом: для гостей отдельные спальни с ванной, и туалетом — три таких комплекта, так что живёшь в гостях как в отдельной квартире. А внизу — подсобное хозяйство и оборудованный по последнему слову техники гараж: кнопку нажимаешь, дверь поднимается, и можно въезжать. («Мы у себя дома во дворе хотели такой же сделать, привезли всё, что нужно

для этой конструкции, — всевозможные рамы, детали, но, конечно, ничего у нас сделать не удалось...») А наверху, вокруг всей виллы веранда, обсаженная большими, как деревья, кустами роз, и розы необыкновенно красивые и большие, как подсолнухи. Каждая сторона веранды обставлена оригинальной плетёной мебелью, и всякий раз они завтракали, обедали или ужинали на разных её сторонах.

Такое раздолье, такая роскошь были для Амбарцумянов сказочно необычны. Но, может быть, не вполне. Ибо хотя их собственное существование, со всеми детьми и внуками, было экономно втиснуто в две маленькие комнатушки, в Томе, в её сознании таилась, дремала жизнь её семьи в «доисторические» — дореволюционные — времена, о которой ей рассказывал отец. И сейчас, у Григора, эта жизнь словно бы очнулась в ней. Там тоже были отдельные спальни, просторные покои для заморских гостей, и, словом, весь этот струящийся, прохладный шёлк красивой жизни. Так что Тома не чувствовала себя здесь неровней. Что же до Серго, то ему, как триумфатору, «шёл» любой шик, любая просторность.

Каждый день Григор вывозил их куда-нибудь, чаще всего — в Монте-Карло.

...Въезжаешь в Монте-Карло: с одной стороны шоссеиной дороги песчаный пляж, с другой — отели. А народу на пляже совсем мало, не то что у нас, допустим, в Сочи, где всё побережье обычно бывало устелено телами отдыхающих. Тома даже спросила Григора: а где же отдыхающие? Но он сказал, что простые люди здесь не бывают, в основном миллионеры и миллиардеры, и у них в отелях есть где принимать солнечные ванны... Въезжаешь в Монте-Карло — и какая же там красота! Маленькие белые скалы покрыты нежными сиреневыми цветами, и в них утопают отели, виллы, рестораны... А море синее-синее — не такое, как у нас, и по нему разбросаны разной величины яхты. И все кажутся такими новенькими, свеженькими. Как-то им показали яхту Шарля Азнавура, названную «Саят-Нова». Тома прочитала родное название, и так тепло стало на душе. Они смотрели на яхту с берега, и было видно, что палуба у неё жёлтая и чисто вымытая, прямо на палубе загорают три девушки, а самого Шарля Азнавура, как им сказали, в тот момент в городе не было...

Как-то подвёз их Григор к какому-то игорному дому и говорит: «Серго, может, хочешь рулетку покрутить?» А Серго: «Нет, что ты! Меня ведь сразу в газету зарисуют...» Тома же сказала, что обязательно должна попробовать поиграть. Серго тут страшно рассердился, сиди, говорит, нечего тебе там делать. Но ей уже не сидится. Как же, думает, так — быть в Монте-Карло и не сыграть в рулетку! Выскочила она из машины и с разбегу влетела в «подозрительный» дом. Там несколько дверей... винтовая лестница... маленький вестибюльчик и... наконец, игорный зал, стоят какие-то автоматы, аппараты. Тома смущённо огляделась — куда же идти? Серго, Григор и его жена остались в машине. Григор хотел было пойти за ней, но Серго не разрешил. «Раз не слушается, пусть сама выкручивается». «Не помню, в какую сторону я пошла, вдруг вижу длинный-длинный стол, а рядом овальный, за ним сидят мужчины и женщины, молодые и пожилые, и среди них старик с указкой. А посередине стола эта самая вертушка. Я, конечно, понятия не имею, что делать, а спросить ни у кого не могу — языка не знаю. Смотрю, все деньги на стол кладут — а по сколько кладут, не понимаю. У меня была пятидесятифранковая бумажка, так я её тоже выложила и стала у свободного стула — сесть я не решилась. Как только я деньги на стол положила, старик с указкой дал мне какой-то жетон с цифрой 16. И тогда я захотела крутануть рулетку и уже потянулась к ней рукой, но человек с указкой опередил меня. Тут люди за столом стали улыбаться и что-то мне говорить. Но так как я ничего решительно не понимала — что говорят: кто выиграл? кто проиграл? — а объяснить мне было некому, я, ещё раз на прощанье оглядев весь зал, выбежала в вестибюль, а оттуда — на улицу. Подхожу вся раскрасневшаяся к машине, а Григор

спрашивает меня: “Ну что, Тамара, выиграла миллион?” А я отвечаю: “Нет, мне не повезло, но это стоит миллиона”. Серго же только посмотрел на меня строго и ни слова не сказал. Тогда Григор, чтобы разрядить обстановку, и говорит: “А теперь поедем куда-нибудь закусить. Поедем в Италию?” В первый раз, когда он так сказал, я думала, он шутит. У нас разве можно поехать закусить в другую страну? А там запросто. Мы уже ездили и в Италию, и в Монако. Но в этот раз решили остаться в Монте-Карло. Хотя Серго это и не очень понравилось. Там везде такие маленькие забегаловки, вроде кафе, но подают в них только рыбное или молочное, а мясного не бывает. Мясное только в ресторанах. Но в ресторанах всё так дорого, что Григор сказал: “Мы не сможем”. А я к тому же только что выбросила 50 франков, о чём, кстати, ни капельки не жалела.

“Ну ладно, — сказал Серго, — посмотрим, что дают в ваших забегаловках”.

Отсутствие мяса было для него не то чтобы трагедией, но... маленькой потерей. А может быть, и не маленькой... К тому же он так любил шик, а тут вдруг “не сможем”... Ну ладно, заходим в одно из таких заведений, садимся. “Что вы будете есть?” — спрашивает Григор. Я говорю, ну что-нибудь, мы же не знаем, что у них тут самое лучшее. А Серго вообще молчит, хотя обычно он молчать не любит. “А как насчёт форели?” — спрашивает Григор. “Настоящая?!” — спрашиваю я, и Серго тоже оживляется — у нас ведь теперь форели не найдёшь. И вот принесли нам форель — красивые такие серебряные рыбки с чёрными точечками, всё как полагается. Правда, ничего спиртного там тоже нет, а без спиртного закусывать с друзьями Серго тоже не любит, хоть бы рюмочку коньяку... Но — нет так нет. И принялись мы за форель. Попробовали — ничего похожего! Я говорю: разве это форель? Григор отвечает: конечно, форель, просто вы, наверное, забыли, какая она. Я забыла? У нашей севанской форели мясо красное и без косточек — только хребет. А вкусная! А тут мясо белое, обыкновенное и с косточками — как у сига. Стало быть, у них такая форель... Доели мы её кое-как и поехали домой ужинать...»

Читатель, может быть, решит, что в книге слишком много места уделено еде, но я в данном случае иду на поводу у своего героя. Сознательно. Ибо лучше так, чем наоборот — в смысле достоверности. А достоверность, полагаю, заключается в том, что Серго, всегда бывший тонким ценителем еды, с годами стал уделять трапезе тем большее место, что главное его дело — любимое, из его жизни ушло, и трапеза как бы стала захватывать освободившееся пространство.

Эта его склонность проецируется, естественно, и на воспоминания родных. Поэтому когда Тамара Ованесовна вспоминает, допустим, об их зарубежных турне, не последнее место в этих воспоминаниях занимает меню всевозможных застолий. И среди примет «заморских стран» явно выступают подробности еды — где, когда, что и при каких обстоятельствах «кушали» — подробности, которые, скажем, другой человек, путешествующий не с Серго, скорей всего и не заметил бы. Разве попалось бы что-нибудь уж очень экзотическое.

Вот, допустим, следующий эпизод — «эпизод из жизни Серго, человека широкой натуры, с Кавказа», которому недоступны расчёты и бережливость равнинных людей.

Как-то у Григора за завтраком осталась недопитой бутылка минеральной (примерно граммов сто). Дома Амбарцумяны такую малость вылили бы, а жена Григора к обеду снова выставила. Пока Григор и жена замешкались где-то на кухне, Серго Томе говорит: «Быстро это унеси и принеси полную». Тома так и сделала. Она надеялась, что, может быть, недопитая бутылка случайно на стол попала. А Григор через некоторое время её снова принёс и опять куда-то вышел.

Следующий ход Серго — он велит Томе злополучный остаток вылить, чтобы они не смогли его опять поставить на стол. Тома вылила. А после, когда уже все сели за стол,

Григор смущённо говорит: «Знаете, мы вас сначала не поняли, думали, вы случайно эту бутылку вынесли».

Вы нас извините и берите сами, что и сколько хотите, — нам для вас ничего не жалко. Просто у нас не принято ничего выбрасывать». А Тома засмеялась и сказала что-то вроде того, что вот если бы наш советский народ был так бережлив, мы бы такие богатые были, о-о-о!..

А потом они поехали к другим знакомым, в Марсель. Поездом. И, конечно, набрали с собой всякой еды. Потому что ехать в поезде и есть — это для Серго совсем особенное удовольствие. В поезде, конечно, буфет есть, но зачем же им буфет, если всё необходимое с собой? Да ещё хозяйка курочку в дорогу зажарила... И вот едут они в купе на 6 человек. Не проходит и часа, как Серго говорит: «Давай, пожалуй, покушаем». — «Неудобно, — противится Тома, — смотри, никто же не кушает». — «Но что же делать, если очень кушать хочется?» А из их сумок, между прочим, так аппетитно пахнет! В общем, вытащили они один из своих сувениров — чеканку, положили себе на колени (сидели друг против друга) — получился стол. Постелила Тома салфеточку и стала накрывать — икра, ветчина, колбасы всякие, огурцы, помидоры, курочка жареная и, конечно же, армянский коньяк — без него они не ездили. Пассажиры сидят, во все глаза на них смотрят. Томе от этих взглядов, конечно, страшно неудобно, но что же делать, если Серго есть хочет... Рядом с ней сидела пожилая дама, чопорная такая, в клетчатой блузе и с «бабочкой» на шее. Как только Тома стала запасы доставать, она нос сморщила, да так, что у неё даже «бабочка» вбок поехала, и попросила Тому пропустить её выйти из купе. Тома пропустила, а Серго поглядел ей вслед и говорит: «Сейчас все выйдут». Но все не вышли. Ещё один мужчина, правда, последовал за клетчатой старухой, а двое — муж и жена — остались. И, между прочим, тоже стали что-то там закусывать.

И вот едут, пьют, едят. Тихо так, не торопясь — как любит Серго. При этом он угощает, конечно, и соседей. Но так как языка не знает, то отдельно втолковывает: «Конь-як, конь-як, Ар-ме-ни-я». В общем, уговорил, напоил, и они сразу повеселели и даже стали петь. А купе в том поезде, между прочим, стеклянное. Так что четверо пируют, а другие пассажиры по очереди подходят к купе и смотрят на них. В какой-то момент Тома снова говорит Серго: «Слушай, неудобно как-то...» А он смеётся: «Что мы такое делаем, чтобы стыдиться? Отдыхаем, да?..»

В 1977 году Серго едет в Штутгарт на чемпионат мира по тяжёлой атлетике. И хотя он присутствует на нём лишь в качестве почётного гостя, на какое-то мгновение ему удаётся вновь ощутить себя в центре того удивительного и, казалось, уже недостижимого мира самых сильных, «железных» людей, ощутить себя победителем. Когда он впервые появляется в зале и секретарь объявляет в микрофон, что на соревнованиях присутствует выдающийся рекордсмен по тяжёлой атлетике Серго Амбарцумян, перед войной сражавшийся с самим великим Мангером, — снова вспышка-блиц судьбы — зал взрывается овацией, и все встают. Серго Искандарович до глубины души тронут и снова счастлив. Оказывается, в Германии его хорошо помнят! Оказывается, он для многих людей до сих пор существует как «выдающийся рекордсмен»!

И был там в Штутгарте ещё один такой «кадр» (и может быть, уже самый последний), озаривший на мгновение его как необходимого времени и людям человека. «Комсомольская правда» от 25 октября 1977 года в репортаже о победе Юрика Варданяна на чемпионате мира по тяжёлой атлетике писала: «В Штутгарте сразу после победы Юры его заключил в свои могучие объятия прославленный тяжелолюбитель прошлого Серго Амбарцумян. Это было трогательно и символично. Эстафета передана в солидные и надёжные руки». Серго Искандарович был весьма удовлетворён этой последней фразой

(вырезка той статьи хранится в его архиве). Но вот уже и «эстафета передана»... А что же остаётся? Путешествия?.. Что ж, он очень любит путешествовать, но, по правде говоря, долго не может — сильно тянет домой. А этот момент, когда поезд пересекает границу, всегда чрезвычайно волновал его.

Вот, например, они с Томой возвращались из Франции. И на стоянке в Бресте он вдруг увидел наших пограничников — первых «наших» после долгого пребывания среди иностранцев! Не пытаясь сдерживаться, он торопливо выбрался из вагона и со слезами на глазах кинулся к одному из пограничников. Тот, стиснутый внезапным мощным объятием и смоченный слезами Серго, изумлённо воскликнул: «Что случилось?» На что, в свою очередь удивлённый, Серго ответил: «Как что случилось? Это же моя Родина, и ты — первый из своих, кого я увидел!»

Но, прибыв на Родину и получив положенную дозу ликования от встреч с родными и друзьями, он снова оставался предоставленным самому себе и работе в шашлычной. И мир тяжёлой атлетики, как и все эти последние годы, абсолютно не нуждался в нём — как будто его, Серго, не было вовсе. Но как же так выходит: другие «специалисты», с меньшим, чем у него, опытом, а то и без всякого, учат молодёжь поднимать штангу, учат побеждать, а он, рекордсмен, давший некогда стране единственную нужную ей победу, — не у дел и, значит, никчёмный совсем человек — неудачник...

Я раздумываю над уникальной и вместе с тем банальной драмой Серго Амбарцумяна (ибо неповторимы победители, а падающие звёзды так печально похожи), и мне является парадоксальная, а в общем, вполне поверхностная мысль: баловень судьбы, счастливчик всегда в известном смысле неудачник, обездоленный, ибо за подаренный всплеск торжества жизнь потом (как правило) многое отберёт у него, подчас всё. Хотя можно ли эту мысль вполне отнести к Серго? Ведь ему повезло не только в спорте — «самая лучшая жена», по его твёрдому убеждению, тоже была у него. А хорошие, любящие дети? Это ведь ныне ценится почти как рекорд. Что же до работы в шашлычной, то ведь её посетители — его друзья, его гости. А быть всё время среди друзей — это ли не счастье? И всё же он страшно одинок. Вот и выходит, что, сколько бы вокруг ни было людей, без помоста, без штанги, без этого неповторимого и нескончаемого хоровода турниров, рекордов и побед — он один, никому не нужный, уставший, старый человек... Сельдерей, укроп, петрушка... На ваше заявление без даты... конечно, заведовать шашлычной — неплохая, в сущности, работа. Если бы только не тянул этот непосильный груз воспоминаний о временах, когда не было, кажется, человека, который не хотел бы видеть его, именно его на помосте! Не хотел бы пожать ему руку... Но ведь и теперь люди охотно жмут его руку, но... не так, не так, как тогда... И глаза у всех у них «тогда» были другие — восторженные, словно он бог... И вот уже на помощь ему спасательным кругом плывут воспоминания...

...Он приехал в Киев на какой-то всесоюзный турнир... В каком же году это было?.. В сорок пятом?.. Однажды в столовой, где кормили штангистов, его и Феофанова подвели к столику, за которым одиноко сидел сгорбленный старик — сколько ему тогда было лет? Восемьдесят? Девяносто? В тот момент Иван Поддубный чистил крутое яйцо, и руки его при этом дрожали. Им стало больно смотреть на бессилие великого борца, и Феофанов помог ему дочистить яйцо.

Потом Поддубному представили «знаменитого, непобедимого Серго Амбарцумяна», и он весь вдруг как-то осветился, выпрямился, бросил яйцо и стал в упор глядеть на Серго. Тот — на Поддубного.

«Дядя Иван Поддубный, — осторожно вмешался в молчаливый диалог двух великих атлетов Феофанов, — можно, я задам вам один нескромный вопрос?» — «Можно», — сказал Поддубный, не отрывая глаз от Серго. «Если бы Серго Амбарцумян выступал в

ваше время, и не штангистом, а борцом, кто бы из вас выиграл?» — «Сынок, — сказал Поддубный, продолжая глядеть на Серго, — такие люди редко рождаются. Он был бы непобедимым чемпионом». При этих последних словах Серго весело рассмеялся, он любил свою славу и мог оценить великодушные прославленного борца. Он так и сказал ему тогда, что, мол, ценю ваше великодушие, и поблагодарил за добрые слова. А потом Поддубный рассказал им свою знаменитую историю о том, как он боролся с одним французом и тот смазлся перед борьбой оливковым маслом. Поэтому Поддубному никак не удавалось его как следует ухватить и положить на обе лопатки, в результате — ничья. «Тебе, — обратился он в заключение к Серго, — такая смазка не грозит. Даже если твой противник и смажется маслом — тебе наплевать, правда? Хотя, наверное, у вас свои какие-нибудь хитрости есть, да?..» И уже в самом конце этой их исторической встречи он сказал: «Видишь, я уже ухожу, а тебе ещё долго побеждать». «Долго ли?» — подумал Серго и обнял старика на прощание...

Мозаичные осколки легенды... Можно осторожно вынуть из неё любой, хоть самый крошечный, и на мгновение он снова заживёт, заиграет...

...Когда собрались перенести здание Моссовета со старого места на новое, туда, где оно стоит теперь, в прессе широко обсуждался вопрос о том, как же технически это сделать. В одном из популярных наших журналов, кажется в «Огоньке», появился рисунок: гигант Серго Амбарцумян одной рукой поднимает здание Моссовета и одновременно, улыбаясь, спрашивает: «Ну, куда же его теперь перенести?»

И когда потом Серго и Тома приезжали в Москву и проходили мимо перенесённого здания, они всякий раз вспоминали тот рисунок: и тут без Серго не обошлось.

...В 36-м году наши штангисты приехали на какие-то соревнования в Париж. Их там очень тепло принимали, многих после первого же выступления узнавали на улице. Однажды, когда они в очередной раз вышли на помост, раздались бурные аплодисменты, и зрители приветствовали их стоя.

И тогда один из наших атлетов, Попов, выступавший в полулёгком весе, гордо сказал Серго: «Смотри, это они мне аплодируют». На что Серго, глянув на него сверху вниз через плечо, бросил: «Да из-за меня тебя вообще не видно».

Пустячное, в сущности, воспоминание. И зачем оно? Но разве память спрашивает, что именно поднять из глубоких подвалов хранения наверх, на светящийся экран переживания?

Из таких пустячных осколков и состоит его жизнь...

«Бывало, по улице с ним идёшь, так люди от одного его вида в восторг приходят, — вспоминал Богдасаров. — Друг друга подталкивают, пальцами показывают: “Смотри, смотри, это Серго Амбарцумян”.

Я когда в первый раз его увидел, тоже опешил. Он мне напомнил джинна из “Багдадского вора”. Я тот фильм много раз смотрел — именно из-за этого джинна. Я любовался его огромностью и могуществом, хотя и понимал, что они — лишь результат кинематографических уловок. А тут я увидел настоящего, “несделанного” гиганта. Это произошло в Минске, перед началом чемпионата Союза. Я пришёл к нему в номер познакомиться. В тот момент он лежал на кровати в одних трусах, черноволосый, смуглый великан — ну точь-в-точь тот джинн. При моём появлении он встал, и ощущение его огромности ещё усилилось. На столе у него стоял графин, полный воды — литра два. Со словами “пить охота” он взял графин одной рукой, как стакан, и графин исчез в его лапе. Потом он поднял его над головой, открыл рот и, не касаясь его губами, выпил весь (!). Я был потрясён...»

Из случайного разговора с соседом моих друзей в Ереване: «Я живу в ста метрах от его дома и потому частенько мог видеть, как он выходил из подъезда и садился в свой

огромный «ЗИМ». В тот момент, когда он опускался на сиденье, машина резко оседала под ним и тяжело кряхтела — такой был большой человек...»

К слову о «ЗИМе» — это был последний, вернее, два последних его автомобиля.

Продав «опель», они остались без машины, а ведь Серго совсем почти не мог под конец жизни ходить пешком. Правда, когда он работал на такси, проблема с транспортом была не так остра, а вот с переходом в шашлычную в этом смысле стало совсем тяжко. И тогда он обратился в спорткомитет с просьбой, чтобы ему дали возможность купить машину. Ему предоставили такую возможность, но «Волга», о которой шла речь, оказалась слишком дорогой — что-то около десяти тысяч — у них с Томой таких денег не было. Серго уже собирался отказаться от неё, как вдруг один из работников спорткомитета попросил, чтобы Серго отдал эту машину ему, у него, мол, есть деньги, он и заплатит, а Серго предложил купить его старый «ЗИМ» за две тысячи. Серго вообще нравилась эта машина, он считал, что она ему подходит, и согласился. Отдал он этот старый «ЗИМ» потом в ремонт, кое-что там заменили, почистили, покрасили, и машина стала как новенькая. Сколько они с Томой потом на ней ездили! Ну и укатали со временем порядком. А тут как раз появилась возможность её обновить. Дело в том, что тогда были «ЗИМы»-такси, и, списывая, их разбирали на запчасти. Серго удалось достать много этих зимовских запчастей — их тогда по государственной цене продавали — столько, что удалось собрать новый «ЗИМ». И вышло, что у него теперь на один номер — две машины, а это не полагалось. Значит, он обязан был старую машину, как это тогда называлось, раскулачить, то есть разобрать на запчасти. И вот когда уже он вызвал мастера, чтобы это сделать, им с Томой вдруг так жалко стало старый, верный «ЗИМ», так горько, будто старого друга предавали. Другой бы на месте Серго не стал избавляться от старой машины, оформил бы её, скажем, на дочь или сына, но он такие махинации не любил и ничего подобного в жизни не делал... А когда машину начали разбирать, Тома расплакалась. «Эта машина столько нам радости принесла, где мы только с ней не были, а теперь её били, рвали на части...» И Серго тоже не мог на всё это смотреть... роль мучителя — это была не его роль...

Глава 13

...Он вечно всех спасал. Даже когда ему было уже за 70, он, больной, грузный человек, становился очень лёгким на подъём, если кому-то требовалась помощь. Страдая в последние годы болезнью сердца, он постоянно носил с собой во всех карманах уйму сердечных лекарств и снабжал ими всякого, кто в них нуждался.

...Едет Серго по улице Абовяна и вдруг видит: у двери одного магазина стоит человек и со страдальческой гримасой держится за сердце. Серго мгновенно в неполюженном месте разворачивается, подъезжает к нему и, тяжело вылезая из машины, говорит: «Я могу тебе помочь?» Человек в годах, примерно таких же, как Серго, увидев его и узнав, явно смущается и отказывается от лекарств. Между тем у них завязывается разговор, в процессе которого человеку и без лекарств становится лучше. Вот он уже не держится за левый бок, а, счастливо улыбаясь, пожимает Серго руку. Сейчас это назвали бы психотерапией...

...50-е годы. Серго Амбарцумян — водитель грузовой машины в конторе «Заготзерно».

Как-то колонна грузовых автомашин, в одной из которых был и он, ехала в сторону Ленинанкана, в обход горы Арагац. Вдруг передние машины остановились: на дорогу внезапно выбежала собака пастухов-курдов, и водитель второго грузовика, не успев

затормозить, сбил её. Когда передняя часть колонны остановилась, несколько водителей вышли из машин, сокрушаясь по поводу погибшей собаки. Между тем их обступили возбуждённые пастухи, угрожающе размахивая своими огромными посохами. «Разговор» мог плохо кончиться, разгневанные пастухи могли избить и даже убить виновника — учтите ценность собаки для пастухов, а также их свободолюбивый, вольный нрав. Собравшись вместе, они представляли грозную силу, и поговаривали, что у них могло быть при себе оружие. И вот в самый горячий момент подъехал к месту несчастного случая Серго, быстро вышел из машины и, почувствовав, что ситуация опасная, может быть, даже неуправляемая, резко пошёл на курдов и заорал: «Что собрались?!» От его внушительной фигуры и от внезапного грозного напора курды как-то сразу смирились, отступили, опустили свои посохи, и разговор принял совсем иной характер — скорее грустный, чем боевой — о том, что, к несчастью, случилось, а не о том, кто виноват. И вскоре, уже удручённо прощаясь, все расходились — водители по машинам, курды прочь, к своим стадам.

...Снова дорога — теперь в Эчмиадзин. Серго едет с Томой на «опеле» и вдруг видит: впереди мчатся две машины, а из них высовываются какие-то люди и, люто споря, отчаянно размахивают руками и даже швыряют друг в друга какими-то предметами. Другой бы на его месте не обратил на это внимание — их дело! Но Серго мягко обошёл машины на своём «опеле», развернул его поперёк дороги и стал, преграждая им путь. Когда, удивлённые, они вылезли из машин, он тоже вышел и, как ни в чём не бывало, будто становиться людям поперёк дороги — дело самое обычное, спросил: «Что у вас случилось? Что кричите?» И самое интересное, что они стали, опять же споря и ругаясь, рассказывать ему о своих расхождениях. Там с ними в одной из машин была молодая женщина, которая недавно родила и после этого, как бы слегка помешавшись, ушла из дома. Родные поймали её и силой решили отвезти к бабке-колдунье. Другая же часть клана была категорически против вмешательства тёмных сил. Словом, на одной машине её везли к колдунье, на другой — догоняли, чтобы этому помешать. Когда Серго всё это рассказали, он громко, сценически броско вышел из себя. «Вы что, с ума сошли?! — гремел он на всё шоссе. — Какие бабки, какие колдуньи! Её в больницу надо везти». И вот уже через несколько минут такая кавалькада двинулась по шоссе — впереди Серго с Томой на «опеле», за ними две машины — везут женщину в больницу. Положили её при посредстве Серго в одну из ереванских больниц. И потом он постоянно следил за тем, как идёт лечение. А когда её выписали, сам на своей машине (вместе с Томой) отвёз её домой. «Она до сих пор живёт в Ереване, — рассказывает Тамара Ованесовна, — работает дворником. И всегда, когда меня встречает, улыбается и плачет: “Ой, дядя Серго!.. Он меня спас”».

Однажды идёт Серго мимо какой-то больницы и видит такую картину. В больничном дворе фургон стоит, в нём лежит старуха, а рядом сидит старик и, глядя на старуху, плачет так горько, так беспомощно... Серго подошёл к старику и спрашивает: «Хайрик-джан (отец, дорогой), в чём дело?» — «Старуха помирает, а в больницу её не берут, говорят, нет места...» — «Подожди, дорогой», — коротко сказал Серго и пошёл в больницу. Вскоре старик услышал, как он там что-то кричал. И положили-таки старуху в больницу. Тут же, через пять минут. А старика Серго привёл к себе домой: «Поживи у нас, пока старуха вылечится». «Этот фургон у нас под окном целую неделю стоял, — вспоминает Тамара Ованесовна. — И Серго со стариком каждый день ходили в больницу, навещали старуху, передачи ей носили. И вылечили старуху! И отправили домой. А через некоторое время появился к нам старик с бараном, говорит, старуха велела тебе отвезти, ты, говорит, для неё теперь Бог. А Серго дал ему 100 рублей за барана и говорит: “Зря ты, старик, его тащил, он мне не нужен, но не везти же тебе его обратно. Только старухе не говори, что я

тебе деньги дал, она расстроится. Но и меня пойми: не могу же я за доброе дело баранов брать...” Старик ни за что не хотел принимать от него деньги, но где же ему было спорить с Серго! Разве Серго можно было противиться!..»

...И снова едет Серго на своем грузовом такси в район. И вдруг видит, у дороги люди стоят — целый колхоз, наверное, — кричат, плачут. Остановил машину, вылез: «В чём дело, люди добрые? Чем могу помочь?» Оказалось, стадо этого колхоза находилось в горах, а была осень, и внезапно выпал обильный ранний снег. Так что отара, а с нею люди — пастухи и их семьи, дети, запросто могли теперь погибнуть на какой-то там горе, не имея возможности оттуда выбраться. Потому что помощи никакой ниоткуда не поступало, и вроде не было никакой на неё надежды...

И вот Серго — наш герой Серго — весь район на ноги поднял, где-то несколько тракторов для спасательных работ раздобыл: свой груз, который вёз по назначению, кому-то перепоручил, сам на ту гору забрался и много людей тогда спас. Так что для жителей тех мест его имя тоже теперь святое...

Двенадцать подвигов приписывается Гераклу. А сколько было у Серго? Может быть, и больше. Но тут, справедливости ради — по отношению к древнегреческому герою, обстоятельства жизни которого мы, безусловно, знаем хуже, чем свои, — следует сказать, что помимо постоянной готовности Серго к добрым, подвижническим делам было ещё нечто, весьма располагающее к подвигу, — наша «действительность». Где «всегда есть место подвигу», всегда найдётся что тушить, вычерпывать, найдутся люди, коих надо снять с горы или, напротив, туда забросить, словом, масса дел, требующих вмешательства героя...

Но не только он спасал других, случалось, спасали и его.

...Было это году в тридцать пятом или тридцать шестом. Ещё длился его восхитительный и неоспоримый «путь наверх», как вдруг... Незадолго перед всесоюзным турниром в Москве, где Серго должен был сразиться с главным своим в то время противником — Куценко, он растянул себе на тренировке пах. Ему назначили лечение: прогревание синей лампой, и у себя в номере в гостинице «Москва» он усердно лечился, чтобы как можно быстрее привести себя в боевую готовность. Во время одного из таких сеансов он уснул, лампа выпала из его рук, а проснулся от неопишуемой, дикой боли — ожог! В соседнем номере услышали его короткий душераздирающий крик, на «скорой» отвезли в больницу, и там, едва взглянув на травму — вид этого обожжённого, чудовищно распухшего места исторг возглас ужаса даже у видавшего виды хирурга, — сказали: «“Его” придётся удалить». — «Удалить?!!!!!!!!» — и Серго заплакал. Превозмогая боль и запрет врачей, он дотащился до телефона и позвонил Ягоде. Почему именно Ягоде? Ну, вероятно, в тот момент никого больше из бонз по телефону не нашёл, а ситуация была «убийственная» и требовала немедленного высочайшего вмешательства — пока ретивые доктора «скорой» в самом деле не удалили... А для Ягоды он был всё же «своим», динамовцем. И Ягода участливо-удивлённо спросил: «Что случилось, Серго?» — ибо ни прежде, ни потом Серго не звонил ему. В ответ Серго глухо застонал: «Я в ужасном положении, помогите...» И глава ОГПУ — ещё один высокопоставленный благодетель — заверил: «Не волнуйся, примем все меры, всё будет в порядке». Он немедленно прислал «свою» «скорую», и она забрала Серго в «свою» больницу. И в самом деле всё обошлось: Серго довольно быстро подлечили, и не пришлось ничего удалять. Правда, дуэль с Куценко в тот раз не состоялась — к тому турниру Серго всё же не поспел. Но впереди было легендарное побитие Мангера и вся жизнь...

Передо мной справочник по тяжёлой атлетике, 1983 год, издательство «Физкультура и спорт». Составитель М. Л. Аптекарь, тот самый, чьё письмо я привела в связи с поединком Амбарцумяна и Мангера.

Открываю раздел: «Выдающиеся атлеты и деятели тяжелоатлетического спорта», в нём пятым по счёту (по алфавиту), сразу за Василием Алексеевым идёт: «Серго Амбарцумян (р. 1910 г.), Ереван — “Динамо”, “Спартак”. Заслуженный мастер спорта СССР. В тяжёлом весе чемпион СССР три раза (1933 – 1935). 5-е место на чемпионате мира 1946 г. Установил один рекорд мира и 30 рекордов СССР. Во всесоюзных соревнованиях участвовал с 1932-го по 1951-й г. Кавалер ордена “Знак Почёта”. Обмеры в 1938 году: рост 184 см, вес 115 кг, грудь 123 см, бедро 74, бицепс 45 см. Сменил несколько профессий — каменщик, автослесарь, шофёр, с 1960-го — работник ереванского треста ресторанов».

Вот, оказывается, как просто и скучно можно изложить жизнь Триумфатора, ухитрившись при этом даже не коснуться его главного рекорда. Впрочем, «касание» всё же есть: указанные обмеры Серго Амбарцумяна сделаны в 38-м году. Правда, не указано, почему обмеры именно этого года попали в справочник. Впрочем, мы-то с вами, читатель, пожалуй, поймём почему, а другие?..

Да, конечно, в силу объективных причин тот его главный рекорд считается неофициальным (хотя именно за него, и только за него, он снискал все высшие награды и славу). А у справочника свои твёрдые рамки, и внести в него можно лишь то, что можно внести. На то он и справочник. И всё же... Хотя, в конце концов, отсутствие информации — кажется, я убеждаю себя в этом уже не в первый раз — это ведь тоже информация, только слегка заштрихованная и более многозначительная — информация подтекста.

...Вот уже почти месяц он лежит в своей последней больнице, в Москве, куда его привезли из той, другой... А так хочется домой, в Ереван! Его дом, двор, люди, деревья — все они уже, наверное, давно заждались его, а он тут так безнадежно застрял... Дома теперь уже совсем тепло и цветут абрикосы... Когда он вернётся, то, сперва отдохнув немного, выйдет во двор, поздоровается со всеми деревьями, но сначала, конечно, со «своими»... После неторопливо и обстоятельно заведёт разговор с соседями. О чём? Да так, о чём-нибудь. В конце концов, важна ведь только глубина и тонкость взаимопонимания, а тема тут ни при чём, тема может быть любая... Он недоволен повёл носом, его мысли перебил внезапно возникший запах карболки, там, в его дворе, совсем другие запахи... Он даже затаил дыхание, чтобы наперекор карболке уловить дух, настроение и гомон своего двора. Боже! Как хочется домой! И так было всегда — где бы он ни был, в Париже, в Монте-Карло или в Москве — его везде нестерпимо тянуло домой.

Ему удалось вообразить запах долмы и доносящийся из прохлады комнат непрерывный весёлый говорок: «долма-пататох», что значит «сплетницы». Он потом расскажет востроглазым улыбчивым сестричкам смысл этих армянских слов. Когда армянские женщины затевают долму, то обычно сразу много готовят — чтобы хватило на всю семью, родственников и тех, кто может случайно зайти в дом. И Серго, конечно, знал, как готовится долма. Сначала надо приготовить фарш. Затем маленькими порциями завернуть его в виноградные листья — получаются такие маленькие тёмно-зелёные куколочки, которые затем рядами укладываются в казан. Словом, работы (хотя и несложной, но кропотливой) много, и поэтому долму обычно делают не одна, а несколько женщин. И вот пока они всё это проворачивают, заворачивают, укладывают, им очень удобно поболтать — руки заняты, а язык-то свободен, — что они и делают с большим азартом, пока казан доверху наполняют, очень многим могут косточки перемыть. Вот их и называют «долма-пататох», дословно «делающие долму», а означает «сплетницы»...

Нет, он, конечно, потерпит здесь в больнице столько, сколько нужно, и не будет огорчать Тому и врачей своим нетерпением, тем более что все здесь к нему так добры и предупредительны, да и условия — лучше не бывает: отдельная палата, в ней светло, прохладно, и всё кругом так и сверкает чистотой; симпатичные сестрички с

разрисованными глазками споро делают своё дело, хотя дело это и не очень приятное — уколы, уколы... Но можно потерпеть... Мордашки сестричек словно свежий воздух среди тяжести и духоты его недуга. Но главное, конечно, то, что Тома с ним. Ей разрешили въехать сюда, в его палату, со своим диваном (!) и, как и всю жизнь, она неотступно здесь с ним — днём и ночью...

...Сейчас ночь, и ему опять не спится. В этой больнице он почему-то никак не может уйти на глубину настоящего, тёплого, мерцающего бликами иных миров сна. Ему удаётся лишь пребывать на его плоской, нудно-изматывающей поверхности, когда малейший звук или движение его затёкшего тела выносит его в явь, и он вроде как и спит и бодрствует (но совсем не бодро) одновременно. И если эта маета становится очень уж невыносимой, то можно легко выудить себя из неё.

...Завтра... нет, уже сегодня — воскресенье. Если бы они с Томой сейчас были не здесь, а в Ереване, то, как обычно, поехали бы в Эчмиадзин, в церковь. С некоторых пор он стал верующим...

...Было это году, кажется, в 60-м, проснулся он однажды утром и говорит Томе: «Знаешь, что мне сейчас приснилось? Будто подходит ко мне какой-то незнакомый человек — лица его не видно, оно вроде как в тени — и тихо так, врасстяжку говорит: “Что же это ты, такой добрый армянин — доброта так и сыплется из тебя, — а в церковь не ходишь?” И исчез». Тома только рассмеялась: «Ты что же, веришь всяким снам?» — «Это не простой сон, не всякий. Это вещий сон, — ответил Серго. — И я теперь буду ходить в церковь». Сказано — сделано. И стали они каждое воскресенье ездить в Эчмиадзин.

«Никогда прежде он не придавал значения снам, — вспоминает Тамара Ованесовна, — а тут вдруг... По-моему, он чего-то боялся. То есть не чего-то, а будущего. И вера стала казаться ему опорой в ожидании того, что ждало его впереди. Правда, в самой церкви он находиться долго не мог, ему там не хватало воздуха и делалось нехорошо. Поэтому он ставил свечи — обязательно в двух разных местах — крестился и быстро уходил. И мы даже никогда не могли из-за этого послушать службу...

А раз или два раза в год мы делали жертвоприношение. По дороге в Эчмиадзин мы покупали барана и везли его туда для того, чтобы принести в жертву. Священник крестил нас и этого барана, давал ему священную соль, потом его, бедного, резали и разделявали специальные церковные служители. Разделанного барана мы везли домой, варили и по обычаю раздавали семи семьям, соседям. Мы несли им это мясо, завернутое в лаваш, на тарелках и говорили: “Это маттах”, что значит “жертвоприношение”. А они нам отвечали, что пусть, мол, то, ради чего вы делаете “маттах”, сбудется. Мясо же, которое оставалось от барана после раздачи соседям, мы брали себе. По обычаю очень важно, чтобы весь священный баран был съеден в тот же день, ни кусочка не должно остаться на завтра. А косточки его нужно зарыть где-нибудь возле дома и ни в коем случае не бросать в мусор — таков святой обряд. Сколько этих священных косточек у нашего дома зарыто! Соседи смеются, говорят: как Серго хочет баранины, так идёт на жертву. А Серго, и правда, делал это чаще других, иногда даже по три раза в год. Вот, например, незадолго до его кончины ему плохо было, еле-еле откачали. А только чуть оправился, говорит: мы должны в следующее воскресенье обязательно ЭТО сделать. Я ОБЕЩАЛ!» Снова роковое обещание.

...Вот и кончается длинная, казалось бы, нескончаемая ночь. Кромешный мрак изгнан этой вселенской мутной серостью, но это ещё не рассвет, а лишь его прелюдия. И, как всегда, с её наступлением он попадает на «тот» банкет.

...Царственное сияние люстр, всё кругом сверкает, и в глазах людей столько счастья, что кажется, оно не иссякнет никогда, оно — вечно.

За огромным столом восседают лучшие люди страны — благородные, красивые, счастливые люди. А что за стол! — уж он-то знает толк в трапезе. Чего тут только нет — от

красной и чёрной икры, так влажно и нежно блестящей, от всевозможных холодных и горячих закусок — до заморских вин и фруктов... Банкет этот был устроен в Кремле в честь того парада физкультурников, на котором он выступал в роли Давида Сасунского... (Сколько раз он был на кремлёвских банкетах? Два, три раза?) Вечер открывал Сталин. Говорил просто, без пафоса, но столько величия было в его обычных словах... Что же он говорил?.. Нечто вроде того, что вот, мол, вы, товарищи, сделали свою работу и теперь заслужили хороший отдых, отдыхайте, веселитесь, танцуйте, ешьте, пейте сколько хотите — у нас всего хватит для вас. А потом обратился к Ворошилову: «Климент Ефремович, нам для стола тамада нужен. Давайте подумаем, кого бы нам выбрать. Я, например, предлагаю Амбарцумяна, вы не против?» Ворошилов ответил: «Я не против». Тогда Сталин обратился к Амбарцумяну: «Товарищ Амбарцумян, вы согласны быть нашим тамадой?» Серго, конечно, согласен. И тогда Сталин велит заменить рюмку Серго на фужер и собственноручно наливает ему шампанское. А Микоян, Молотов и кто-то ещё подливает в фужер Серго различные вина и ликёры, и этот кремлёвский коктейль Серго выпивает залпом, тем самым потворствуя легенде о Серго-богатыре. Затем он попросил, чтобы ему представили программу банкета, на основе которой он мог бы фантазировать и чередовать «номера».

И вот тут-то, кажется, Сталин и сказал Молотову: «Ты посмотри, я думал, что Амбарцумян отличный спортсмен, а он, оказывается, ещё и отличный тамада. Настоящий кавказский тамада: знает, с чего начать». А начал Серго с того, что велел всем наполнить бокалы и провозгласил тост за товарища Сталина. В том смысле, что вот если мы сегодня так хорошо, так спокойно, мирно живём (канун войны!), с таким размахом, радостью и гордостью проводим свои парады (разгар репрессий и гибель миллионов на «парадах» лагерей), то это всё благодаря товарищу Сталину. Ну, тут все, конечно, встали, зааплодировали и закричали: «Ура! Да здравствует товарищ Сталин!..» После выпили. Сели. Закусили... А далее уже пошли тосты за всех членов Политбюро, затем за председателей комитетов, за прекрасных спортсменов и честных тружеников... Между тостами играл оркестр, гости пели, танцевали, заказывали музыку, словом, банкет проходил шумно, весело — всю ночь! И, между прочим, Сталин и всё Политбюро не покидали его до утра. Они, правда, не танцевали, но ели, пили и провозглашали тосты, как простые смертные. Едва минуло 6 часов, Сталин взял свой бокал, встал и сказал: «Дорогие мои собутыльницы и собутыльники — так и сказал, — мы с вами всю ночь веселились, и нам было очень приятно с вами. Но теперь мы пойдём немного отдохнуть, потому что у нас скоро начинается рабочий день. А вам ещё рано уходить, вы гуляйте, ешьте, пейте и не беспокойтесь: у нас вино из кранов идёт...» Затем извинился, и всё Политбюро вместе с ним быстро удалилось. Банкет же длился ещё часов до 8. Уходя с банкета, Серго накупил там, в Кремле, всевозможных шоколадных конфет — несколько десятков бонбоньерок. Их потом целый год всей семьёй ели и всех угощали. И люди, не торопясь вкушая конфеты, со значением качали головами — шоколад из Кремля...

В ту ночь Тамара была у своей сестры Тани, переехавшей снова в Москву, и они до утра не сомкнули глаз, ожидая, когда же вернётся Серго. А когда он вернулся, то сказал своё знаменитое: «Всё, Тома, можно умирать! Я был у Сталина тамадой...»

После этих слов у них, конечно, жутко разыгралась любознательность, но больше он ничего толком сказать не мог, пребывая в блаженном тумане утомления, томления и заморских вин. «Ну расскажи же хоть что-нибудь!» — тормошила его Тома, но он лишь бормотал, улыбаясь: «Потом, потом... спать...» Они предложили ему позавтракать, но есть он, конечно, не мог. И тогда они стали укладывать его спать. А он — здоровый медведь — на Танином диване никак не помещается. «На полу, на полу мне стелите...» «На полу неудобно», — сокрушается Таня. «Нет, на полу...»

Едва его уложили, он заснул, но сон его был беспокойным: он метался по полу, кого-то обнимая, похлопывая, и произносил застольные речи. А время от времени говорил одну и ту же фразу: «А теперь выпьем за товарища Сталина!» И под конец ещё затынул: «Широка-а страна моя родная-а-а...» Тома смотрела на него и удивлялась: «Никогда прежде он не “выступал” во сне, тем более не пел...» А когда к вечеру его попытались поднять, он ни за что не хотел вставать, зарывался в простыни, словом, не желал покидать кремлёвский банкет.

...В это раннее утро в больнице тяжесть в его голове очень похожа на ту, что была в день, вернее, вечер, когда после банкета в Кремле он проснулся у Тани в комнате, на полу: в голове всё ещё неслась кремлевская карусель, таща по кругу невнятные, смазанные лица гостей, среди которых вдруг выскакивали отдельные чёткие видения: Сталина, Берии, Молотова... И ещё какого-то маленького сизоглазого старичка, хитро выныривавшего то в одной, то в другой части вельможной карусели...

В последнее время его стала утомлять навязчивость этого воспоминания... Оно всё больше наполнялось тоской, вытесняя понемногу никогда прежде не изменявшее ему ощущение гордости и величия своего предназначения...

Мимо палаты громко простучала каблуками ночная сестра. Обычно ко всем доброжелательный, Серго сейчас со всё возрастающей неприязнью слушал беспардонное цоканье — ведь ещё совсем рано, и многие больные спят или хотят спать, а ей хоть бы что, гарцует, точно на танцах...

Он беспокойно заворочался в кровати, отчего она жалобно заскрипела. Серго тихо застал. «Серго, что? — тотчас встала со своего дивана Тома. — Тебе нехорошо?»

«Нет, нет, всё в порядке, просто думаю, спи...»

Когда Сталин умирал, люди горько плакали, и он тоже, кажется, плакал. У него со Сталиным были связаны самые счастливые времена. А у других? Задумывался ли он когда-либо об этом? И ему вдруг опять (когда же впервые?) почудился тихий, но настойчивый плач «других», замученных — заунывное пение, с некоторых пор понемногу терзавшее душу. Но за что? В чём он виноват?..

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали всеблагие как собеседника на пир». Но бывают ли в этой жизни минуты «не роковые»?.. Что толку, впрочем, в названиях? Каждая отдельная жизнь проживается только в это, «её» время, и другого не дано. И лишь в контексте этого времени можно попытаться стать счастливым. Писательница, девушкой прошедшая войну, вспоминает, что это были её лучшие годы — годы юности. А лучшие годы Серго Амбарцумяна пали на конец 30-х годов. Не он выбирал их, и не он способствовал этому странному их обозначению: «годы репрессий» (странному, потому что в смысле репрессий они не отличаются от других отрезков истории нашей страны). Просто такова была его судьба — жить именно в эти «роковые минуты».

И снова слышу тютчевского «Цицерона», но уже сначала:

Оратор римский говорил
среди бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
застигнут ночью Рима был!»

Может быть, Серго тоже поздно встал и был застигнут ночью нашей империи? Хотя в известном смысле он встал как раз вовремя — чтобы поспеть к своему звёздному мигу.

Тамара Ованесовна убеждена, что Серго не подозревал о злодеяниях, творившихся в его время, что он очень любил Сталина и гордился его доверием. Но соседка Амбарцумянов Римма Алоян вспоминала: «Как-то, после одного из парадов

физкультурников, где Сталин лично аплодировал Серго, Серго мне вдруг признался: “Я чувствую, что он очень жестокий человек. Вы не знаете его. Он ни перед чем не остановится...”» Короткое, в сущности, признание, недосказанное. Но в те годы оно было поступком, проявлением мужества и говорило о многом...

Серго снова и снова думал о нём... Он, конечно, чувствовал его жестокость, грубость, и это никак не вязалось с представлением Серго о великом человеке, о кавказском человеке, наконец, просто о человеке. Но это сияние, исходившее от него, эта магическая сила «отца народов», — она захватывала тебя всего... Был ли в нём страх перед Сталиным?.. Он не назвал бы это страхом, но какое-то оцепенение, холод сковывали его, когда он, такой большой и сильный, стоял перед тщедушным, маленьким, но всеильным вождём...

Он снова тяжело перевалился на другой бок, и ему вторил уже свирепый треск умаявшейся за ночь кровати... Уже совсем светло...

«Серго, милый, тебе нехорошо, да?»

«Да нет, всё нормально... Слушай, вот теперь говорят, что во всём нашем поколении при Сталине сидел страх, как ты думаешь?..»

«Надо спать, а он... Нашёл время мировые проблемы решать... До утра подождать никак нельзя?»

«Нет».

«Знаешь, я не помню, чтобы ты хоть раз сказал “как страшно” или что-нибудь в этом роде. Наоборот... Это сейчас все всё знают, а тогда кто знал? Те, кто пострадали, да и то не все. Многие умирали с мыслью об ошибке и о том, что Сталин “ничего не знает”. С его именем люди воздвигали дома и бросались под танки».

«А я бросался под штангу».

«Ты же не ради него, ты ради страны, ради победы. Ты сильный и должен был побеждать. И не будь его, ты всё равно был бы великим атлетом!.. Сейчас легко рассуждать...»

«Помнишь, Тёма рассказывал нам фильм этого кинорежиссёра Тарковского — “Зеркало”? Там всё начинается с того, что в полутёмной комнате стоит немой мальчик. Он слышит, но не разговаривает. Он стоит лицом к стене, это место освещено, а рядом в темноте находится врач, который лечит его от немоты гипнозом. И вот он говорит мальчику: “Как только я хлопну тебя по спине, ты начинаешь говорить”. Затем он хлопает его со словами: “Ты будешь сейчас говорить!” И мальчик начинает говорить. Так мы... только сейчас... Но слышали-то мы и раньше...»

«Это тебе теперь так кажется...»

«Нет, Тома, я не был глухим...»

«Конечно, не был... Но ведь даже мне ты никогда ничего об этом... ни словечка».

«Даже тебе... Но ты же знаешь, как мне пришлось бежать из Еревана после убийства Ханджяна? Я ведь тогда ни на секунду не поверил в его самоубийство и так об этом и сказал. Одно неосторожное слово выгнало меня тогда из дома, а ты говоришь... И этот мерзавец Андраник нацелился на нашу квартиру — ты разве забыла?.. Кто знает, где бы я сейчас был, не уйди я тогда из дома... Конечно, Сталин мог ничего об этом не знать, но я никогда не был уверен в том, что он не в курсе. Наоборот, у меня всегда было ощущение, что он всё и обо всех знает. И он, кстати, любил это повторять: “Я всё помню, всё знаю”...»

Потом Тамара Ованесовна пошла поговорить с врачом, ей не нравилось, что Серго уже вторую ночь не спит, ему нельзя не спать, его больное сердце...

А Серго устало прикрыл веки, и мягкая, тяжёлая дрёма, кажется, стала наконец-то им овладевать... И снова перед ним поплыл стол того банкета... и тот сизый старичок почему-то лукаво погрозил ему сухоньким пальчиком, а затем, им же поманив к себе,

неожиданно густым басом прогудел: «Иди сюда-а-а...» «Кто это?» — уже засыпая, думает Серго, но старичок не даёт его сознанию и исчезает вместе со столом... Когда же всё это было? Пятьдесят? Тысячу лет назад?..

Он лежал в последней своей больнице, возвышаясь в кровати огромной бессильной горой, и весь медперсонал знал, что это человек, чья жизнь стала легендой. Они, конечно, воздавали ему положенную дозу почтения; но вообразить, каким он был в дни успеха — когда, красивый, статный, вытянувшись во весь свой гигантский рост, держал штангу высоко над головой и весь мир лежал у его ног, — не могли. Ибо только миг ты живёшь в своей легенде, но потом она уносится от тебя и кружится уже сама по себе, и ты уже никогда не можешь с ней соединиться. Дальше ты идёшь своим прозаическим и трудным путём, не имеющим ничего общего с легендой, и в конце концов это может быть очень тоскливый отрезок: от кровати до двери палаты и — назад.

Но как бы там ни было, а легенда — только твоя, и никто и никогда не сможет отнять её у тебя.

Замечали ли вы, читатель, как выразительны, как красноречивы бывают спина и затылок героя (там может быть шляпа, или её может не быть), крупным планом показанные на экране? Подчас даже более, чем лицо, оснащённое всевозможными выражениями, оттенками и полутонами — в особенности, если знаешь или думаешь, что знаешь историю героя.

Я гляжу — в который уже раз! — на какой-то случайный обрывок телеплёнки (а что в мире не случайно?): посреди пустынной улицы, ссутулившись, стоит Серго (начало 80-х годов), какие-то доли секунды неподвижно, немо стоит спиной, потом медленно, тяжело ступая, уходит, уходит... Ушёл... Плёнка кончилась... Я прошу поставить её снова — точно в этом обрывке таится ключ к разгадке его судьбы. И снова: неподвижная, грузная спина смертельно уставшего человека. В ней обида и боль. И невозможность вернуться и что-нибудь изменить, и, кажется мне, прощание... и что-то ещё... Но что? Чего-то мне в этом кадре недостаёт, оттого-то я и смотрю его вновь и вновь. Но этот рефрен ничего, ровным счётом ничего мне не даёт...

Из случайного разговора в гостях в Ереване: «Однажды, проходя мимо “Динамо”, я вдруг увидел там огромное скопление людей. А в следующую секунду из здания показался гроб. Он шёл и шёл и никак не кончался — словно пароход. И я сразу догадался — это Серго. Потому что такого большого человека в Ереване больше не было. Несли этот гроб человек по десять с каждой стороны. И я заплакал...»

«Теперь, когда Серго нет, я осталась с моими детьми. Они хорошие дети, прекрасно ко мне относятся и радуют своими успехами, но без Серго так пусто в доме...

Помню, Серго часто говорили: “Какая у вас молодая жена, как Тома молодо выглядит”, — а ему это было приятно, и он всегда с гордостью отвечал: “Это всё благодаря мне”. Наконец, однажды я ему с досадой возразила: “При чём здесь ты, я сама такая, у нас весь род такой!” А вот как не стало его, так я сразу и постарела. Стало быть, прав был он — в нём было всё дело. Вот ведь всё у меня сейчас есть, я ни в чём не нуждаюсь и постоянно нахожусь в окружении детей, внуков, друзей — а пусто кругом, и всё...» Вот и всё.

Послесловие

Я пыталась понять, кем был в этой жизни Серго Амбарцумян, и, кажется мне, я его немного узнала: это был большой, добрый, хлебосольный человек, балагур и весельчак, не умевший проходить мимо чужого несчастья. Снискавший славу самого сильного на Земле (это уже почище, чем «железный мужчина»), он был очень раним, но старался достойно принять скользкость и беспощадность «спуска». И, в общем, это ему удалось. Ему были пожалованы «и жизнь, и слёзы, и любовь», где жизнь — это рекорды, слёзы — это слёзы, и любовь — любовь, словом, всё, как это принято у триумфаторов.

Он очень любил свою славу, любил людей, любил жизнь и, несмотря на постигшие его в конце жизни жестокие разочарования, не верил, что всему этому может прийти конец. И был прав. Потому что пока живы любящие, помнящие его, пока пишется книга о нём, нить, связывающая его с этой жизнью, не порвана.

Не каждый герой легенды становится героем своего времени, ибо спортивные легенды — распространённый, кстати, ныне жанр — точно поздравительные открытки, лубочны и призрачны: мелькнёт на миг торжества и тут же потеряется, не найдёшь потом ни за что. И лишь немногим так удаётся сконцентрировать в себе, в своей судьбе дух, ток своего времени, что навсегда остаются его приметой. Таков был Серго Амбарцумян.

Воздействие его на людей не ограничивалось ни спортом, ни каким-либо кругом, ни временем. Когда в любой среде, даже очень далёкой от тяжёлой атлетики, произносишь его имя, вокруг него тотчас возникает аура радостного воспоминания:

«Амбарцумян? Ну как же! Кумир!», «Дядя Серго меня жизни выучил», «Он был для меня примером».

Даже я, никогда не встречавшаяся с ним, по мере сопереживания ему, сочувствия и содуманья отчётливо ощущаю, несмотря на всю трагичность его судьбы, как прибывает моё желание жить и побеждать. Как моей щеки касается ветерок надежды...

Я снова представила себе тот обрывок телеплёнки с его уходом и поняла вдруг, чего мне недоставало в ней. И тотчас в моём воображении возникла желаемая концовка: уходя, он вдруг обернулся и, заговорщически нам подмигнув, сделал «полтора глаза». Во всяком случае, что-нибудь такое там непременно должно было быть, но просто плёнка кончилась...

И ещё. Я хотела написать «книгу жизни», но разве это возможно? Мыслимо ли «повторить жизнь»? Такие попытки относятся к тем смехотворным усилиям, как, скажем, «отразить время», «написать музыку».

Скорей всего, написанное здесь — сон, мираж, навеянный легендой и ностальгией по герою. Дивный мираж в пустыне нашей обыденности, демагогии и лжи — со всеми положенными ему караванами, верблюдами, деловито и крикливо гомонящими людьми, и внезапно засиневшим, засверкавшим до боли в глазах вдали морем — непреодолимый зов ледяной хрустальной воды, зов жизни.

Татьяна Львовна Любецкая

ТРИУМФАТОР

Редактор А. С. Карлин
Художественный редактор Т. А. Серебрякова
Технический редактор Г. В. Климушкина
Корректор О. В. Селиванова

Подписано к печати 11.09.92. Формат 70 × 108^{1/32}
Бумага типогр. Гарнитура «Таймс». Офс. печать.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 7,67. Тираж 10 000 экз.
Издание подготовлено к печати на персональных компьютерах.
Редакционно-производственное агентство «Олимп».
121069, Москва, ул. Воровского, 11.
Тульская типография, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.
Заказ № 320

